

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Глава 1.	
РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ЯДЕРНАЯ	
ПРОГРАММА ИРАНА.....	13
Проблема нераспространения ядерного оружия –	
международный и региональный уровни.....	13
Ядерные программы Израиля и Пакистана – особенности	
развития.....	19
Ядерная программа Индии. Некоторые аналогии	
с иранской ядерной программой.....	33
Ядерные разработки Ирана в шахский период.....	38
Ядерная программа Исламской Республики Иран.....	49
Испытание ядерного оружия Северной Кореей	
и проблема иранской ядерной программы.....	70
Глава 2.	
СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И	
ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА.....	73
Становление и развитие современных	
российско-иранских политических отношений.....	73
Участие России в реализации ядерной программы Ирана.....	88
Политика российских ведомств по вопросу	
сотрудничества с ИРИ. Кто за что отвечал?.....	97
Глава 3.	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО	
СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ.....	108
Влияние американского и израильского факторов на развитие	
российско-иранских отношений в ядерной сфере.....	108
Политические проблемы российско-иранского	
сотрудничества в области ядерной энергетики.....	122
Россия и «иранское досье» в СБ ООН.....	138
Глава 4.	
О БУДУЩЕМ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ И ВОЗМОЖНЫХ	
НАПРАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	207
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	220
SUMMARY.....	222

Об авторе

Саруханян Севак Норайрович. Живет и работает в Ереване (Армения). Заместитель директора Научно-образовательного фонда «Нораванк». Окончил Российско-Армянский (Славянский) госуниверситет по специальности политология. Кандидатскую диссертацию о политике научно-технического сотрудничества России и Ирана защитил в Российском государственном гуманитарном университете (2006 г.). Является автором более 30 научных и аналитических работ по проблемам иранской ядерной программы, российско-иранских и ирано-американских отношений, энергетической политики в регионе Персидского залива и Южного Кавказа, опубликованных в журналах и сборниках «Полис», «Космополис», «21-й Век», «Востоковедческий сборник» и т.д. Выступал на многочисленных международных научных конференциях в Москве, Тегеране, Исфахане, Зальцбурге, Тбилиси.

Член Международного института стратегических исследований (IISS, Лондон).

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга – пример профессионального подхода к одной из сложнейших проблем современных международных отношений и одному из наиболее острых вопросов отечественной внешней политики. Ядерная программа Ирана не только влияет на собственно российско-иранские отношения, являясь одним из наиболее весомых направлений двустороннего сотрудничества, но и сказывается на отношениях Российской Федерации с ключевыми игроками мирового сообщества.

При всей риторике по поводу мирного характера исследований, проводимых ИРИ в ядерной сфере, подозрения относительно их военной составляющей более чем серьезны. Геополитические амбиции действующего руководства Ирана, его агрессивный курс в отношении Израиля и жесткая позиция в свете попыток США и Евросоюза ограничить доступ Ирана к ядерным технологиям превратили иранскую ядерную программу в главную загадку мировой и региональной политики.

Если режим нераспространения рухнет, как предсказывают многочисленные критики МАГАТЭ, то произойдет это в первую очередь вследствие прорыва к ядерным технологиям Ирана. Ближний и Средний Восток в этом случае ждут потрясения тем более серьезные, что три непризнанные ядерные державы: Израиль, Индия и Пакистан – имеют к этому региону самое прямое отношение. В ядерном измерении противостояние Ирана и Израиля не только послужит фактором, осложняющим ситуацию в регионе, в дополнение к давнему индо-пакистанскому соперничеству, но и неизбежно развяжет новый виток гонки вооружений, на сей раз в сфере высоких технологий. В этот процесс могут втянуться как региональные игроки Ближнего Востока, от Марокко и Алжира до монархий ССАГПЗ и Турции, так и пороговые государства, отказавшиеся на том или ином этапе от обладания ядерным оружием или не ставившие перед собой цели овладеть им: Япония и Германия, Бразилия и Аргентина, ЮАР и Южная Корея.

Характерный для автора комплексный подход к проблеме позволяет не только подробно осветить собственно иранскую ядерную программу и российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере, но и позицию в этом вопросе США и Израиля, ООН и международных организаций. Разделы книги, посвященные ядерным программам Израиля, Индии, Пакистана и Северной Кореи создают фон, без которого объективная оценка событий, происходящих в Иране и вокруг него, была бы чрезвычайно неполной.

Нельзя не отметить взвешенный подход автора к рассматриваемой теме, который он сохраняет на протяжении всей работы. Российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере в течение почти полутора десятилетий служит предметом споров, в которых суть вопроса зачастую уступает политической ангажированности участников, ведомственным интересам и личным пристрастиям. Для большей части авторов, занимающихся этой темой, оно имеет либо изначально порочный, либо несоразмерно положительный характер. При этом за рамками рассмотрения оказываются как сложная мозаика российско-иранских отношений, многофакторных и не укладывающихся в простые формулы, так и еще более сложная, противоречивая система государственных интересов России на международной арене. Автору удалось избежать и проамериканских, и антиамериканских штампов, и это делает его работу особенно интересной.

Книгу можно рекомендовать сотрудникам профильных государственных ведомств и организаций, востоковедам, специалистам, занимающимся проблемами нераспространения, студентам и аспирантам соответствующих вузов.

Евгений Сатановский
Президент ИБВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении второй половины 20-го века, а также в начале 21-го века ведущие страны мира работали в направлении недопущения распространения ядерного оружия. Нераспространение ядерного оружия рассматривалось в качестве необходимого условия минимизации возможности начала глобальной и региональных ядерных войн.

Подписание Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1968 году стало правовым фундаментом пресечения «расползания» ядерного оружия. Можно сказать, что в целом ДНЯО справился и до сих пор справляется со своей задачей. И даже все минусы в реализации целей и задач ДНЯО – создание ядерного оружия Израилем, Индией и Пакистаном – никак не могут уменьшить значимости результатов действия этого документа. Ведь приведенные профессором Стэндфордского университета Джорджем Банном (участник переговоров по ДНЯО) данные свидетельствуют о наличии программ по созданию ядерного оружия у 16 государств мира в 1964 году. И это не считая США, СССР, Великобритании, Франции и КНР, которые к этому периоду уже создали ядерное оружие. Сегодня информация или подозрения о наличии военных ядерных программ у мирового сообщества остаются в отношении всего нескольких стран, прежде всего КНДР и Ирана. Очевидно, что сравнение между 1964 и 2000 годами говорит о значительной положительной роли ДНЯО.

Однако не все так радужно, как может показаться на первый взгляд. Ведь изучение широкого спектра военных и политических аспектов создания ядерного оружия говорит о том, что те страны, которым это оружие было на самом деле необходимо, его создали, несмотря на наличие ДНЯО и международного режима нераспространения ядерного оружия. Ядерное оружие Израиля, Пакистана и Индии – наглядный пример данной реальности. А отказ от создания ядерного оружия со стороны таких стран, как Швеция, Италия, Бразилия, Австралия и т.д., нельзя объяснить ни ролью инспекций МАГАТЭ, ни боязнью

последствий нарушения ДНЯО, ни какой-то особой политической культурой этих стран.

Не имея прямых угроз своей безопасности либо находясь под ядерным или военным протекторатом какой-либо ведущей мировой державы и военно-политического блока, страны эти не воспринимали создание ядерного оружия в качестве необходимого и тем более единственного средства выживания.

Стратегическая стабильность времен «холодной войны», которая была достигнута в основном благодаря сотрудничеству США и СССР, распространялась на большую часть государств мира, которые принадлежали, соответственно, к американскому и советскому лагерям и, естественно, находились под ядерным, но прежде всего военно-политическим «колпаком» соответствующей стороны блокового противостояния. Однако граница Запад–СССР не всегда и не везде проходила вдоль межгосударственных границ двух лагерей. Стратегическая стабильность не затрагивала, условно говоря, «серые зоны» противостояния между сторонами конфликта периода «холодной войны». Такими «серыми зонами» были территории, вбирающие в себя целый спектр крупных действующих или потенциальных региональных конфликтов: Ближний Восток, Южная Азия. Ядерный и военный «зонтики» США и СССР не прикрывали ни Израиль, ни арабские страны, ни Индию, ни Пакистан. Хотя и США, и СССР оказывали – прямо или косвенно – поддержку той или другой стороне конфликта.

Как в Южной Азии, так и на Ближнем Востоке отсутствие ядерного и военно-политического «зонтика» – в свете наличия регионального и межгосударственного противостояния, направленного порой на полное уничтожение противника, – привело к появлению программ по разработке оружия массового поражения: программ по созданию ядерного оружия в Израиле, Индии и Пакистане, а также программ по созданию химического оружия в некоторых арабских странах¹.

Примечательно, что, несмотря на определенные различия в региональном положении, политической культуре, государственном устройстве и т.п., все три неофициальные ядерные державы – Израиль, Пакистан, Индия – имели и много схожих черт:

– *На региональном уровне* – военный и политический конфликт со своими соседями;

– *На глобальном уровне* – специфическое международное положение, не позволяющее опереться на тот или иной центр силы в мире.

Касательно последнего пункта вопрос заключался, скорее, не в отсутствии желания у указанных стран найти соответствующую опору – дело было в самих сверхдержавах, которые после Карибского кризиса стали избегать прямой и безусловной поддержки той или иной конфликтующей страны, отчетливо понимая, что эта поддержка может на каком-то этапе перейти в конфликт между ними самими.

С развалом СССР и социалистического лагеря международное положение существенно изменилось. Если в Восточной Европе уход России сопровождался вхождением в регион западных военных и политических блоков, которые предложили бывшим социалистическим странам новый «зонт безопасности» в виде НАТО, то страны, которые сохранили коммунистический и социалистический режимы, с исчезновением СССР столкнулись с огромной проблемой обеспечения своей безопасности. А угрозы безопасности все активнее начали исходить от оставшейся единственной сверхдержавы мира – США, военная мощь которых не позволяет какой бы то ни было неядерной стране надеяться на сопротивление планам США при помощи обычных вооружений. Данная реальность дала толчок программам по разработке ОМП в такой стране, как КНДР, которая в создании ядерного оружия увидела необходимое условие своего выживания.

Соответствующий толчок в конце 1980-х – начале 1990-х получила и иранская ядерная программа. Впрочем, Исламская Республика Иран (ИРИ) никогда и не опиралась на советскую помощь, однако эта страна до развала СССР жила в мире, где важнейшие международные политические и военные решения принимались в основном на основе советско-американского консенсуса, а применение военной силы со стороны одной из сверхдержав, за редкими исключениями, регулировалось международным правом. Развал СССР изменил и ближневосточную политику США, которая в конце концов привела к единоличному и по сути противоправному «установлению демократии» в Ираке. ИРИ – важнейшему компоненту «мировой оси зла», – безусловно, тоже грозит «установление демократии» или «превентивное разоружение». Понятно, что в такой ситуации иранское руководство не может не думать о создании ядерного оружия.

Есть также мнение, что важную роль в реабилитации иранской ядерной программы, фактически приостановленной после

Исламской революции, сыграла смерть имама Хомейни в 1989 году. После его смерти был дан толчок всем исследованиям в ядерной сфере.

Примечательно, что развитие иранской ядерной программы имеет место на фоне нуклеаризации региона в целом. После испытаний индийской и пакистанской ядерных бомб число ядерных региональных соседей ИРИ увеличилось до 3, и это не считая России и США (военные формирования последних сегодня находятся в Ираке, Афганистане и т.д.). *Почему Израилю, Индии и Пакистану можно иметь ядерное оружие, а ИРИ нельзя?* – один из наиболее часто задаваемых иранскими стратегами и учеными вопросов. Вопрос в чем-то тривиальный, но тем не менее важный и актуальный.

В контексте появления очевидных фактов, свидетельствующих о ядерных военных устремлениях Ирана, особую важность приобретает сотрудничество России с Ираном в ядерной сфере.

Ядерный фактор в российско-иранских политических отношениях уже более одного десятилетия приковывает к себе внимание мировой и российской общественности, политического, научного и аналитического сообщества. В 2006 году исполнилось 10 лет вступлению в силу российско-иранского контракта на завершение строительства атомной электростанции в Бушере. Именно строительство АЭС в Бушере является основным проектом межгосударственного российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики.

Состояние и перспективы развития российско-иранского сотрудничества в ядерной области – важнейший вопрос международно-политического значения. Данное обстоятельство во многом обусловлено не столько характером (мирным или военным) иранской ядерной программы и самими российско-иранскими отношениями, сколько, во-первых, той политической ролью, которую Исламская Республика Иран играет в современных международных и региональных отношениях, и, во-вторых, нынешним состоянием ирано-американских отношений.

Роль и значение Ирана в регионе так называемого Большого Ближнего Востока да и в мире в целом за последние несколько лет существенно актуализировались. Обусловлено это многими факторами, среди которых можно выделить несколько наиболее важных. *Во-первых*, американское вторжение в Ирак ликвидировало режим Саддама Хусейна и разрушило большую

часть атрибутов государственности и суверенитета Ирака – государства, которое на протяжении почти 25 лет удачно сдерживало иранскую экспансию в регионе. Тем самым Иран фактически остался единственной державой, могущей играть роль регионального центра силы. *Во-вторых*, активное участие Ирана в урегулировании ситуации в Афганистане, а также особое влияние на иракских шиитов сделали ИРИ сопричастной к разрешению важнейших международных конфликтов, что заставило даже такую страну, как США, считаться с Ираном и кулуарно координировать некоторые свои шаги с этой страной. *В-третьих*, высокие цены на нефть, а также принятие ЕС решения о необходимости получения доступа к богатым запасам иранского газа укрепили иранские позиции в системе международной энергетической безопасности.

Все эти реалии усиления иранских позиций имели место на фоне ухудшения международного положения вокруг иранской ядерной программы, что было вызвано прежде всего раскрытием инспекторами МАГАТЭ тайной деятельности ИРИ по налаживанию обогащения урана. После сделанных инспекторами МАГАТЭ находок в 2003 году стало понятно, что Иран ведет активные работы по созданию ядерного топливного цикла – необходимого условия для самостоятельного создания ядерного оружия. К 2006 году так называемое «иранское досье» попало в СБ ООН, который на протяжении 8 месяцев (июль 2006 – март 2007) принял целых три резолюции, обязывающие Иран ограничить некоторые исследования в области использования атома.

Фокусирование внимания мирового сообщества на ядерной программе Ирана естественным образом затронуло и Россию – основного партнера Ирана в реализации его ядерной программы. Россия, которая уже 10 лет строит АЭС в Бушере, неоднократно обвинялась в передаче Ирану технологий двойного назначения, которые могут служить необходимой базой для создания ядерного оружия.

Американские обвинения в причастности России к иранской военной ядерной программе, российские ответы о полной безосновательности подозрений в поддержке ИРИ в ее военных ядерных устремлениях являются проявлением двух крайностей, которые представляют собой прежде всего выражение политики защиты и продвижения своих национальных интересов со стороны США и России. Причем позиции двух стран по

Ирану отразились и на исследованиях российских и американских аналитиков-международников и политологов, которые наравне с политиками вели и ведут активные диспуты по вопросам ядерной программы Ирана и сотрудничества ИРИ с Россией в ядерной сфере.

Между тем ядерный фактор в российско-иранских отношениях, на наш взгляд, требует досконального и максимально объективного изучения. Изучение это не только сможет раскрыть истинный характер иранской ядерной программы и российско-иранского сотрудничества, но и позволит лучше понять суть многих региональных и международных процессов, более отчетливо осознать политические причины кризиса международного режима нераспространения ядерного оружия.

Данная книга и является попыткой такого исследования.

Глава 1.

РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Проблема нераспространения ядерного оружия – международный и региональный уровни

Действующий международный режим нераспространения ядерного оружия сложился более 35 лет тому назад с подписанием Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который предполагал, что подписавшие его неядерные государства обязываются, согласно статье II, «не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»².

ДНЯО фактически закрепил монопольное право на обладание и дальнейшее совершенствование ядерного оружия за ядерными державами, к которым были причислены государства, произведшие и взорвавшие ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года. Таких стран на тот период оказалось 5 – США (создали ядерное оружие и произвели его испытание в 1945 г.), СССР (создал ядерное оружие и произвел его испытание в 1949 г.), Великобритания (создала ядерное оружие и произвела его испытание в 1952 г.), Франция (создала ядерное оружие и произвела его испытание в 1960 г.), КНР (создала ядерное оружие и произвела его испытание в 1964 г.).

В то же время за подписавшими ДНЯО неядерными державами признавалось, согласно статье IV, право «развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации»³.

Однако даже в момент подписания ДНЯО было очевидно, что договор этот не будет носить универсального харак-

тера, так как ряд стран отказались его подписать, ссылаясь на то, что договор носит дискриминационный характер и его подписание не отвечает их национальным интересам. Примечательно, что 5 основных критиков ДНЯО – Индия, Израиль, Пакистан, ЮАР и Бразилия – уже вели или начали вести в дальнейшем работы по созданию ядерного оружия. Кроме Бразилии, остальные 4 государства ядерное оружие создали (режим апартеида в ЮАР уничтожил свой ядерный арсенал в конце 1980-х гг.), а мировое сообщество и 5 ядерных держав, в том числе, не смогли этому воспрепятствовать. Формально не смогли они этого сделать по той простой причине, что новые ядерные страны находились за рамками ДНЯО, тем самым они не были ограничены какими бы то ни было международно-правовыми обязательствами. Данное обстоятельство способствовало созданию у ряда неядерных стран представления о том, что государства, находящиеся за рамками ДНЯО, оказываются в более выигрышных условиях, нежели те государства, которые ДНЯО подписали. Данное представление еще более укрепилось в свете событий последних 20 лет, когда:

1. За разоблачением М.Вану в 1986 году ядерной программы Израиля не последовало никаких международных санкций против этого государства;

2. В 1993 году КНДР без каких-либо последствий вышла из ДНЯО;

3. В 1998 году Индия и Пакистан произвели ядерные испытания, которые не вызвали адекватных санкций в отношении этих государств со стороны мирового сообщества;

4. В 2005 году КНДР заявила о наличии у нее ядерного оружия, что не повлекло за собой никаких международных санкций в отношении этого государства.

Таким образом, у многих стран – по объективным причинам – сложилось впечатление, что создание собственного ядерного оружия – процесс достаточно безболезненный. Такое представление усугубляется в свете изучения истории и состояния военных ядерных программ Израиля, Индии и Пакистана, наличие ядерного оружия у которых сильнее всего осложнило и без того непростую геополитическую ситуацию в регионе Южной и Юго-Западной Азии.

Появление новых ядерных держав в регионе Южной и Юго-Западной Азии сопровождалось не только угрозой дейст-

вующей системе нераспространения ядерного оружия, но и угрозой региональной и международной безопасности.

Если в Израиле (который ядерной державой назвать нельзя в свете непризнания им наличия у себя ядерного оружия) действует эффективная национальная система контроля над утечкой чувствительных технологий, могущих помочь другим странам создать собственное ядерное оружие, то в Пакистане эффективность такой системы представляется сомнительной, в особенности в свете обстоятельств разоблачения «отца пакистанской ядерной бомбы» А.К. Хана.

Наибольшую опасность для региона и мира представляет, безусловно, возможность применения ядерного оружия странами региона в локальных конфликтах.

Израиль находится в конфликте с некоторыми из своих арабских соседей, которые не обладают ядерным оружием и в отношении которых Израиль в обычных вооружениях имеет значительный перевес, что резко уменьшает вероятность использования Израилем ядерного оружия в арабо-израильском конфликте как единственного средства военного сдерживания⁴. Однако наличие ядерного оружия у Израиля косвенно влияет на стратегию национальной безопасности региональных государств, подталкивая их к разработке собственного оружия массового поражения.

Ведущий российский эксперт по нераспространению, дипломат Р.М. Тимербаев отмечает: «На протяжении 30–35 лет Израиль располагает атомной монополией в ближневосточном регионе, и в течение практически всего этого периода арабские страны, с одной стороны, добиваются превращения Ближнего Востока в регион, свободный от ядерного оружия, т.е. отказа Израиля от этого оружия под международным контролем, а с другой (в случае нежелания Израиля пойти по этому пути), – пытаются противопоставить израильскому ядерному потенциалу свой, арабский. В этом направлении работали, работают и, очевидно, будут и дальше работать по крайней мере такие страны, как Сирия, Ливия, а также Иран»⁵. Такая «конкуренция» не может не сказаться на военно-политической ситуации в регионе.

Что касается Индии и Пакистана, то проблема тут очень сложная. Два этих государства с момента их образования в 1947 году находятся в состоянии постоянного конфликта. За прошедшие десятилетия Индия и Пакистан воевали трижды. Конфликтность в отношениях двух этих стран сохраняется до

сих пор, что делает угрозу начала ядерной войны между этими двумя государствами довольно реальной. Кроме того, как отмечает А.А. Кокошин, в поведении Индии и Пакистана явно сказывается отсутствие исторического опыта, отработанных механизмов и «правил поведения» в условиях нарастания напряженности, способной привести к использованию ядерного оружия⁶. Данные обстоятельства делают вполне возможным ядерный конфликт между двумя этими южноазиатскими странами, что не только угрожает безопасности самих Пакистана и Индии, но и вносит коррективы в доктрины национальной безопасности региональных соседей этих государств, в числе которых находится и Исламская Республика Иран.

На наш взгляд, реализация (или нереализация) военной ядерной программы ИРИ во многом зависит от отношений Ирана с его региональными соседями, к коим можно отнести и Израиль, и Пакистан, и Индию, а также от отношений с ведущими державами мира, у которых есть свои особые интересы в стратегически важных регионах Южной Азии, Персидского залива и Ближнего Востока.

Один из крупнейших советских и российских иранистов-востоковедов А.З. Арабаджян в своей статье «Сверхдержавы и ИРИ» писал: «В настоящее время важнейшим аспектом отношений «ИРИ и сверхдержав» является аспект определения Ираном своего отношения к ним как к державам ядерным. Этот аспект осложняется тем, что и на запад от ИРИ, и на восток от нее есть государства, располагающие ядерным оружием /.../. Указанное обстоятельство делает понятным озабоченность ИРИ отсутствием у нее ядерного оружия»⁷. В список соседей Ирана, обладающих ядерным оружием, входят также Россия и США. Первая – ввиду того, что она на самом деле есть крупный северный сосед Ирана, вторые – ввиду их мощного военнополитического присутствия на Ближнем Востоке: в Ираке, Кувейте, Катаре, Бахрейне и Саудовской Аравии, а также наличия у них необходимых ракетных средств, позволяющих совершать удары – в том числе, и ядерным оружием – в любой точке мира.

Однако если США и Россия являются участниками ДНЯО, то Израиль, Пакистан и Индия не обременены в этом плане никакими международными правовыми обязательствами, в том числе и не являются участниками ДНЯО. Данное обстоятельство делает систему контроля над нераспространением ядерного оружия и его применением непрозрачной.

Укажем, что сегодня нет ни одного международного договора или же просто заверения какой-либо ядерной державы, свидетельствующего о предоставлении гарантий Ирану и другим региональным странам в случае нападения на них со стороны их ядерных соседей.

История показывает, что отсутствие такой системы подталкивало многие страны к разработке собственного ядерного оружия. Примечательно, что Индия, испытывавшая ядерное оружие в 1998 году, в период переговоров по вступлению в ДНЯО в 1967 году стремилась получить гарантии безопасности от ядерных держав в случае нападения на нее Китая, с которым у Индии в тот период были довольно напряженные отношения. Однако никаких гарантий Индия, несмотря на осуществленные ею попытки, ни со стороны СССР, ни со стороны США не получила, что стало предлогом для неприсоединения к ДНЯО.

Перед аналогичной проблемой получения гарантий безопасности стоит сегодня и Иран, который, однако, еще в период правления последнего шаха подписал ДНЯО, взяв на себя обязательства не разрабатывать ядерное оружие. Тем самым любые попытки ИРИ создать свое ядерное оружие с точки зрения международного права являются незаконными.

Дореволюционный Иран был союзником США, военная мощь которых, да еще и вкупе с вооруженной самой передовой западной техникой армией Ирана, была достаточна для ответа на те угрозы, которые могли исходить со стороны СССР и других непосредственных соседей Ирана. Однако сегодняшний Иран не имеет такого мощного и надежного союзника, как США, политика которых, напротив, после Исламской революции превратилась в особо угрожающую безопасности Ирана.

Именно с учетом геополитического положения Ирана, находящегося в непростых отношениях с единственной оставшейся на сегодняшний день сверхдержавой – США, а также со своими региональными соседями: Пакистаном, теоретически «дружественным», однако готовым предоставить свою территорию США в случае начала войны против Ирана⁸; Израилем, призывающим к свержению исламского режима в Иране; Турцией – членом НАТО и военно-политическим союзником США, постоянно заявляющим об «иранской угрозе»⁹, – становится понятной озабоченность Ирана отсутствием у него собственного ядерного оружия.

Безусловно, в прошлом свою роль в определении Ираном места ядерного оружия в системе своей безопасности сыграли

и отношения ИРИ с Ираком, в частности ирано-иракская война 1980–1988 гг., когда Иран фактически остался лицом к лицу с грозным соседом, использовавшим во время войны химическое оружие, жертвами которого стали порядка 50 000 иранцев¹⁰.

Ирак, как и Израиль и Пакистан, разрабатывал ядерное оружие, однако израильские воздушные удары по ядерному центру в Озираке в 1981 году уничтожили большую часть ядерной инфраструктуры страны. После свержения режима Саддама Хусейна Ирану вряд ли следует ожидать новой агрессии со стороны своего западного соседа. В то же время в 2003 году, после свержения режима Хусейна в Ираке, в этой стране оказалась мощнейшая военная группировка другого потенциального противника Ирана – США. Государство Ирак уже вне игры, а исходящая с его территории угроза является составной частью уже ирано-американских отношений.

Существует мнение, что на ядерную доктрину Ирана влияют и традиционно напряженные ирано-арабские отношения. В частности, отмечается, что «политика иранского режима определяется не столько антиамериканизмом, сколько очень сложными и противоречивыми отношениями с арабскими соседями. Не будет преувеличением сказать, что Иран и арабские страны региона находятся в состоянии долгосрочного конфликта /.../. Именно он и является основным фактором, определяющим усилия Ирана по приобретению оружия массового поражения»¹¹. Такая оценка, на наш взгляд, верна лишь отчасти.

Напряженность ирано-арабских отношений очевидна и во многом обусловлена особенностями религиозного характера, в первую очередь касающимися того, что исповедуемый в Иране шиизм в по преимуществу суннитском арабском мире многими воспринимается в качестве ереси, которая, согласно ряду радикальных религиозных движений, в том числе и ваххабизму, должна быть уничтожена. С другой стороны, победа революции в Иране еще более осложнила отношения с арабскими монархиями, так как идеология Хомейни претендовала на распространение среди арабов-мусульман, итогом чего должно было стать установление теократического правления в арабских странах, что, естественно, предполагает ликвидацию монархий. Таким образом, арабский фактор в изучении ядерной доктрины Ирана должен быть учтен, однако роль этого фактора не столь ощутима по одной простой причине: у арабских со-

седей Ирана отсутствует ядерное оружие и ни у кого из них нет военно-технического перевеса в отношении Ирана¹².

На данный момент основная ядерная угроза для Ирана со стороны региональных соседей теоретически может исходить от Израиля, который стал врагом Ирана во многом и по вине последнего, поддерживающего радикальные исламские организации в Палестине, Ливане, Сирии; а также от Пакистана – державы «с хорошо организованным суннитским фундаментализмом, враждебно настроенным к практикуемому в Иране шиизму»¹³.

Считаем целесообразным обратиться к истории создания ядерного оружия двумя региональными соседями Ирана – Пакистаном и Израилем, которые, подобно сегодняшнему Ирану, в свое время встали перед необходимостью обеспечения своей национальной безопасности ввиду сильнейших вызовов, исходящих, соответственно, от индо-китайского и арабо-израильского конфликтов. Сравнительный анализ ядерных программ Израиля и Пакистана, осуществленный нами ниже, поможет выявить общие особенности развития ядерных программ государств региона и будет полезен для выявления и изучения характерных особенностей ядерной программы Ирана.

Мы также обратимся к ядерной программе Индии. С этой страной Иран поддерживает в течение последних десятилетий довольно теплые отношения, и возможность конфликта между Индией и Ираном маловероятна. Как отмечает А.А. Кокошин, во внешней политике Индии приоритетными являются регионы Юго-Восточной Азии и Индийского океана, в то время как для Пакистана стратегически важны Ближний Восток, Афганистан, Центральная Азия, где его основным соперником является именно Иран¹⁴. В то же время рассмотрение особенностей развития индийской ядерной программы даст нам возможность провести некоторые аналогии с иранской ядерной программой и понять возможный ход ее дальнейшего развития.

Ядерные программы Израиля и Пакистана – особенности развития

Израиль является страной, неофициально обладающей ядерным оружием, сопряженным с ракетными средствами доставки. Само руководство Израиля не подтверждает, но и не опровергает сведения о наличии ядерного оружия на территории страны¹⁵.

Израильский вариант политики ядерного сдерживания в качестве основы национального выживания объясняется преимущественно двумя факторами. Первый – недостаток стратегической глубины территории, что делает трудной задачей остановить неядерное нападение и эффективно ответить на него. Второй – превосходство в личном составе у арабских соседей Израиля (практически все они были врагами Израиля на протяжении всей истории его существования)¹⁶.

У истоков создания израильского ядерного оружия стоял премьер-министр Израиля Бен-Гурион, который, кстати, программу развития ядерных технологий в стране начал без ее огласки даже среди членов своего левого коалиционного кабинета¹⁷, что было призвано исключить утечку соответствующей информации за рубеж, в частности в СССР, имевший в 1950-е гг. довольно теплые отношения с некоторыми членами израильского правительства.

Интересно, что на протяжении 1950–60-х гг. в самом Израиле не было консенсуса по вопросу создания страной ядерного оружия. Противниками создания Израилем ядерного оружия выступали такие видные общественно-политические деятели Израиля, как премьер-министры Л. Эшкол и Г. Меир, министр безопасности П. Лавон, министр иностранных дел А. Эбан. Премьер-министр Эшкол был сторонником либеральной экономики и, очевидно, рассматривал ядерное оружие как угрозу движения страны к либерализму¹⁸.

Ключевую роль в реализации проекта создания ядерной бомбы сыграли Бен-Гурион, ученый-химик Э. Бергман и основной организатор атомного проекта, руководитель министерства обороны Израиля Ш. Перес, в дальнейшем занявший пост премьер-министра страны. Именно под контролем министерства обороны в 1952 году в Израиле создается комиссия по ядерной энергии, взявшая на себя основной груз работы по созданию израильского ядерного оружия.

В 1956 году Израиль заключает секретное соглашение с Францией о постройке в Израиле плутониевого ядерного реактора. Именно благодаря в основном поддержке Франции Израиль начал разработку своего ядерного оружия, для создания которого, а также для развития мирных ядерных технологий в 1957 году начинается строительство ядерного центра в Димоне (пустыня Негев).

Франция, дав в 1956 году согласие на предоставление помощи Израилю в развитии его ядерной программы, преследо-

вала и определенные политические интересы: правительство Франции, которое тогда возглавлял Г. Молле, делало ставку на Израиль как противовес арабскому национализму, угрожавшему французским интересам в Африке, прежде всего в Алжире¹⁹, а потом и в Египте²⁰. Израиль заключил с Францией, имевшей к тому времени хорошо развитую ядерную программу (многие французские специалисты, работавшие во время Второй мировой войны в США и Канаде, после войны вернулись на родину и приняли участие в развитии французской национальной ядерной программы²¹), секретное соглашение о строительстве промышленного тяжеловодного реактора в Димоне, а также установки для выделения плутония. Димонский комплекс включал не только реактор, но и ряд наземных и подземных сооружений, расположенных на площади 14 кв. миль.

Центр в Димоне строился втайне от мирового сообщества и израильского парламента (кнессета). Однако за строительством данного центра пристально следили разведки иностранных государств, прежде всего ЦРУ США.

В 1958 году американские разведывательные самолеты U-2 впервые фиксируют строительство центра в Димоне, однако они не устанавливают саму природу строящегося объекта. На соответствующий запрос израильская сторона отвечает, что в Димоне строятся и работают текстильный завод, сельскохозяйственный центр и металлургический завод.²²

8 декабря 1960 года ЦРУ на основании добытой им информации рапортует, что объект в Димоне является центром, реализующим ядерные исследования. 21 декабря 1960 года Бен-Гурион в свете неопровержимых доказательств во время своего выступления в израильском Кнессете признается, что строящийся в Димоне объект является ядерным реактором, а его характер – исключительно мирный²³.

Фактически администрация Эйзенхауэра, узнав о Димонском проекте в конце пятидесятых годов, когда американские U-2 зафиксировали ядерный центр в пустыне Негев, никакого давления на Израиль не оказала²⁴.

Крупнейший специалист по израильской ядерной программе А. Козн считает, что «конец пятидесятых годов, по всей видимости, был единственной возможностью, когда Соединенные Штаты могли бы оказать на Израиль успешный нажим, с тем чтобы он отказался от проекта создания ядерного оружия

в обмен на американские гарантии безопасности, но этот шанс не был использован»²⁵.

Однако политика давления на Израиль, к которой прибегнул в период своего правления Кеннеди, на наш взгляд, тоже могла иметь определенный успех. После Карибского кризиса позиция Кеннеди по вопросам нераспространения ядерного оружия стала довольно жесткой. В своем выступлении от 22 марта 1963 года Кеннеди заявил, что сильно озабочен перспективой распространения ядерного оружия и тем, что к 1970 году вместо 4 держав, обладающих ядерным оружием, на политической карте мира появятся 10 таких держав, а к 1975 году – 15 или 20. Как указывает Коэн, в 1963 году Израиль оказался в центре внимания американского президента, и американское давление на эту ближневосточную страну особо усилилось²⁶.

Новому премьер-министру Израиля Эшколу, сменившему Бен-Гуриона, Кеннеди в своем жестком письме пригрозил приостановкой американской поддержки Израилю в обеспечении его безопасности, если Эшкол откажет американским инспекторам в посещении ядерных объектов страны²⁷. Эшкол, безусловно, принял условия Кеннеди, но американские инспекции ни к чему не привели.

Свою роль в малой эффективности американских инспекций сыграло и то, что ставший после гибели Кеннеди президентом США Л. Джонсон и его администрация попросту начали закрывать глаза на политику Израиля, направленную на создание ядерного оружия. О том, что американские инспекции во многом носили формальный характер и абсолютно никакого реального влияния на американскую политику по нераспространению ядерного оружия не имели, свидетельствуют следующие факты:

1. В конце 1966 года, как пишут А. Коэн и Т. Грэхем, президент Джонсон был проинформирован Директором ЦРУ Р. Хелмсом, что Израиль достиг необходимого технического уровня для изготовления первого ядерного взрывного устройства, на что президент Джонсон приказал Хелмсу скрыть эту информацию, в том числе от таких членов американской администрации, как государственный секретарь Д. Раск и министр обороны Р. Макнамара²⁸.

2. К началу 1968 года заместитель директора ЦРУ К. Деккет пришел к окончательному выводу о том, что у Израиля есть тщательно разработанная программа создания ядерного ору-

жия. Согласно показаниям Деккета, данным Комиссии по ядерному надзору в 1974 году, директор ЦРУ Р. Хелмс приказал ему не распространяться о своих предположениях касательно военной ядерной программы Израиля²⁹.

Данные факты еще раз говорят о том, что военные ядерные разработки Израиля для США не были тайной, однако по политическим соображениям США скрыли этот факт от мирового сообщества.

Кроме развития на своей территории военной ядерной программы, Израиль подозревается в тайных закупках и хищениях ядерных материалов в США, Великобритании, Франции, ФРГ. Так, например, в 1986 году в США было обнаружено исчезновение более 100 кг обогащенного урана на одном из заводов, предположительно в направлении Израиля³⁰. Тель-Авив признал факт незаконного вывоза им из США в начале восьмидесятых годов критронов – важного элемента создания современных образцов ядерного оружия³¹.

Как известно, Израиль не подписал ДНЯО, что делает инспекции его военных ядерных объектов со стороны МАГАТЭ невозможными. Фактически сегодня вся ядерная инфраструктура Израиля находится вне контроля со стороны мирового сообщества. Единственной страной, давление которой на Израиль может быть эффективным, являются Соединенные Штаты. Однако, как мы убедились, США к давлению на Израиль не прибегают.

После создания собственного ядерного оружия Израиль перешел к политике *неопределенности* и *непрозрачности*. Первое предполагает систему, при которой не было бы ясно, обладает Израиль ядерным оружием или нет. Второе – системе, подразумевающей официально необъявляемое и непризнаваемое наличие ядерного оружия. Позднее ядерная политика Израиля была подкреплена «доктриной Бегина», предполагающей недопущение создания ядерного оружия соседями Израиля по Ближнему Востоку. Реализацией данной доктрины были авиаудары Израиля по иракскому ядерному центру в Озиреке в 1981 году.

Что касается политики *непрозрачности*, то она базируется на следующих принципах:

– Для безопасности Израиля очень важно обладание ядерным оружием. Израиль должен быть в этом отношении неформальным монополистом на Ближнем Востоке, что предпола-

ет недопущение овладения ядерным оружием со стороны арабских соседей Израиля (после Исламской революции – со стороны Ирана);

– Израиль официально не должен признавать свой ядерный статус, тем самым он не должен стать формальным монополистом в регионе;

– Непрозрачность уменьшает масштабы публичного обсуждения израильской ядерной программы, не делает ее предметом международной дискуссии.

Что касается политики *неопределенности*, то она частично утратила свою актуальность и эффективность после разоблачений израильского физика-ядерщика М. Вануну, сделанных им на страницах лондонского «The Sunday Times» 5 октября 1986 года. Данные разоблачения почти у всех развеяли сомнения по поводу того, обладает или не обладает Израиль ядерным оружием.

Естественным образом возникает вопрос: каков же ядерный арсенал Израиля? По данным Вануну, в Димоне было произведено достаточно плутония для создания 100 ядерных бомб. Он также сообщил, что Израиль производил 1,2 килограмма плутония в неделю, что достаточно для оснащения 10–12 бомб в год³². То есть, за прошедшие после ареста Вануну 20 лет, могли быть созданы еще около 200 бомб. Разброс во мнениях по вопросу количества ядерных боезарядов у Израиля огромен. Подробный анализ технических возможностей Израиля говорит о реальности обладания Израилем до 425 ядерными боезарядами³³. Если цифра 425 соответствует истине, то Израиль по количеству ядерных боезарядов уступает только США и России.

Если задаться вопросом: что Израиль выиграл и что проиграл от создания ядерного оружия? – то ответ будет однозначным: Израиль выиграл намного больше, чем проиграл. Такой вывод можно сделать на основе сравнения положительных и отрицательных последствий от создания ядерного оружия для Израиля.

Положительные последствия: Создав ядерное оружие, Израиль превратился по своей совокупной военной мощи в безусловного лидера в регионе Юго-Западной Азии; значительным образом уменьшились перспективы начала полномасштабного вооруженного конфликта, инициированного арабскими соседями Израиля с целью уничтожения еврейского государства; уменьшилась возможность применения со стороны

арабских государств химического и биологического оружия против Израиля; психологический эффект создания ядерного оружия заключался в том, что многие из врагов Израиля смирились с мыслью, что ликвидация Израиля невозможна.

Отрицательные последствия: Отрицательный эффект минимальный, так как после создания ядерного оружия против Израиля не были введены никакие международные санкции. Отрицательный эффект от создания ядерного оружия для Израиля в основном сводится к тому, что раз в 5/10 лет некоторые арабские страны и Иран на очередной конференции ДНЯО организуют пропагандистскую кампанию против Израиля, требуя введения санкций против этой страны, и угрожают выйти из ДНЯО. Однако до сих пор никаких санкций и заявлений, непосредственно затрагивающих интересы Израиля, ни Конференцией ДНЯО, ни каким бы то ни было международным органом (кроме организаций, объединяющих исламские государства, решения которых не имеют юридической силы) введено и принято не было.

В то же самое время израильское ядерное оружие имеет также определенное дестабилизирующее влияние в регионе Юго-Западной Азии: наличие у Израиля ядерного оружия провоцирует соседние, конфликтующие с Израилем страны развивать свои программы по созданию оружия массового поражения (ОМП).

Для Ирана, находящегося в довольно сложных, конфронтационных отношениях с Израилем, наличие у последнего ядерного оружия делает действующую систему обеспечения собственной безопасности с помощью обычных вооружений не вполне эффективной. Именно факт наличия у Израиля ядерного оружия неоднократно представлялся иранским руководством как угроза будущему Ирана, его нынешнему исламскому режиму. Хотя можно считать, что израильское ядерное оружие стало всего лишь одним из аргументов, который иранское руководство представляет в качестве побудительных мотивов увеличения военной мощи страны (понятно, что о создании ядерного оружия прямо не говорится).

* * *

Как в Юго-Западной, так и в Южной Азии ядерный фактор в региональных отношениях занимает особое место. Однако если в Юго-Западной Азии ядерным оружием обладает лишь одна

страна – Израиль, то в Южной Азии ядерными державами являются сразу два государства – Индия и Пакистан. Две эти страны одна за другой в 1998 году испытали свои ядерные бомбы и, следовательно, в отличие от Израиля являются странами, официально признавшими наличие у себя ядерного оружия.

Как и в случае с Израилем, нет точных данных о количестве ядерных бомб в арсенале Пакистана. По данным американского Института науки и международной безопасности, опубликованным в 2000 году, Пакистан произвел достаточное количество плутония оружейного качества для создания от 30 до 50 ядерных взрывных устройств³⁴. Однако в свете непрозрачности пакистанской ядерной программы предполагаемое количество имеет все шансы существенным образом отличаться от реального количества ядерных взрывных устройств в пакистанском арсенале.

Отправной точкой развития ядерной программы Пакистана можно считать создание в 1956 году государственной комиссии по ядерной энергии. Основателем ее является Зульфикар Али Бхутто, первоначально как министр топлива, энергетики и природных ресурсов, а позже как президент и премьер-министр. 24 января 1972 года на встрече с физиками и инженерами в городе Мульта Бхутто обозначил задачу получения Пакистаном собственной «исламской ядерной бомбы»³⁵.

Как и в случае с Израилем, стремление Пакистана создать ядерное оружие было обусловлено в основном конфликтными отношениями со своими превосходящими по людской силе и военному потенциалу соседями. Однако если в случае с Израилем таких соседей было много и они действовали против Израиля в коалиции, то в случае с Пакистаном такой сосед был один и им являлась Индия, полного политического и военного доминирования которой Пакистан старался не допустить. После образования этих двух государств в результате получения ими независимости от Британской империи между ними сложились непростые, конфронтационные отношения. В период с 1947 по 1971 гг. Пакистан и Индия воевали целых три раза. Третья индо-пакистанская война 1971 года для Пакистана оказалась самой тяжелой, так как ее итогом стала потеря Пакистаном части своих восточных территорий, в результате чего образовалось государство Бангладеш.

В результате отделения восточных густонаселенных земель и образования государства Бангладеш Пакистан потерял не только часть своей территории – население страны сокра-

тилось почти в два раза, что еще больше увеличило военно-стратегическую уязвимость страны, в особенности в свете конфликта с многонаселенной Индией.

Пакистан в своем противостоянии с Индией столкнулся с такой же проблемой, с какой столкнулся Израиль в своем противостоянии с соседними арабскими странами: людские ресурсы конфликтующих сторон были просто несопоставимы. Однако в положении Пакистана и Израиля была существенная разница: если Израиль получал военно-техническую и материальную поддержку от передовых западных стран, то Пакистан, несмотря на определенную помощь со стороны Китая, а потом и США, никогда в обычных вооружениях и финансовых возможностях не достиг необходимого паритета с Индией³⁶.

По мнению Бхутто, именно ядерное оружие должно было установить паритет между огромными по численности индийскими вооруженными силами и немногочисленными, плохо вооруженными, но обладающими ядерным оружием пакистанскими вооруженными силами³⁷. Такое понимание роли ядерного оружия в системе национальной безопасности страны было унаследовано преемниками Бхутто, пришедшими к власти в результате очередного переворота и казнившими самого Бхутто в 1979 г.

Вначале Пакистан предполагал пойти по плутониевому пути создания ядерного оружия, который в финансовом отношении был достаточно накладным, а также требовал более или менее активного участия иностранных высокотехнологичных компаний. Пакистан в 1976 году достиг договоренности с Францией о закупке завода по переработке ОЯТ, однако Франция под нажимом США отказалась от данной сделки³⁸.

Тогда было решено построить обогатительную установку на основе газоцентрифужного разделения изотопов урана, и эту программу возглавил Абдул Кадыр Хан, пакистанский специалист, работавший на подобной установке в Голландии и вернувшийся на родину в 1975 году.

Именно благодаря возвращению доктора Хана в Пакистане появились технология и проекты центрифуг для обогащения урана³⁹. Хан привез с собой те знания и технологии, которыми он овладел в Европе в период своей работы в Голландии на совместном предприятии «УРЕНКО»⁴⁰.

Как и Израиль, Пакистан – хотя и менее богатая, и менее симпатичная Западу страна – тоже умудрился организовать

соответствующие хищения ядерных материалов и чертежей за рубежом. Если Израиль организовал хищения в США, то Пакистан – в Европе. Огромное количество чертежей и документации было украдено из соответствующих европейских организаций и предприятий.

Если в случае с Израилем внешним партнером в создании ядерного оружия была Франция, то в развитии ядерной программы Пакистана приняли участие ведущие европейские частные компании. Только в ФРГ свыше 70 фирм участвовало в поставках в Пакистан современного электронного оборудования, контрольно-измерительных приборов, комплектного оборудования для производства гексафторида урана, компрессоров и т.д.⁴¹

Научно-техническая документация обогатительной установки методом центрифугирования была получена нелегальным путем в Нидерландах; в Швейцарии были закуплены вакуумные клапаны, испарители и конденсаторы для центрифуг; в Великобритании, Канаде и США – электрические инвертеры; во Франции – испарители, растворители и другие компоненты⁴².

Представляется сомнительным, что западные страны, на территории которых производились хищения соответствующих компонентов и чертежей, не обладали информацией об этих хищениях. Еще более сомнительным представляется, что коллективная воля западных стран, имеющих столь много рычагов давления на небогатый и не опирающийся на советскую помощь Пакистан, была недостаточной для оказания нужного давления на эту страну с целью пресечения создания ею ядерного оружия.

По этому поводу российский эксперт В.Е. Новиков отмечает: «В средствах массовой информации нередко задается вопрос о возможности США и их союзников в середине 1980 гг. воспрепятствовать нарабатывать Пакистану оружейный уран. Некоторые эксперты полагают, что только отсутствие доказательств не позволило Соединенным Штатам добиться прекращения программы создания пакистанской ядерной бомбы. Как представляется, данное утверждение не соответствует истине. Даже наличие сравнительно веских доказательств у американских спецслужб вряд ли могло заставить Вашингтон предпринять меры, необходимые для прекращения пакистанской программы создания ядерного оружия. В то время руководство США рассматривало Пакистан в качестве своего основного

стратегического союзника в регионе. В замыслах американских стратегов Исламабад должен был играть роль инструмента оказания давления на Индию и фактора сдерживания «советского присутствия». В этих условиях американскую администрацию вполне удовлетворяли уверения пакистанского руководства в том, что в стране не осуществляется наработка оружейного урана...»⁴³.

Возможное наличие в ядерном арсенале Пакистана 30–50 ядерных бомб делает эту страну государством, обладающим довольно значительным количеством ядерного оружия, повышает ее региональный и международный вес. Однако в то же время Пакистан превращается если не в прямую, то в косвенную угрозу миру и стабильности в Южной и Юго-Западной Азии, что обусловлено внутривнутриполитической нестабильностью в самом Пакистане, а также наличием жесткого противостояния с соседней Индией, тоже обладающей ядерным оружием. Особо опасными для мирового сообщества могут быть утечки ядерных технологий из Пакистана в другие страны, в наличии которых мир убедился в конце 2003 – начале 2004 гг. в результате так называемого «дела доктора Хана».

В декабре 2003 года Ливия отказалась от программы создания оружия массового поражения, которая, как выяснилось, появилась благодаря утечкам ядерных технологий из Пакистана. Ливийцы допустили на свою территорию инспекторов МАГАТЭ и даже передали американцам партию оборудования, закупленного для своей ядерной программы, в том числе газовые центрифуги, оставшиеся в упаковочных ящиках со времени приобретения их ливийцами у Пакистана⁴⁴.

В январе 2004 года в Пакистане был отстранен от должности советник премьер-министра по вопросам ядерной программы Абдул Кадыр Хан, который признал, что передавал информацию о ядерных технологиях КНДР, Ирану и Ливии.

В результате проводимого в Пакистане расследования было установлено, что доктор Хан передавал чертежи и компоненты центрифужного оборудования посредникам, действовавшим в Дубае⁴⁵. В 12-страничном письме к президенту Пакистана Мушаррафу Хан объяснил свои поступки «не желанием обогатиться, а стремлением помочь другим исламским странам стать ядерными державами»⁴⁶, что, по мнению ученого, должно было способствовать снижению западного давления на Пакистан⁴⁷.

Между тем в ходе расследования обнаружилось, что Абдул Кадыр Хан обладал многомиллионными валютными счетами⁴⁸ и недвижимостью как в Пакистане, так и за рубежом⁴⁹. В феврале 2004 года Хан выступил с «покаянием», в том числе и по пакистанскому телевидению. Самым интересным является то, что «покаялся» Хан на английском языке, которым большая часть пакистанского населения, естественно, не владеет. Данный факт указывает на то, что «покаяние» было организовано прежде всего для внешней аудитории. В информационном поле «покаяние» Хана было очень удачно «вмонтировано» в процесс освещения серьезных шагов пакистанского руководства по преодолению отрицательных последствий распространения Ханом ядерных технологий.

Обнаружение утечек ядерных технологий из Пакистана было воспринято мировым сообществом, в частности США, как неприятная неожиданность. Так ли это? Можем предположить, что нет. Известный американский журналист С. Херш, статья которого в журнале «*The New Yorker*» положила начало дискуссиям о скором американском вторжении в Иран, еще в конце 2001 года писал о полученной американской разведкой информации о том, что Абдул Кадыр Хан осуществил тайную поездку в Иран и в некоторые другие страны. Однако, как сообщил Хершу представитель американской разведки, соответствующие структуры США полагали, что Хан иранцам ничего не передавал⁵⁰. О возможном нарушении режима нераспространения со стороны Пакистана писали и в 2002 году⁵¹, но никаких мер со стороны международного сообщества, по крайней мере публично, предпринято не было.

Об утечке ядерных технологий из Пакистана в Иран и в другие страны, по всей вероятности, было известно многим странам. Об этом говорит, в частности, тот факт, что министр обороны РФ С. Б. Иванов, комментируя имевшие место утечки, заявил буквально следующее: «Я не думаю, что для экспертов, постоянно занимающихся вопросами распространения ядерного оружия, это было большим секретом»⁵².

Очевидно, что это не было секретом и для спецслужб многих государств, в том числе и для ЦРУ. Возникает вопрос: почему же США молчали? Единственный ответ, который может объяснить молчание США, заключается в том, что Пакистан, как и Израиль, являясь стратегическим союзником США, не мог быть уличен в нарушении международного режима нераспространения ядерно-

го оружия. Примечательно, что сам термин «исламская бомба», которым США пока что с переменным успехом пугают весь мир, появился именно в Пакистане. Однако сегодня, как справедливо отмечает президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, «"Исламская бомба" превратилась в своего рода "святой Грааль", произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран... При этом едва ли не наименьшее внимание уделяется Америкой единственному исламскому государству, в котором ядерное оружие не только существует, но и может попасть в руки мусульманских экстремистов, — Пакистану»⁵³. Расследование террористических актов, совершенных в Лондоне в 2005 году, показало, что основную часть террористов, организовавших взрывы в лондонском метро, составляли выходцы из пакистанских медресе, действующие в своей стране на законных основаниях и играющие вполне конкретную и значительную роль в пакистанском внутривнутриполитическом процессе. Учитывая нестабильность общественно-политических процессов в Пакистане, нельзя исключать, что в будущем к власти в этой южно-азиатской стране могут прийти самые радикальные исламистские круги. Было бы наивным полагать, что от этого пострадает одна только Индия. Наличие ядерного оружия у Пакистана превращает любого рода внутривнутриполитическую нестабильность в Пакистане в угрозу глобального масштаба.

За долгие годы критики российско-иранского контракта на строительство АЭС в Бушере США так и не смогли предоставить доказательств предполагаемых утечек чувствительных ядерных технологий из России в Иран. В случае же с Пакистаном, когда факт утечек был доказан, США ограничились лишь высказыванием надежды на «справедливое расследование» обстоятельств утечек⁵⁴. Все это указывает на использование США «двойных стандартов» в такой чувствительной области, как нераспространение ядерного оружия. Что касается «справедливого расследования», то тут необходимо отметить, что пакистанской стороной результаты расследования махинаций А.К. Хана до сих пор не опубликованы. Коллега из Пакистана в частной беседе объяснил это тем, что ядерные махинации не замыкались исключительно на фигуре А.К. Хана⁵⁵: в них были вовлечены десятки высокопоставленных чиновников, в том числе и из достаточно сильно коррумпированного Министерства обороны Исламской Республики Пакистан. Данное ведомство, среди прочего, и осуществляет полный контроль над ядерным арсеналом страны.

Как и в случае с Израилем, сделаем выводы о положительных и отрицательных последствиях создания ядерного оружия, на сей раз уже для Пакистана.

Положительные последствия: Пакистан достиг необходимого паритета с Индией, что значительно уменьшает возможность военной конфронтации между этими странами; ядерное оружие усилило влияние Пакистана не только в Южной, но и в Центральной Азии, в регионе Персидского залива и Ближнего Востока.

Отрицательные последствия: Испытание ядерного оружия со стороны Пакистана спровоцировало введение против этого государства ограниченных экономических санкций со стороны США и некоторых других государств. От этих санкций к 2001/2002 году и следа не осталось. Более того, ядерный Пакистан, откуда имели место утечки чувствительных технологий, остается одним из важнейших партнеров США в регионе, продолжает получать современные виды вооружений американского производства. Следовательно, отрицательные последствия незначительны и несопоставимы с тем, что Пакистан приобрел, создав ядерное оружие.

Сравнивая историю создания израильского и пакистанского ядерного оружия, можно указать на ряд общих характерных моментов в развитии ядерных программ Израиля и Пакистана:

1. Действующий международный режим нераспространения ядерного оружия никоим образом не смог предупредить создание ядерного оружия Пакистаном и Израилем, что является одним из показателей кризиса данного режима. Более того:

— И израильское, и пакистанское ядерное оружие создавалось при участии зарубежных стран, а также с использованием разработанных за пределами Израиля и Пакистана технологий;

— И Израиль, и Пакистан организовали хищение чувствительных технологий и соответствующих материалов на Западе;

2. И Израиль, и Пакистан свое ядерное оружие создали в свете необходимости обеспечить свою безопасность в условиях конфронтации со своими сильными региональными соседями;

3. Ни Израиль, ни Пакистан не являются участниками ДНЯО, что фактически сводит на нет международный контроль над ядерными программами двух этих стран и облегчает утечку соответствующих технологий за рубеж. Однако если в Израиле действует эффективная национальная система контроля над мирной и военной ядерными программами, то «дело доктора

Хана» свидетельствует о фактическом отсутствии таковой системы в Пакистане;

4. Ни Израиль, ни Пакистан, как мы убедились, не смогли бы создать ядерное оружие, если бы имела место более твердая позиция мирового сообщества, в частности Соединенных Штатов, находящихся в теплых, партнерских отношениях с этими двумя странами и фактически знающих о ядерных разработках этих двух государств;

5. Сегодня со стороны мирового сообщества почти никакого давления ни на Израиль, ни на Пакистан на предмет их присоединения к ДНЯО и ликвидации арсеналов ядерного оружия не оказывается.

Все выявленные нами особенности создания израильского и пакистанского ядерного оружия крайне важны, так как их наличие либо отсутствие в Иране может послужить мотивом для соответствующих выводов о желании и способности Ирана создать ядерное оружие.

Иранским руководством наличие у Израиля и Пакистана ядерного оружия рассматривается как угроза безопасности ИРИ, что является побудительным мотивом для создания иранской атомной бомбы. Наличие ядерного оружия у Израиля и Пакистана во многом провоцирует обсуждение целесообразности создания иранского ядерного оружия среди представителей иранской политической и научной элиты.

Примечательно, что иранская ядерная программа вступила в свою активную фазу именно в 1970 гг., в период, когда Израиль уже создал ядерное оружие, а Пакистан принял принципиальное решение о его создании. Ядерная программа шахского Ирана опиралась на западную помощь в большей степени, нежели соответствующие программы Израиля и Пакистана, а в некоторых аспектах превосходила по своим масштабам израильскую и пакистанскую ядерные программы.

Ядерная программа Индии. Некоторые аналогии с иранской ядерной программой

Ядерная программа Индии, как и ядерные программы Израиля и Пакистана, также представляет научный интерес с точки зрения сравнительного анализа условий развития ядерных программ. В отличие от израильского и пакистанского

ядерного оружия, индийский ядерный арсенал, по крайней мере публично, иранским руководством не рассматривался в контексте его влияния на национальную безопасность Ирана, что обусловлено прежде всего отсутствием общей границы между двумя государствами и конфликтности в межгосударственных ирано-индийских отношениях. В то же самое время сама история и стратегическая составляющая необходимости создания Индией ядерного оружия весьма интересны с точки зрения анализа истории и характера иранской ядерной программы.

Вначале коротко обратимся к истории индийской ядерной программы.

Одна из уникальных особенностей индийской ядерной программы заключается в том, что старт национальной ядерной программе был дан за 2 года до появления на политической карте мира независимого государства Индии. Сначала в 1945 году в рамках индийского Совета по научным и промышленным исследованиям была создана комиссия по атомной энергии, которую возглавил известный индийский ученый Хоми Баба, затем в 1946 году в Бомбее под руководством Хоми Бабы был создан Татский институт фундаментальных исследований, занимающийся в основном исследованиями в сфере ядерной энергии. Достаточно рано в Индии появилась нормативно-правовая база, регламентирующая ядерную сферу: в 1949 году в Индии был принят Закон о ядерной энергии, обязывающий индийское правительство проводить работы по развитию ядерной энергетики в стране⁵⁶. Уже в 1954 году в Индии был создан государственный Департамент атомной энергетики, в функции которого входило курирование всех ядерных проектов и исследований в стране.

Несмотря на быстрый рост знаний в области атомной энергетики в Индии, ядерная программа страны развивалась не без участия зарубежных государств. В некотором смысле решающую роль в развитии индийской военной ядерной программы сыграла Канада, которая во второй половине 1950-х гг. поставила Индии тяжеловодный реактор CIRUS, не потребовав установления гарантий на данном объекте и удовлетворившись обещаниями индийской стороны не использовать тяжеловодный реактор в военных целях (то есть для получения оружейного плутония). Однако именно на данном реакторе в 1964 г. индийцами был получен оружейный плутоний⁵⁷.

В ноябре того же 1964 года после испытания ядерного оружия со стороны КНР премьер-министр Индии Лал Бахадур

Шастри объявил, что будет вестись подготовка к созданию мирных ядерных взрывных устройств для гражданских целей, например для прорыва тоннелей в горах. Если принять во внимание внутреннюю обстановку в стране, следует признать, что это, видимо, было единственно правильным решением, поскольку необходимо было должным образом реагировать на китайское испытание и в то же время учитывать широко распространенные в стране антиядерные настроения⁵⁸. В начале 1966 г. пришедшая к власти в Индии Индира Ганди отменила решение об ускорении ядерной программы. Новый руководитель ядерной программы Викрам Сарабхай⁵⁹ был убежденным противником атомного вооружения Индии по моральным мотивам.

Лишь в 1968 г., т.е. через четыре года после китайского взрыва, под руководством Раджагопалана Чидамбарам, который в дальнейшем возглавил индийскую атомную комиссию и при котором были проведены испытания 1998 г., начались работы по конструированию ядерного устройства. Окончательное компромиссное решение приступить к сборке первого мирного ядерного устройства было принято Индирой Ганди только в сентябре 1972 г.^{60*} Испытание индийского «мирного ядерного устройства» произошло в 1974 году и стало первым неофициальным испытанием ядерного оружия после появления ДНЯО.

Реакция международного сообщества на фактическое испытание ядерного взрывного устройства была довольно терпимой: ни СССР, ни США, ни КНР, ни Франция⁶¹, ни Великобритания однозначно и резко не осудили индийские взрывы.

Фактически с момента начала ядерной программы в 1945 году до испытания ядерного устройства в 1974 году прошло 29 лет. С этой точки зрения индийская ядерная программа в чем-то уникальна, так как такого долгого пути не было ни у одной програм-

* В то же самое время надо отметить, что в конце 1960-х ряд специалистов по Индии был уверен, что у Индии уже есть ядерное оружие. Такого мнения придерживался, например, известный английский индолог Майкл Эдвардс, который в своей статье от 1967 года, опубликованной в журнале «International Affairs» пишет буквально следующее: «По-моему мнению, Индия была готова взорвать первое ядерное устройство уже к середине 1960-х гг. и не сделала этого из-за ... неодобрительного отношения США и СССР» (Edwards Michael. India, Pakistan and Nuclear Weapons // International Affairs. – 1967. – Vol.43, № 3. – С. 658).

мы создания ядерного оружия. Другой уникальной особенностью индийской программы является то, что второе официальное испытание ядерного устройства произошло только в 1998 году – через 24 года после первого испытания. Большая часть исследователей истории индийской ядерной программы склоняется к мысли, что основной причиной медлительности развития индийской военной ядерной программы являлось отсутствие компромисса по вопросу создания ядерного оружия, а потом и его испытания среди индийской политической элиты. В самом индийском обществе, а также в публичном политическом процессе проблема ядерного оружия мало обсуждалась. Следует указать, что тема ядерного оружия никогда не муссировалась в предвыборных программах индийских политических партий. Здесь напрашивается аналогия с израильской военной ядерной программой, которая, как мы указали выше, никогда не становилась темой обсуждения и дискуссий в открытом политическом процессе в Израиле.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что индийская политика ядерного сдерживания представляет довольно значимый интерес с точки зрения направленности этого сдерживания. Выше нами было сказано об определяющей роли китайского испытания ядерного оружия в ускорении темпов создания ядерного оружия Индией. Густонаселенная КНР – государство с ядерным оружием, которое практически сразу после появления на политической карте мира стало региональным соперником молодой независимой Индии. Наличие ядерного оружия у государства-соперника и явилось основным фактором, для сдерживания которого были развернуты программы по созданию ядерного оружия в Индии. Конфликт с Пакистаном хотя и играл важную роль в формировании политики ядерного сдерживания Индии, но вместе с тем не мог быть однозначным побудителем создания Индией ядерного оружия: Пакистан никогда не имел перевеса над Индией ни с точки зрения обычных вооружений, ни с точки зрения людского ресурса. Можно сказать, что в плане создания ядерного оружия китайский фактор стал для Индии тем же, чем арабский и индийский факторы для, соответственно, Израиля и Пакистана. Но если в случае с Израилем и Пакистаном вызовы остались те же, что и в первые годы развития программ создания ядерного оружия⁶², в случае с Индией возможная угроза изменилась: сегодня ядерная доктрина Индии направлена в первую очередь на сдерживание пакистанской угрозы. Такое восприятие роли ядерного оружия при-

сущее и индийскому обществу. Социологическое исследование общественного мнения индийцев по проблеме ядерного оружия, проведенное в 1994 году, выявило, что 48% респондентов, которые поддерживали создание или наличие ядерного оружия у Индии, в качестве основной угрозы, которую это оружие должно было сдерживать, назвали Пакистан; и только 17% – Китай⁶³. С этой точки зрения Индия представляет собой уникальный случай, когда направленность ядерного сдерживания меняется так существенно в сторону новой угрозы.

Изучение особенностей развития ядерной программы Индии позволяет провести определенные аналогии с иранской ядерной программой:

– Если учитывать, что нынешний этап развития Ираном национальной ядерной программы приведет к созданию ядерного оружия, то иранская ядерная программа с точки зрения сроков появления в чем-то повторит путь создания индийской атомной бомбы: нынешнему рекордсмену по длительности разработки ядерного оружия, Индии, понадобилось целых 29 лет – от начала ядерной программы до сборки первого взрывного устройства, Иран же, создав он ядерное оружие в ближайшее время, пройдет более чем 40-летний путь – от середины 1960-х, когда была начата ядерная программа, до сборки первого ядерного взрывного устройства.

– В части, посвященной ядерной программе Ирана, мы увидим, что программа создания научно-технических и материальных условий, позволяющих разработать ядерное оружие, была начата Ираном еще в шахское время, когда союзником этой страны в регионе были США, а создаваемое ядерное оружие должно было закрепить региональное лидерство Ирана. Сегодня, когда Иран наиболее близко стоит к созданию ядерного оружия, это оружие будет направлено против США и Израиля – бывших союзников Ирана. Как и в случае с Индией, которая начала создавать ядерное оружие из-за проблем с КНР, а сегодня рассматривает его в первую очередь в контексте отношений с Пакистаном, направленность и объективация создания Ираном ядерного оружия качественно изменилась в течение последних десятилетий. Такого рода эволюция направленности использования ядерного оружия должна в определенном смысле стать уроком для тех лиц и сил в России, которые не склонны рассматривать иранскую ядерную программу в качестве долгосрочной угрозы для России.

– Наличие критического отношения индийцев и части политической элиты Индии к ядерному оружию замедлило, но не остановило индийскую военную ядерную программу, так как объективная необходимость в получении атомной бомбы была значительной. В случае с Ираном, в котором также нет четкого общественного и политического консенсуса по поводу необходимости создания ядерного оружия, наличие дискурса и разных точек зрения может замедлить, но не остановить процесс создания ядерного взрывного устройства. Это еще раз говорит о необходимости ликвидации объективных причин создания ядерного оружия, которые в случае с Ираном связаны с проблемой нормализации ирано-американских отношений и создания многосторонней системы региональной безопасности в Южной и Юго-Западной Азии.

Ядерные разработки Ирана в шахский период

С тем чтобы дать возможность американским частным компаниям побыстрее завладеть международным атомным рынком в складывавшихся тогда условиях, Конгресс США в 1954 году принимает закон, разрешающий распространение атомных технологий и материалов при гарантиях их неиспользования в военных целях.

В конце 1953 года президент США Эйзенхауэр объявляет в ООН программу «Атом для мира», в результате чего – вначале при довольно вялой, а затем сравнительно активной поддержке СССР – в 1957 году в Вене создается Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), в функции которого входит как содействие развитию энергии атома, так и недопущение ее использования в военных целях⁶⁴.

Именно американская программа «Атом для мира» лежит в основе ядерной программы Ирана. В рамках реализации в Иране данной программы в 1957 году между США и шахским Ираном подписывается соглашение о мирном использовании атома. Четырьмя годами ранее иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви после переворота, в результате которого пало правительство Моссадыка⁶⁵, получил полноценную власть в стране. Политика Пехлеви, ориентированная на недопущение усиления советского влияния в Иране и в регионе, заслужила одобрение США, которые начали способствовать усилению и мо-

дернизации Ирана, его армии и экономики⁶⁶. Кроме того, США были заинтересованы в развитии ядерной энергетики в Иране, так как она должна была заменить работающие на нефтепродуктах иранские ТЭС, тем самым обеспечив экспорт высвободившихся запасов нефти на Запад.

В 1974 году Мохаммед Реза Пехлеви своим указом создает Организацию по атомной энергии Ирана (ОАЭИ), которая провозгласила план строительства на территории ИРИ ядерного энергетического цикла из 23 ядерных реакторов, строительство которых должно было быть завершено в 1994 году⁶⁷. Глава ОАЭИ напрямую подчинялся шаху (после Исламской революции – президенту ИРИ).

Капиталовложения, необходимые для реализации провозглашенных проектов, оценивались примерно в 30 миллиардов долларов (в ценах середины 1970-х гг.)⁶⁸. Основными поставщиками ядерных технологий должны были стать ФРГ, Франция, США.

Перед ОАЭИ были поставлены задачи осуществления проектов, обеспечивающих:

- использование ядерной энергии для удовлетворения энергетических потребностей Ирана;
- приобретение технологий, необходимых для создания собственных ядерных реакторов;
- приобретение технологий, необходимых для создания замкнутого ЯТЦ;
- использование ядерных технологий в промышленности, медицине и сельском хозяйстве;
- защита людей и окружающей среды от воздействия радиации⁶⁹.

Первая из вышеперечисленных задач являлась весьма важной для шахского Ирана, а впоследствии стала одной из основных мотиваций – уже для руководства Исламской Республики – в деле возобновления ядерной программы государства.

Основной статьей дохода как шахского Ирана, так и ИРИ является экспорт нефти. В начале 1970-х гг. запасы нефти в стране оценивались приблизительно в 17 млрд. т., среднегодовая добыча же составляла 200 млн.т. К 2040–2045 гг. эти запасы могли бы быть исчерпаны. В 1974 году в связи с мировым энергетическим кризисом произошло резкое повышение цен, что имело два противоречивых последствия для шахского Ирана: резко возросли доходы государства от продажи дорогой

нефти, однако в то же время резко повысилась себестоимость электроэнергии, вырабатываемой на иранских ТЭС.

В такой ситуации атомные электростанции в долгосрочном порядке в связи с исчерпанием запасов нефти должны были обеспечить энергетическую безопасность страны, в среднесрочном порядке – увеличить доходы государства от продажи высвободившихся запасов нефти.

К развитию собственной атомной электроэнергетики шахский Иран в шестидесятых-семидесятых годах подталкивал также ряд других факторов:

- наличие залежей урановых руд;
- готовность западных стран оказать Ирану необходимую помощь в строительстве первых АЭС;
- стремление развивать высокотехнологичные отрасли производства.

Надо отметить, что с самого начала исследований в области ядерной энергии и с началом сотрудничества в этой области с иностранными государствами Иран, в отличие от Израиля и Пакистана, взял на себя международные обязательства по предупреждению производства, продажи и распространения ядерного оружия. Иран вступил в МАГАТЭ в 1958 году, а в 1970 году стал участником ДНЯО.

Соглашение о гарантиях между Ираном и МАГАТЭ вступило в силу 15 мая 1974 года. Это означало, что МАГАТЭ получило возможность контролировать использование имеющихся в стране ядерных материалов. Причем Иран обязался предоставлять МАГАТЭ информацию о своих предприятиях, на которых такие материалы производятся или используются.

Вся ядерная программа Ирана ввиду отсутствия соответствующего потенциала опиралась на иностранную помощь. В целом международное ядерное сотрудничество шахского Ирана развивалось по двум направлениям: сотрудничество с США и сотрудничество с европейскими странами.

Сотрудничество с США

Обеспечив себе право на мониторинг и инспектирование иранских ядерных объектов, США с полной готовностью начали оказывать Ирану помощь в развитии мирной ядерной программы. Суть американской помощи в общих чертах состояла в поставках в Иран ядерных установок, оборудования, а также подготовке специалистов.

В 1967 году в соответствии с заключенным договором США – при финансовом и техническом содействии МАГАТЭ – поставили для Тегеранского ядерного научно-исследовательского центра (ТЯНИЦ), который был создан при их активном участии, исследовательский реактор мощностью 5 МВт, пуск которого был осуществлен в 1968 году. В качестве ядерного топлива в реакторе использовался уран со степенью обогащения 93%⁷⁰.

В 1960–70-х гг. Соединенные Штаты не только помогали Ирану в развитии мирной атомной энергетики, но даже не возражали против создания Ираном замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ). Совершенно спокойно реагирующие на возможность создания Ираном ЯТЦ, США во время переговоров с иранской стороной даже предложили ей помощь в создании ключевых звеньев ЯТЦ, поставив, как отмечает ведущий российский эксперт В.Е. Новиков, перед Ираном несколько условий:

- исходные ядерные материалы для производства ядерного топлива должны импортироваться из США;
- строительство и эксплуатация завода по радиохимической переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ) должны быть организованы на многонациональной основе;
- в обмен на отказ иранской стороны от строительства собственного регенерационного завода в процесс эксплуатации предприятия, перерабатывающего ОЯТ, включится Пакистан⁷¹.

Подключение Пакистана к иранской ядерной программе не было случайным: США стремились создать экономическую и технологическую взаимозависимость между этими двумя странами, что должно было укрепить их проамериканский и антисоветский союз.

Примечательно, что нынешний вице-президент США Дик Чейни, глава Пентагона Дональд Рамсфелд и его заместитель Пол Вулфовиц, занявший в апреле 2005 года пост президента Всемирного банка, которые сегодня являются противниками развития иранской ядерной программы, в свое время выступали ее своеобразными инициаторами. В меморандуме национальной безопасности № 292 «О взаимодействии между США и Ираном в ядерной области», обнародованном газетой «Вашингтон пост» в марте 2005 года, представлены шаги, направленные на содействие в реализации иранской ядерной программы, в том числе речь в нем идет о производстве (из американских материалов) и переработке в Иране ядерного топлива (копию оригинала меморандума и перевод см. в Приложе-

нии 1). Наличие такого меморандума весьма показательно, так как США сегодня оспаривают право ИРИ не только на создание ЯТЦ, но и на развитие какой бы то ни было ядерной инфраструктуры, в том числе и строительство АЭС.

Меморандум № 292 был подписан тогдашним госсекретарем США Генри Киссинджером, но его фактическими соавторами явились такие влиятельные деятели фордовской администрации, как тогдашний руководитель аппарата Белого дома Дональд Рамсфелд и сменивший его на этой должности Дик Чейни, а также Пол Вулфовиц, занимавший ключевой пост в Управлении по контролю над вооружениями и разоружению⁷². Аналогичная поддержка со стороны США в области развития ядерных технологий была предусмотрена Пакистану, что, скорее всего, и позволило российскому специалисту, генерал-лейтенанту СВР России (в отставке) Д. Евстафьеву высказать предположение, что «если бы не произошла в Иране революция Хомейни и в стране продолжал править шах, который-то и начал развивать атомную энергетику и был тогда стратегическим союзником Вашингтона, Тегеран сейчас так же, как и Пакистан, был бы с ядерной бомбой и испытывал бы лишь легкие покусывания со стороны своего бенефактора»⁷³.

На протяжении 1970-х гг. между иранским и американским правительствами широко обсуждалась возможность экспорта в Иран восьми американских энергетических реакторов, стоимость которых в общей сложности должна была составить 6,4 млрд. долларов⁷⁴.

Сотрудничество с европейскими странами

Как и США, европейские страны к сотрудничеству с Ираном в ядерной области подталкивало несколько обстоятельств:

1. Западная Европа больше, чем США зависела от поставок иранской нефти, а помощь в развитии ядерной энергетики в Иране могла иметь ряд последствий: а) высвободившиеся в результате прекращения деятельности иранских ТЭС запасы нефти могли беспрепятственно поступать на Запад, б) усилилась бы экономико-технологическая взаимозависимость между Ираном и Европой, что опять-таки представлялось очень важным, в особенности в свете напряженных отношений Франции и Англии с арабскими государствами;

2. Иран в 1970-е гг. превратился в динамично развивающийся рынок для высокотехнологичных европейских товаров,

в том числе и для ядерных реакторов. Сотрудничество с Ираном сулило большие доходы для европейских комуний, прежде всего немецких и французских.

3. Политика модернизации, проводимая Мохаммедом Реза Пехлеви, включала в себя не только модернизацию иранской экономики и армии, но и общественных отношений в стране. Иран с 1960-х гг. начинает постепенно отходить от образа ординарной восточной страны, становясь все более привлекательным местом в плане культурно-городской жизни для европейских бизнесменов, служащих, предпринимателей и т.д. Привлекательный культурный и экономический образ Ирана в Европе очень редко когда страдал от существования фактической деспотической власти в стране. Более того, диктатура шаха делала страну в глазах европейцев и американцев островком стабильности в беспокойном регионе Персидского залива и Ближнего Востока.

Что касается сотрудничества в области ядерных технологий, то с середины семидесятых годов Иран начинает вести активные переговоры с Францией о покупке заводов по обогащению урана и переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ). За 1 млрд. долларов в 1974 году ОАЭИ приобрела 10% акций газодиффузионного завода по обогащению урана, который строился во французском Трикастане. В результате покупки Иран получал право выкупать продукцию завода и иметь полный доступ к технологиям обогащения, разрабатываемым консорциумом, куда, кроме французской стороны, входили испанская «Энуса», бельгийский «Синатон», итальянская «Энеа»⁷⁵.

В марте 1976 года в Тегеране руководителями Ирана и Франции (французскую делегацию возглавлял президент страны Валери Жискар д'Эстэн) было подписано франко-иранское соглашение о сотрудничестве в области промышленного и экономического развития, которое предусматривало участие Франции в строительстве АЭС на территории Ирана. Эта договоренность вылилась в подписание контракта между «Фраматом» и ОАЭИ о строительстве в Ахвазе АЭС⁷⁶ с двумя реакторами PRW мощностью 950 МВт и стоимостью около 2 млрд. долларов⁷⁷.

Первый контракт на строительство АЭС между ОАЭИ и немецкой фирмой «Крафтверк Юнион» был подписан в 1974 году. Он предусматривал строительство АЭС с двумя реакторами в городе Бушере, на юге Ирана. По планам два ядерных энергоблока должны были быть запущены в 1980 и 1981 гг. Счита-

ется, что первый энергоблок Бушерской АЭС ко времени революции 1979 г. был готов на 70–90 процентов, второй энергоблок процентов на 45–75.

В соответствии с соглашением, подписанным между ОАЭИ и Министерством технологий и исследований Германии в марте 1977 года, Иран и Германия договорились о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и выразили готовность принять участие в совместном сооружении и эксплуатации АЭС и других ядерных объектов, в подготовке иранских научных кадров, обеспечении ядерной и радиационной безопасности, производстве и использовании радиоизотопов⁷⁸.

Для реализации ядерной программы иранское руководство большое значение придавало подготовке иранских специалистов в области ядерной физики и техники управления ядерными объектами.

Подготовку будущих иранских специалистов осуществляли США, Бельгия, Великобритания, ФРГ, Италия, Швейцария и Франция. Большая часть специалистов, подготовленных на Западе, после исламской революции эмигрировала, а студенты, все еще проходящие учебу на Западе, опять же по большей части не вернулись на родину.

В 1977 году от 30 до 40 тысяч иранцев (по оценкам Госдепартамента США) обучались в американских колледжах⁷⁹, при этом часть их обучалась по специальностям, связанным с ядерной физикой и ракетостроением. За 1970–77 гг. на четырех ведущих американских фирмах-производителях ядерной продукции было подготовлено 35 иранских специалистов⁸⁰. В военно-учебных заведениях США, Великобритании и других стран прошла подготовку значительная часть офицерского состава ВС Ирана. В 1976 году, например, в США обучалось почти 3 тысячи иранских военнослужащих⁸¹. Среди иранцев, получивших образование на Западе, немало видных деятелей как дореволюционного, так и послереволюционного Ирана. Так, первый президент ОАЭИ Акбар Этемад получил образование во Франции – в Национальном институте ядерных исследований и технологий в Сакле и в Швейцарии – в Лозанском политехническом университете и Федеральном институте ядерных исследований. Его преемник Реза Амроллахи получил образование в Техасском университете по специальности «ядерная физика», а затем стажировался в Бельгийском центре ядерных исследований⁸².

Фактически США и Европа оказывали шахскому Ирану полноценную помощь в развитии его ядерной программы. Анализ статей в американских и европейских журналах и газетах показывает, что никто в то время на Западе не задавался вопросом, что создание ЯТЦ в Иране, подготовка иранских кадров в ведущих научно-образовательных центрах США и Европы может привести к созданию в Иране инфраструктуры и научно-технической базы, необходимой для создания ядерного оружия. Можно объяснить такое лояльное отношение к ядерной программе Ирана тем, что страна эта не стремилась разработать ядерное оружие и поэтому его западные партнеры не опасались за передаваемые иранцам технологии и информацию. Так ли это?

Некоторые эксперты, в частности профессор Южно-Калифорнийского университета Махмуд Саими и авторитетнейший специалист по вопросам ядерного баланса на Ближнем Востоке Энтони Кордесман из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, считают, что шах не ограничивался желанием развивать исключительно мирную ядерную программу Ирана. Как предполагается, в 1970-е гг. в Иране была также и тайная военная ядерная программа, сосредоточенная в ТЯНИЦ, где уже с 1975 года начали осваивать технологии лазерного обогащения урана и выделения плутония из отработанного ядерного топлива. Исследования в центре включали и проектирование ядерных боеголовок⁸³. В Иране в середине 1970-х гг. была даже создана маленькая научно-исследовательская группа по проектированию ядерного оружия⁸⁴. Информацию о ведении разработок по созданию компонентов ядерной бомбы в шахском Иране сообщил в 1987 году основатель и первый руководитель ОАЭИ Акбар Этемад. По его словам, в ТЯНИЦ велись работы по выделению плутония из отработанного в ядерном реакторе урана⁸⁵. М. Саими указывает в своей обширной работе «Иранская ядерная программа» на то, что единственное место, где можно было использовать этот плутоний – атомная бомба.⁸⁶

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что еще в шахское время в Иране осуществлялись исследования и разработки, которые могли быть частью военной ядерной программы. Вряд ли следует ожидать, что последний иранский шах Пехлеви, взявший курс на полное перевооружение и перевооружение иранской национальной армии и стремившийся пре-

вратить Иран в регионального лидера, исключал возможность превращения Ирана в ядерную державу.

Как отмечает ведущий американский специалист Шахрам Чубин в своей статье, датированной 1973 г., у шаха Пехлеви было особое видение проблемы обеспечения иранской и региональной безопасности, и сводилось оно к следующим постулатам:

- Персидский залив – важная стратегическая зона для США и НАТО, однако в этой зоне есть вакуум силы;

- Иран имеет силу и возможности заполнить этот вакуум и обеспечить военно-стратегический баланс с южными регионами СССР;

- Иранские военные программы имеют своей целью обеспечение стабильности и безопасности в регионе Юго-Западной Азии, что в интересах прежде всего Запада⁸⁷.

Запад полностью поддерживал Иран в его устремлениях. Однако возможно ли было достижение поставленных стратегических задач с помощью усиления иранской армии и экономики и без создания ядерного оружия? Ответ, безусловно, отрицательный, так как никакого баланса с СССР Иран не смог бы достичь с помощью дальнейшего развития и перевооружения армии. Тем более, что юг СССР был одной из самых прикрытых, в том числе и ядерным арсеналом, частей страны. Что касается претензий шаха на лидерство в Юго-Западной Азии, то здесь к концу 1960-х гг. уже существовало одно ядерное государство – Израиль. Таким образом, создание иранского ядерного оружия было обязательным условием превращения Ирана в реальный влиятельный центр силы в регионе.

Этому должно было способствовать американское видение проблем безопасности и развития Ближнего Востока – региона, где американская политика призвана была решать три основные задачи:

- обеспечение своей и всего западного мира энергетической безопасности;

- содействие окончательному и безопасному становлению государства Израиль;

- ограничение роста влияния СССР.

В свете всех трех поставленных задач Иран рассматривался США в качестве ключевой страны, без которой США вынуждены были бы произвести полную перегруппировку своих региональных сил и ресурсов. Что, впрочем, в дальнейшем они

и сделали (отчасти и продолжают делать сейчас), «переваривая» Исламскую революцию в Иране.

Однако с точки зрения проблем нераспространения ядерного оружия возникает вопрос: насколько секретными были разработки иранцев, осуществляемые в соответствующих лабораториях и центрах, оснащенных и созданных с помощью западных стран? На этот вопрос вряд ли можно ответить с полной уверенностью, однако все же вызывает сомнение возможность недостаточной информированности американцев о разработках и исследованиях своего стратегического партнера в регионе Персидского залива и Ближнего Востока.

Все вышесказанное приводит к мысли, что отношение США и Европы к ядерной программе Ирана изменилось на 180 градусов исключительно в свете падения в результате Исламской революции 1979 года дружественной монархии в Иране и установления там антизападного исламского теократического правления.

Сильнейший удар по реализации всех задач, поставленных перед ОАЭИ, был нанесен исламской революцией 1979 года. «Исламская революция 1979 г. и политика Хомейни в отношении Запада привели к остановке программы строительства АЭС и большинства ядерных объектов»⁸⁸.

Иранская программа развития атомной энергетики целиком опиралась на иностранных партнеров, что делало ее реализацию зависимой не только от финансовых возможностей страны, но и от уровня партнерских отношений Ирана со странами – ядерными экспортерами, в первую очередь с США, Германией, Францией, Канадой и СССР⁸⁹. В результате же революции Иран остался с незавершенными работами на АЭС, лишился ранее подписанных контрактов и большого количества иностранных и иранских специалистов, вовлеченных в работы по реализации ядерной программы, а также огромных средств, вложенных в разные циклы реализации этой программы (см. таблицу).

После Исламской революции работы в Бушере практически прекратились, большая часть иранских специалистов уехала, финансирование работ и сохранение построек было практически свернуто. В марте 1979 года иранское правительство отказало немецкой «Крафтверк Юнион» в просьбе законсервировать проект строительства АЭС в Бушере вместо того, чтобы полностью от него отказаться. В результате немцы свернули работы в Бушере к ноябрю 1979 года и оставили проект⁹⁰.

Таблица

Ядерная инфраструктура Ирана на момент Исламской революции⁹¹

Объект	Тип установки (объекта)	Экспортер	Состояние установки
Бушерская АЭС	Два реактора PRW-1300	Германия	Первый блок закончен на 70–90%, второй на 45–70%
Ахвазская АЭС	Два ректора PRW-950	Франция	Закончена подготовка площадки под строительство
ТЯНИЦ	Исследовательский реактор мощностью 5 МВт	США	Эксплуатируется
	Горячие камеры	США	Неизвестно
Завод по обогащению урана в Трикастане (Франция). Совладелец – Иран	Обогатительные установки (на основе газодиффузионного метода)	–	Эксплуатируется

Итак, обобщая параграф, можно сделать ряд выводов:

1. Иранская ядерная программа берет свое начало со второй половины 1950-х гг. Она полностью опиралась на иностранную помощь, оказываемую, прежде всего со стороны США и Европы.

2. Ядерная программа шахского Ирана, несмотря на ее крупные масштабы, не вызывала никаких нареканий со стороны мирового сообщества, что было обусловлено союзническими отношениями Ирана и США, а также тем, что, как считается, эта программа носила исключительно мирный характер. Однако ряд фактов указывает на то, что в шахском Иране была и тайная военная ядерная программа, имеющая своей целью создание ядерного оружия.

3. Приостановка сотрудничества США/Европы с Ираном в области ядерной энергетики имела политические причины, вызванные установлением в ИРИ в 1979 году неугодного антизападного режима.

Ядерная программа Исламской Республики Иран

Возобновление интереса Ирана к ядерной программе и к ядерным исследованиям приходится на середину 1980-х гг. — самый разгар ирано-иракской войны.

Сами иранцы объясняли и объясняют возобновление реализации программы развития атомной энергетики следующими соображениями:

1. в строительство Бушерской АЭС уже вложено несколько миллиардов долларов;

2. полная зависимость от углеводородного топлива в будущем может быть причиной энергетического кризиса, если его использование вызовет экологические проблемы или будет невозможно из соображений безопасности;

3. к 2010 году уровень потребления электроэнергии в Иране настолько возрастет, что вся добываемая нефть будет использоваться только для удовлетворения национальных нужд и экспорт ее станет невозможным^{92*}.

Однако то обстоятельство, что ядерная программа была реабилитирована в период военных действий, косвенно подразумевает интерес к военной составляющей ядерных исследований.

Как отмечает российский автор А.В. Головачев, в условиях возросшего уровня противостояния с США, а также ирано-иракского конфликта в ИРИ была разработана секретная директива, подписанная Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, согласно которой обзаведение ядерным оружием служит стратегической гарантией сохранения исламского режима в Тегеране. В ней выделяются следующие пункты: использование всех возможностей для приобретения необходимой технологии производства ядерного оружия; отправка в различные государства специалистов для сбора необходимой информации, проникновение в ядерные и технологические центры в целях разведки; создание секретных ядерных центров, предприятий, которые

могли бы не только дополнять друг друга, но и проводить работы в автономном режиме⁹³.

На новом этапе Иран вынужден был начать исследования, опираясь в основном на собственные силы. Такой подход был в большей мере обусловлен не стремлением Ирана самоизолироваться в своих ядерных исследованиях, а скорее тем, что под давлением США все возможные партнеры Ирана в реализации ядерной программы постепенно отказались от сотрудничества с ним.

После возрождения ядерных исследований, решая вопрос обеспечения страны соответствующими специалистами, руководство ИРИ свое внимание сконцентрировало на двух направлениях: возврат уехавших за рубеж специалистов обратно в Иран и вовлечение их в работы по специальностям; подготовка новых молодых иранских специалистов в зарубежных вузах и научно-исследовательских учреждениях⁹⁴.

И все же без сотрудничества с иностранными государствами Иран не смог бы реализовать не только военную, но и мирную ядерную программу. Попытки наладить такое сотрудничество Иран предпринимает, начиная со второй половины 1980-х гг. Однако поиск ИРИ новых «ядерных» партнеров встречает ярое противодействие со стороны США, под давлением которых большинство потенциальных партнеров Ирана отказываются от сотрудничества с ним. Рассмотрим некоторые из этих попыток⁹⁵.

1. Во второй половине 1980-х — в начале 1990-х гг. определенный интерес к иранской ядерной программе высказывала Аргентина. Интерес этот выразился, в частности, в поставках ядерного топлива и сердечника для реактора в Тегеранский университет на общую сумму в 5,5 млн. долларов⁹⁶. Аргентина также согласилась принять на обучение в Ядерный институт Баласейро иранских технических специалистов⁹⁷. В 1989 году ИРИ заявила о подписании контракта на сумму 18 миллионов долларов с Аргентиной на строительство целого ряда сооружений в районе урановых месторождений, включая завод по отделению урансодержащей руды от пустой породы. Под сильнейшим давлением США в 1992 году Буэнос-Айрес отказался от подписанных договоренностей о поставке ядерных технологий в Иран.

2. В конце 1980-х гг. с Испанией были достигнуты договоренности о сотрудничестве. В 1990 году Иран подписал с Ис-

* Более подробный анализ показывает, что расчеты иранцев касательно превращения Ирана к 2010 году в нефтеимпортирующую страну были более чем преувеличены. Они среди прочего не учитывали возможности использования огромных свободных запасов газа в системе ТЭС, а также в сфере городского общественного транспорта.

панией протокол о завершении работ на Бушерской АЭС и поставках ядерного топлива. Сотрудничество с Испанией было прекращено опять-таки под давлением США.

3. В качестве одного из вариантов развития атомной энергетики в стране рассматривалась возможность достройки Бушерской станции с участием международного консорциума, состоящего из компаний Аргентины, Испании и ФРГ. В 1987 году в Бушер прибыла группа экспертов из Германии для изучения состояния конструкций и характера повреждений АЭС. Однако после того как иракская авиация разбомбила Бушерскую АЭС⁹⁸, в результате чего погиб по крайней мере один немецкий специалист и несколько было ранено, сотрудничество консорциума с Ираном было приостановлено⁹⁹.

4. Швейцарские компании в 1991 году снабдили ИРИ технологиями создания газовых центрифуг. Кроме того, в 1993 году иранцы закупили у швейцарских фирм «AGIE» и «CHARMIUES TECHNOLOGIES» электрические разрядники. Данные приборы используются для резки тяжелых металлов, а также могут применяться для создания газовых центрифуг и производства компонентов ядерного оружия¹⁰⁰.

5. В 1980-е годы Пакистан несколько раз делал заявления о желании сотрудничать с Ираном в ядерной области, однако никаких реальных договоренностей между двумя странами достигнуто не было. После проведения пакистанских ядерных испытаний тема ирано-пакистанского сотрудничества в области ядерной энергии стала широко обсуждаться, несмотря на то, что Пакистан вскоре заявил, что не собирается передавать Ирану ядерные технологии. Кроме множества декларативных заявлений, практически никаких результатов и выражений ирано-пакистанское межгосударственное официальное¹⁰¹ сотрудничество в области использования ядерной энергии не имело. Более того, Иран неоднократно высказывал свою озабоченность по поводу роста «влияния радикального суннитского ислама в Пакистане», рассматривая его (радикальный суннизм) как угрозу своей безопасности¹⁰². В связи с ростом суннитского радикализма в Пакистане анализировалась возможность появления «пакистанского Саддама Хусейна»¹⁰³, да еще и с ядерной бомбой в арсенале. До 11 сентября 2001 года Иран имел реальные опасения «талибанизации» Пакистана¹⁰⁴.

Как видим, любая попытка ИРИ привлечь иностранных партнеров к реализации своей ядерной программы заканчива-

лась провалом, в основном благодаря тому нажиму, который применяли США против государств, выказавших готовность сотрудничать с Ираном¹⁰⁵.

Осознавая факт невозможности нахождения партнеров на Западе, Иран начал искать союзников среди государств, которые, в иранском представлении, были достаточно сильны и независимы, чтобы не поддаваться американскому нажиму. (Причем политика ядерного сотрудничества с этими государствами никогда не страдала от несовместимости их политических идеологий с иранской.) С этой точки зрения особое внимание уделялось Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) и Китайской Народной Республике (КНР).

Сотрудничество с КНДР

Отношения между ИРИ и КНДР значительным образом улучшаются во второй половине 1980-х гг. Это улучшение в первую очередь коснулось сфер военного ракетно-ядерного сотрудничества.

К концу 1980-х годов Иран инициировал контакты с Северной Кореей для получения 15-мегаваттного исследовательского реактора. В январе 1990 года между Ираном и Северной Кореей было подписано соглашение о научном сотрудничестве в ядерной области и передаче военной технологии обычного назначения. При этом Северная Корея неоднократно заявляла о том, что ядерное сотрудничество с Ираном ведется исключительно в мирных целях. Северная Корея оказала Ирану содействие в строительстве и доставке миниатюрного нейтронного реактора. Реактор был пущен 1 июня 1994 года. 21 февраля 1993 года Иран и Северная Корея подписали контракт для поставки двух реакторов мощностью 300 МВт каждый. В сентябре 1995 года Северная Корея приняла решение о расторжении контракта по политическим и экономическим причинам¹⁰⁶. Можно предположить, что расторжение контракта было обусловлено активизацией диалога между КНДР и США. Последние обещали КНДР экономическую помощь в случае приостановки разработки ядерного оружия. Скорее всего, между США и КНДР была достигнута также договоренность о приостановке вышеназванной сделки с ИРИ.

По имеющейся информации, развитие газоцентрифужных технологий в Иране во второй половине 1990-х гг. осуществлялось с помощью северокорейских специалистов. Нельзя исклю-

чать, что разработки в данной области велись в Северной Корее при участии иранских специалистов и при финансировании со стороны Ирана. Примечательно, что информация о наличии программ по центрифужному обогащению в Северной Корее и Иране появилась приблизительно в одно и то же время – в октябре и декабре 2002 года соответственно¹⁰⁷. Однако обнаруженные в Иране технологии центрифуг говорят о том, что их технология имеет пакистанское, а не северокорейское происхождение. С этой точки зрения следует предположить, что если и имела место передача технологии обогащения урана Ирану со стороны КНДР, то она по каким-то причинам не устроила или не удовлетворила иранскую сторону. Однако это обстоятельство никак не изменило тон и логику целого ряда научных и аналитических статей, которые очень часто рассматривают иранскую программу обогащения урана в некой логико-технологической связке с соответствующей программой КНДР. Основная схожесть в положении двух стран заключается в том, что они, развивая ядерные технологии, в стратегическом плане преследуют в чем-то похожие цели, в ряду которых одной из приоритетных является ограничение возможности США организовать военные операции, направленные на смену режима и установление демократии в этих двух странах. Конечно, в отличие от КНДР сравнительно богатый Иран развивает ядерную программу не для своеобразного «шантажа» мирового сообщества с целью получения экономической и технологической помощи. Иранская ядерная политика, безусловно, более прагматична и постоянна и развивается в свете давно уже поставленных целей и задач экономического и военного характера. В этом заключается основная разница иранской и корейской ядерных программ.

Интересно, что с конца 1990-х гг. особый интерес, по крайней мере научный, к иранской ядерной программе начинает проявлять Южная Корея. Возможно, это своеобразная реакция именно на сотрудничество между ИРИ и КНДР.

Сотрудничество с КНР

ИРИ и Китай сегодня экономически и политически достаточно близки, несмотря на несопоставимость и даже противоположность идеологий, доминирующих в этих двух государствах. Ирано-китайские отношения своими корнями уходят в глубокую древность, однако в XX веке отношения между двумя государствами складывались нелегко.

После китайской революции 1949 года иранский шах Пехлеви разорвал дипломатические отношения с Китаем, который стал оплотом коммунизма и антиамериканизма на Востоке. Однако уже в 60-х гг. в условиях обострения советско-китайских отношений КНР начала обращать особое внимание на отношения с Ираном, отлично понимая ту сдерживающую роль, которую он играл в процессе усиления советского влияния на Ближнем Востоке. В Иране и КНР начали обсуждать возможность тесного межгосударственного сотрудничества, и это несмотря на откровенно антикоммунистическую линию шаха Пехлеви, которая, впрочем, не мешала рамочному развитию ирано-советских торгово-экономических отношений. В 1971 году Иран официально признал КНР, и две страны обменялись послами¹⁰⁸. После падения шахского режима в 1979 году отношения между двумя странами еще более потеплели, потому что ИРИ стала оппонентом установления американской и советской гегемонии в стратегически важных регионах Ближнего Востока и Персидского залива. Данное обстоятельство обусловило также оказание помощи Ирану со стороны Китая в период ирано-иракской войны.

В июне 1985 года, в самый разгар ирано-иракской войны, спикер иранского парламента Али Акбар Хашеми-Рафсанджани посетил Пекин, где подписал соглашение о сотрудничестве с Китаем в области ракетных технологий. В 1989 году президент Исламской Республики Али Хаменеи посетил Пекин, где с политическим руководством Китая обсуждал перспективы развития ирано-китайских отношений. Хотим обратить внимание, что хронологически визит Хаменеи в Пекин практически совпал с визитом спикера иранского парламента Рафсанджани (который вскоре заменил Хаменеи на посту президента ИРИ) в Москву, что говорило о своеобразной попытке Ирана очертить контуры своего рода стратегического треугольника в составе Ирана, России и Китая, о котором только в середине 90-х гг., в результате расширения НАТО на Восток, начали говорить в среде российской политической элиты.

Во второй половине 80-х гг. Китай на территории Ирана особо быстрыми темпами начал развивать инфраструктуру производства ракет и увеличения дальности их действия¹⁰⁹.

В 1985 году Китай поставил в Иран миниатюрный реактор мощностью 27 кВт, который впоследствии, в 1994 году, был переоборудован в подкритический. Протокол о сотрудничестве между Китаем и Ираном в области атомной энергетики был

подписан в сентябре 1992 года, во время официального визита президента ИРИ Хашеми-Рафсанджани в Пекин.

По соглашению Китай поставил в Исфаханский центр ядерных исследований оборудование и ядерные установки для научно-исследовательской работы¹¹⁰.

В феврале 1993 года Китай и Иран подписали соглашение о строительстве двух 300-мегаваттных ядерных реакторов на территории ИРИ.

В середине 90-х гг., с дальнейшим увеличением темпов роста китайской экономики и с относительным улучшением китайско-американских экономических отношений, Китай все больше и больше начал прислушиваться к просьбам США, направленным на свертывание сотрудничества Китая с Ираном в ядерной и ракетной областях.

В августе 1997 года премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху по итогам своего официального визита в Китай сделал сообщение о том, что во время их переговоров с вице-премьером КНР Ли Ланкингом последний заявил об отмене Китаем подписанной в 1993 году сделки с ИРИ на строительство реакторов¹¹¹. В октябре 1997 года ирано-китайское сотрудничество в области ядерной энергетики обсуждалось во время переговоров руководителей США и КНР. Цзян Цзэ Мин согласился на требования США прекратить участие в реализации ядерной программы Ирана, в ответ США сняли ограничения со своих фирм на продажу КНР чувствительных технологий, необходимых для совершенствования ядерной инфраструктуры страны¹¹².

Практически полное свертывание ирано-китайского сотрудничества в области ядерных технологий приходится на 1997–98 гг.

Примечательно, что прекращение сотрудничества коснулось исключительно ядерной сферы. В целом отношения между ИРИ и КНР сохранились на достаточно высоком уровне, так как составляющие этих отношений представляют особую важность для обеих сторон.

КНР существенно заинтересована в сотрудничестве с Ираном – с учетом особой зависимости этой страны от поставок иранской нефти и нефти из Персидского залива. Именно срывы этих поставок могут иметь катастрофические последствия для китайской экономики. Данный факт в конце 1990-х годов осознала и американская сторона, в особенности неоконсервативная часть американского политического истеблишмента, готовившаяся в 2000 году выиграть президентские выборы в США. В конце

1990-х гг. значительная часть идеологов неоконсерватизма была вовлечена в работу над проектом «Новое американское столетие», который среди прочего предполагал изучение средств предотвращения дальнейшего роста экономической и военно-политической мощи Китая. Особое значение тут уделялось установлению контроля над ближневосточной нефтью, зависимость от которой к 2020 году могла достичь для Китая катастрофических показателей. Именно исходя из соображений о стремлении США установить контроль над ближневосточной нефтью, многие эксперты пытаются объяснить оккупацию Ирака и возможную оккупацию Ирана со стороны США.

В свою очередь КНР в течение последних нескольких лет начала представлять для Ирана особую политическую важность не только как член Совета Безопасности ООН, но и как основной инициатор создания Шанхайской Организации Сотрудничества. Даже с учетом того допущения, что членство в ШОС для Ирана останется закрытым, значение создания этой организации сыграет в системе обеспечения национальной безопасности и во внешнеполитической доктрине ИРИ важную роль. Роль эта значительным образом возрастет, если членами ШОС станут Пакистан и Индия либо какая-то одна из этих стран. Некоторые китайские заявления последнего периода указывают на то, что КНР будет стараться создать соответствующие механизмы, которые закрепят за ШОС правовые и даже военные обязательства по обеспечению безопасности энерготранзита. Реализация китайских планов естественным образом отразится на становлении и состоянии азиатских маршрутов экспорта иранского газа, ключевыми странами в процессе организации которого и будут выступать возможные будущие члены ШОС Пакистан и Индия.

Что касается свертывания ядерных контактов с КНР, то нельзя сказать, что разочарование Ирана по этому поводу было огромным: в этот период уже наметилась вся перспективность для Ирана сотрудничества с Россией.

Как и в случае с Россией, США не смогли предоставить доказательств касательно экспорта в Иран китайских технологий, могущих служить необходимой технической поддержкой для развития иранской военной ядерной программы, а также для создания иранских баллистических ракет. Большая часть американских обвинений основывается на непроверенной и неточной информации. Однако, вне всяких сомнений, со стороны КНР в Иран были экспортированы технологии и оборудование, которые, не бу-

дучи критическими, тем не менее могут сыграть определенную роль в развитии ядерной науки в Иране, которая может служить как мирным, так и военным целям – в зависимости от поставленных политическим руководством страны задач¹¹³.

Итак, одной из особенностей ядерной программы Ирана является то, что очень много государств на разных этапах ее реализации были в нее вовлечены. Этот факт в свою очередь снижает вероятность полноценного контроля со стороны международного сообщества над соблюдением ИРИ ДНЯО.

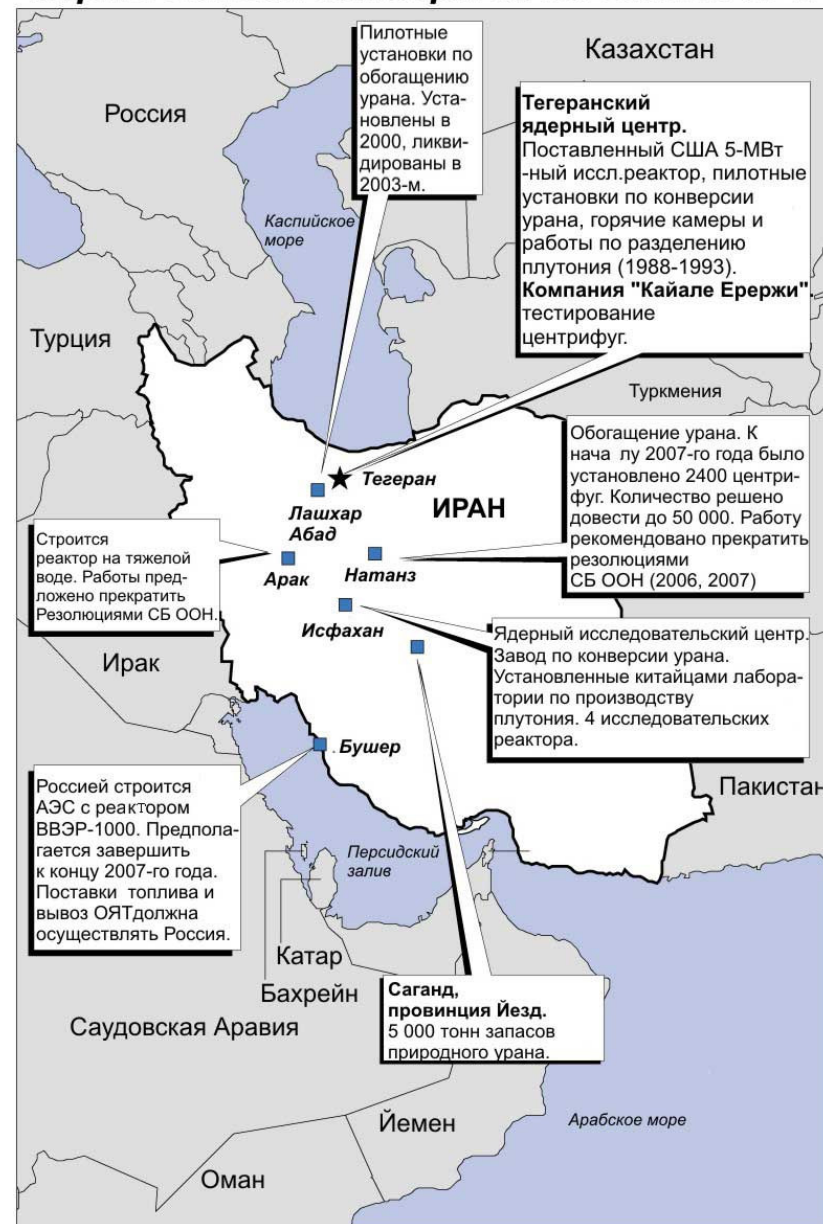
Такой же широкий разброс в вопросе выбора партнеров относится и к сфере военно-технического сотрудничества ИРИ с иностранными государствами. Как отмечает российский автор С. М. Ермаков, в период с 1979 по 1986 гг. Иран приобрел вооружения на сумму более 15,7 млрд. долларов у таких стран, как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Северная Корея, Сирия, СССР, США, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония¹¹⁴.

При таком количестве государств, с которыми Иран в разные периоды своей истории сотрудничал в области ядерной энергетики и у которых покупал вооружение и технологии, исчезает уверенность, что ни одно из этих государств так и не предоставило Ирану технологии, могущие быть примененными в военной ядерной программе.

Ниже представлена карта, на которой обозначены основные центры официальной иранской ядерной программы.

Из существующих ядерных объектов в Иране, безусловно, самым важным является предприятие по обогащению урана в Натанзе. Весь цикл обогащения урана в Иране обеспечивается в основном посредством производства и эксплуатации двух видов центрифуг – П1 и П2 (буква П происходит от слова «Пакистан» и в данном случае говорит о том, что в Иране применяются пакистанские технологии центрифужного обогащения урана). Основная часть центрифуг, инсталлированных в Натанзе, создана на основе сравнительно старого вида П1. В то же самое время, когда инспекторами МАГАТЭ был обнаружен пилотный ряд центрифуг П2 в Натанзе, Иран в начале 2004 года был вынужден признать, что обладает технологиями и чертежами их производства¹¹⁵. Все испытания центрифуг и первые эксперименты по обогащению урана проходили в Тегеране, на предприятии, обозначенном на карте как Комуания «Кайале Енержи».

Карта основных ядерных объектов ИРИ

Особого внимания, безусловно, требует проблема обнаружения мощностей по обогащению урана в Иране, которые оставались засекреченными до 2002 года, что придавало американским и израильским обвинениям в адрес Ирана на предмет разработки ОМП этой страной довольно необоснованный характер. Информацию о наличии в Иране предприятия по обогащению урана (в городе Натанз) и строительстве реактора на тяжелой воде в Араке опубликовал в августе 2002 года руководитель Иранского национального совета в изгнании (*National Council of Resistance of Iran*) Али Реза Джафарзаде¹¹⁶. Совет, которым он руководит, Государственным департаментом США характеризуется как структура, представляющая собой на самом деле переименованную организацию Муджахеде е Халк. Еще в 1970-е годы из-за убийства нескольких граждан США в Иране эта организация была определена Вашингтоном как террористическая¹¹⁷. Однако именно заявление Джафарзаде и приведенные в нем данные стали основой целой серии находок, которые были сделаны на территории Ирана – вначале американской разведкой (с использованием спутников), а потом и инспекторами МАГАТЭ. Уже 12 декабря 2002 года телекомпания CNN показала сделанные американскими спутниками фотографии предполагаемого объекта по обогащению урана в Натанзе, а также строящегося в Араке реактора на тяжелой воде. Фактическими разоблачителями иранской программы обогащения урана оказались, таким образом, иранские диссиденты. Факт этот довольно важен – и не только ввиду того, что тут возникает косвенная аналогия с опытом Мордехая Вануну (который на самом деле озвучил то, что было известно и без него), а ввиду того, что американская разведка, которая на протяжении нескольких десятилетий пристально следила за Ираном и его ядерной программой, обнаружила неэффективность своей работы. Можно, конечно, предположить, что за заявлением Джафарзаде стояла именно американская разведка и данные, которые были переданы ею лидеру иранских диссидентов, однако то, что иранскую ядерную программу разоблачил фактически лидер террористической организации, говорит против этой версии. Кроме того, имея американская разведка информацию, которой располагал Джафарзаде, она сама должна была быть заинтересована в ее распространении через собственные каналы, дабы тем самым показать, что постоянные обвинения Ирана в разработке ОМП не были пустыми

декларациями. Так или иначе, обнаружение предприятия по обогащению урана в Натанзе и получение в дальнейшем подробных чертежей установленных там центрифуг показали, что мировое сообщество не смогло своевременно отреагировать на строительство данного предприятия в Иране, а также на покупку иранцами чертежей центрифуг у пакистанцев.

Что касается реакции иранской стороны на произведенные разоблачения, то она в первые 2–3 года была довольно ситуативной и отражала необходимость реагирования на каждый новый факт о засекреченных ядерных исследованиях, который становился известным очередной инспекции МАГАТЭ. Эти инспекции стали довольно частыми после 2002 года:

– Через 2 дня после показа снимков, сделанных американскими спутниками, министр иностранных дел Ирана Камал Харрази заявил по CNN о том, что Иран никогда не скрывал свою деятельность в ядерной сфере, которая транспарентна и открыта, а иранское руководство отказало МАГАТЭ в срочном инспектировании данных объектов из-за отсутствия в стране президента Хатами и из-за необходимости хорошей подготовки визита делегации¹¹⁸. «Аргументированный» отказ иранской стороны оперативно принять делегацию МАГАТЭ вскоре спровоцировал довольно долгий процесс переговоров по признанию Ираном Дополнительного протокола к гарантиям МАГАТЭ, который обеспечивает более свободный доступ инспекций к объектам подписавших протокол стран.

– 9 февраля 2003 года президент Ирана Мохаммад Хатами объявил об обнаружении значительных запасов природного урана в провинции Йезд¹¹⁹. «Неожиданное» обнаружение запасов урана и заявление Хатами стали основой системы аргументаций иранцев о необходимости и обоснованности налаживания обогащения урана в стране.

– 22–23 февраля 2003 г. с первым коротким визитом в Иране – после обнаружения засекреченных предприятий в Араке и Натанзе – побывал генеральный директор МАГАТЭ Моххамад Эль-Барадей, который посетил данные объекты. По результатам визита было принято решение начать активное инспектирование всех объектов ядерного сектора Ирана¹²⁰. Через 2 недели после заявления о скором широкомасштабном инспектировании иранских объектов секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Хасан Роухани заявил о том, что в начале нового иранского года (21 марта) в Исфахане

начнет работу предприятие по конверсии урана¹²¹. Данный объект наряду с заводом по обогащению урана в Натанзе и строящимся реактором на тяжелой воде в Араке и Карадже стал основным в списке предприятий, работу которых международное сообщество (сначала МАГАТЭ, а потом и СБ ООН) требовало прекратить.

– После первых инспекций объекта в Натанзе стало очевидно происхождение центрифуг, поставленных на предприятии по обогащению урана. Единственной реакцией Вашингтона на обнаружение пакистанского типа центрифуг в Иране стало заявление представителя Государственного департамента США Ричарда Баучера: «Мы верим, что Пакистан осознает свою ядерную ответственность»¹²².

В целом до конца лета 2003 года в Иране были обнаружены и иранским руководством были раскрыты практически все ядерные предприятия, которые известны сегодня.

В мае 2003 года сформировался формат «евротройки» (в составе Великобритании, Франции, Германии), который в октябре того же года достиг соглашения с иранской стороной о временном прекращении работ на ряде ядерных предприятий до достижения комплексного решения по иранской ядерной программе.

Последующие 2 года стали периодом довольно трудных переговоров между Ираном и представителями ЕС, которые принципиально завершились с избранием Махмуда Ахмадинежада президентом Ирана. Именно после его избрания были вновь открыты ядерные объекты, были сделаны заявления о начале промышленного обогащения урана; и хотя ядерная деятельность не представлялась как направленная на получение ядерного оружия, но заявления об уничтожении Израиля и т.п. стали косвенными намеками на скорое приобретение Ираном сравнительного военного преимущества в регионе. Можно, конечно, объяснить причину перезапуска ядерных предприятий в Иране фактором личности и политики Махмуда Ахмадинежада, но само устройство политической власти в ИРИ таково, что решительное изменение ядерной политики и формата переговоров с международным сообществом, скорее всего, стало возможным в результате определенного консенсуса в верховной иранской власти, достигнутого по вопросу ядерной программы – не без учета частичного провала иракской политики США. Последний фактор значительно ограничил возможности

США по вторжению в Иран с целью или под предлогом решения ядерного вопроса.

Для того, чтобы понять, работает ли то или иное государство в направлении создания ядерного оружия или нет, изучения одного только сотрудничества этого государства с той или иной страной недостаточно. Чтобы понять характер (мирный или военный) ядерной программы той или иной страны, важно изучить целый ряд сторон проблемы. Это и достижение внутреннего консенсуса в стране по поводу ядерной программы, и мотивации создания ядерного оружия, и проблема положительных и отрицательных последствий его создания, и вопрос его места и значения в доктрине национальной безопасности. Ниже постараемся раскрыть данные проблемы в отношении ядерной программы ИРИ. Обратимся к первой из обозначенных проблем.

Несмотря на имеющее место на протяжении как минимум последнего десятилетия соперничество между так называемыми лагерями «реформаторов» и сторонников жесткой линии (hardliners) в ИРИ, Иран является одной из редких стран региона, структура управления которого носит относительно системный характер. Конечно, у Ирана свои особенности, связанные с чрезмерным количеством структур и учреждений, вовлеченных в процесс формирования и принятия важнейших решений государственного характера. Сама структура управления в Иране такова, что духовные и светские институты делят между собой некоторые властные полномочия, что придает политическому процессу соревновательный характер¹²³. Эта соревновательность, однако, тоже имеет свои ограничения, так как реальное влияние государственных религиозных институтов ощутимо весомее влияния и полномочий институтов светских, что в определенных случаях позволяет первым вырабатывать важнейшие решения без согласования со светскими институтами государственной власти. Данное обстоятельство, несмотря на то, что оно в определенной степени децентрализует властную вертикаль в стране, имеет свою положительную сторону, заключающуюся в том, что в ИРИ фактически создана особая, иранская система «сдержек и противовесов», которая является своеобразной характерной чертой иранской исламской демократии¹²⁴.

Несмотря на особые властные полномочия, которыми обладают иранские религиозные деятели и структуры, типа Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР), в Иране невоз-

можно принятие ключевых внешне- и внутривнутриполитических решений без их долгой, согласованной и скрупулезной выработки совместно с президентом страны, меджлисом (парламентом), с Наблюдательным советом, с МИД, Советом по определению целесообразности принимаемых решений¹²⁵, с Высшим советом национальной безопасности и т.д.

Ни один человек, ни одна группа в Иране не может самостоятельно принимать решения по ключевым политическим и экономическим вопросам. В Иране важнейшие решения общегосударственного, общенационального характера принимаются исключительно консенсусом¹²⁶. Все вышесказанное касается и ядерной программы Ирана. Конечно, в меньшей степени, так как данная область (в особенности ее военная составляющая) является относительно закрытой для общественного, а также открытого политического обсуждения в большинстве стран мира, в том числе и в ядерных державах. Достаточно вспомнить Израиль, где, как мы указали, открытое обсуждение ядерной программы страны не приветствуется не только в обществе, но и среди политической элиты.

Однако, как и везде, в случае с Ираном также существуют определенные источники, в том числе и заявления высших должностных лиц страны, характеризующие отношение иранских руководителей к проблеме развития национальной ядерной программы.

Так как политический и общественный консенсус в Иране является желательным и даже обязательным условием достижения окончательного решения по вопросу развития национальной ядерной программы, считаем необходимым коротко, но по возможности всесторонне осветить проблему восприятия национальной ядерной программы (мирной и ядерной) иранским обществом и разными ветвями власти. Необходимо отметить также, что динамика внутривнутриполитического процесса тоже оказывает влияние на проблему развития страной ядерной программы¹²⁷.

Первое публичное заявление по поводу возможного военного характера реанимированной в середине 1980-х гг. ядерной программы ИРИ было сделано в 1988 году. «Мы должны полностью вооружить себя для оборонительных и наступательных целей химическим, бактериологическим и радиологическим (читай ядерным – С. С.) оружием»¹²⁸. Слова эти принадлежат бывшему спикеру иранского парламента, бывшему

президенту, руководителю Совета по определению целесообразности принимаемых решений ИРИ Али Акбару Хахеми-Рафсанджани, и произнес он их в 1988 году, в год окончания ирано-иракской войны.

Хотим отметить, что в буквальном смысле ОМП в оборонительных целях использоваться не может и понимать слова Хахеми-Рафсанджани надо как попытку сформулировать необходимость создания так называемого «эффективного средства сдерживания», что имеет место и в ядерной доктрине такой страны, как Израиль. Аналогично обстояло дело и в Пакистане, где у «исламской бомбы» должны были быть исключительно сдерживающие функции. То есть наличие у Ирана ОМП, угроза его применения, в том числе и угроза применения ядерного оружия, должны были, в представлении Хахеми-Рафсанджани, не позволить врагам ИРИ начать против нее военные действия или полномасштабную войну. Безусловно, трудно провести грань между наступлением для предотвращения нападения и, собственно, обороной. Фактически Хахеми-Рафсанджани в своем выступлении очертил те функции не существующего у ИРИ ядерного оружия, которыми это оружие обладает в системе обеспечения национальной безопасности многих стран, в том числе и России, которая признает возможность превентивного использования ядерного оружия.

Активное обсуждение ядерной тематики в Иране началось только в 1990-х гг., когда были достигнуты соответствующие соглашения с Китаем и Россией по вопросу развития в Иране ядерной энергетики и научно-исследовательской базы в области ядерных технологий.

Профессор Тегеранского университета Н. Хадриан в своей статье, опубликованной в рамках соответствующего проекта «Центра Никсона», на основе отношения к ядерной программе разделяет нынешнее иранское руководство на несколько групп¹²⁹. Мы согласны с таким разделением, поэтому укажем те группы, которые в своей статье выделил Н.Хадриан¹³⁰:

1. Противники развития в Иране ядерной энергетики. Данная не очень многочисленная группа в основном состоит из некоторых представителей так называемого «лагеря реформаторов». Они утверждают, что инвестиции в развитие ядерной энергетики в Иране никогда не окупятся¹³¹. Среди представителей данной группы распространена также точка зрения, что США не позволяют Ирану развивать даже мирную ядерную про-

грамму, так как она ввиду наличия радикальных кругов в иранском руководстве будет рассматриваться исключительно под одним упрощенным углом: Иран создает предпосылки для создания атомной бомбы.

2. Сторонники развития ядерной энергетики в Иране. Самая многочисленная группа, которая считает необходимым развитие ядерной энергетики для уменьшения зависимости страны от нефти и для развития высокотехнологичных отраслей экономики страны. Представители данной группы, по крайней мере в информационном пространстве, позиционируют себя как сторонники следования Ираном букве Договора о нераспространении ядерного оружия. Подход представителей этой группы отражен в официальной позиции Ирана по вопросам развития на его территории ядерной энергетики.

3. Сторонники развития военной составляющей ядерной программы ИРИ призывают создать научно-технические и промышленные возможности для того, чтобы Иран при возможной военной угрозе смог бы быстро создать ядерное оружие.

4. Сторонники выхода ИРИ из ДНЯО и быстрого создания ядерного оружия видят в разработке ОМП условие выживания и процветания Ирана¹³².

Мы бы выделили еще одну группу, состоящую из тех представителей иранской политической и духовной элиты, которые, имея большое влияние на политическую жизнь страны, старались и стараются оставаться вне дискуссий по проблеме национальной ядерной программы. Данная группа, точка зрения которой — ввиду отсутствия сделанных заявлений — остается невыясненной, состоит в первую очередь из высокопоставленных духовных лидеров, избегающих публичных выступлений, но влияющих на политический процесс в Иране.

Несмотря на многочисленность второй группы, у исследователей возникает вопрос: кто влиятельнее и кто определяет ядерную политику страны?

Вопрос справедливый, в особенности в свете того, что мы уже указали на наличие в Иране разных центров власти.

Первая группа в разработке ядерной политики не имеет в Иране почти никакого влияния, к тому же большая часть реформаторов не поддерживает ее призыв к сворачиванию национальной ядерной программы. То же отчасти касается и четвертой группы, так как реализация идеи выхода Ирана из ДНЯО может привести к плачевным для Ирана последствиям,

в частности к международным торгово-экономическим санкциям и ухудшению отношений с нынешними партнерами Ирана — Россией, Китаем, Японией и ЕС¹³³.

Однако, как считает Нассер Хадиан, в случае каких-либо ударов со стороны Израиля или США по ядерным объектам ИРИ, численность людей, призывающих к выходу из ДНЯО и к созданию иранской ядерной бомбы, значительно увеличится¹³⁴.

Следует отметить, что и сторонники развития в Иране ядерной энергетики, и сторонники обладания Ираном ядерным оружием в своих выступлениях поднимают вопросы, касающиеся проблем обеспечения безопасности Ирана в свете сложившейся в регионе геополитической и военно-политической ситуации.

Дискуссии по вопросам ядерного оружия в Иране особенно интенсифицировались после испытаний индийской и пакистанской ядерных бомб весной 1998 года. Эти испытания увеличили количество региональных соседей Ирана, обладающих ядерным оружием. Иранское руководство рассмотрело данные испытания именно в свете их влияния на безопасность Ирана¹³⁵.

Противники создания Ираном ядерного оружия приводят следующие аргументы в оправдание своей позиции¹³⁶:

— *Политический аргумент.* В свете сложившегося баланса сил в регионе и в связи с пристальным вниманием мирового сообщества к развитию иранской ядерной программы попытка ИРИ создать ядерное оружие усугубит положение страны, а также может спровоцировать недругов Ирана начать против него военную акцию. В то же самое время программа создания ядерного оружия может спровоцировать возникновение аналогичных программ в Турции и Саудовской Аравии. А это чревато многими новыми проблемами для иранской безопасности.

— *Экономический аргумент.* Стремление ИРИ создать ядерное оружие должно быть подкреплено огромными инвестициями в развитие соответствующей инфраструктуры страны, а также способностью оплатить услуги, предоставляемые иностранными партнерами в высокотехнологических областях. С другой стороны, опыт ряда развивающихся стран, таких как КНДР, где выделялись крупные ассигнования на создание ядерного оружия в ущерб развитию экономики страны, совершенно ясно показывает катастрофические результаты подобной политики. По оценкам экспертов, для любой из развиваю-

щихся стран выполнение программы по разработке ядерной бомбы затормозит развитие экономики на 10–15 лет¹³⁷.

– *Технологический аргумент.* Иран чисто технологически не в состоянии создать ядерное оружие, что обусловлено отсутствием в стране необходимой научно-технической базы. Никакие инвестиции в развитие высоких технологий в Иране не смогут привести к созданию необходимой технической базы для разработки иранского ядерного оружия. Но даже если такое оружие будет создано, Иран в случае начала ядерной войны будет находиться в более проигрышном положении, чем его потенциальный противник Израиль, обладающий мощнейшим и современным ядерным арсеналом.

К числу выступающих не в пользу создания ИРИ ядерного оружия относится и бывший министр иностранных дел ИРИ Камал Харрази. Последний, комментируя вопрос о целесообразности получения Ираном ядерного оружия, говорит, что в свете американского военного могущества ядерное оружие не сыграет для Ирана даже сдерживающей роли, и его создание «не только не сможет решить проблемы Ирана, но и создаст для него много новых проблем»¹³⁸.

В заявлении Харрази отражены позиции противников создания ИРИ ядерного оружия, апеллирующих политическими и технологическими аргументами.

По-иному ставит вопрос руководитель КСИР Яхья Сафави, которого на Западе считают сторонником создания ИРИ ядерного оружия. Приведем одну растиражированную американской печатью и аналитикой цитату из его выступления перед высшим офицерским составом КСИР: «Можем ли мы противостоять американской угрозе и деспотическому отношению с помощью политики разрядки (detente)? Можем ли мы расстроить угрозы, исходящие от Америки, через диалог цивилизаций*? Сможем ли мы защитить Исламскую Республику /.../ подписанием конвенций, запрещающих распространение химического и ядерного оружия?»¹³⁹ Сафави на поднятый им вопрос никакого ответа не дает, однако сама формулировка вопроса такова, что отрицательный ответ напрашивается сам собой.

Количество людей, ответивших отрицательно на поднятый Сафави вопрос, значительно увеличилось после войны США

в Ираке, продемонстрировавшей, что международное право и международные организации не в состоянии удержать США – со стороны которых ИРИ имеет основание ожидать агрессии – от начала «контртеррористических» операций против неугодных им режимов. Крупные соединения войск США сегодня фактически находятся на территории двух соседей Ирана – Афганистана и Ирака (с некоторой натяжкой можно сказать, что они контролируют эти две страны). Однако проблема не столько в том, что эти войска там находятся, сколько в том, как они туда попали¹⁴⁰.

Российский востоковед В.И. Сажин, анализируя влияние войны в Ираке на проблему нераспространения ядерного оружия, склоняется к мысли, что «так называемые «пороговые страны», то есть те, которые находятся на пути к созданию атомной бомбы, все чаще приходят к выводу, что им поможет только доктрина ядерного сдерживания»¹⁴¹.

США оправдали свое вторжение в Ирак тем, что страна эта разрабатывает химическое оружие. То есть Иран убедился, что наличие химического оружия у Ирака и угроза его применения не помешали США вторгнуться в Ирак¹⁴². Позже американцы признали, что у Ирака не было химического оружия. Иранцы опять же должны были сделать соответствующий вывод: обвинение в разработке и хранении ОМП послужило для США исключительно поводом для начала военной операции против Ирака. В этом свете, естественно, встают два вопроса:

– *Вопрос № 1.* Начали бы США войну против Ирака, если бы у режима Саддама Хусейна было химическое или ядерное оружие?

– *Вопрос № 2.* Информационная кампания США против Ирана очень напоминает соответствующую кампанию против Ирака, что может быть сигналом о намерении США под предлогом разработки в Иране ядерного оружия смести неугодный в ИРИ режим. Так не правильно ли на самом деле попытаться создать ядерное оружие, которое может служить гарантом ненападения со стороны США?

Эти вопросы иранские стратеги обязательно должны были поднять. И более того, они нередко дают понять, что часто задаются этими вопросами, что, в свою очередь, преследует следующие цели:

– *Частично легитимизировать возможное создание ядерного оружия;*

– *Заставить международное сообщество быть более сговорчивым с Ираном по вопросам, касающимся проблем региональной безопасности.*

* Намек на выдвинутую президентом-реформатором М.Хатами теорию, которую многие в Иране считают с практической точки зрения несостоятельной.

Даже многие из американских экспертов отмечают, что «Тегеран стремится заполучить ядерное оружие прежде всего для того, чтобы предотвратить нападение со стороны США»¹⁴³. На это указывает, в частности, Кенет Поллак, бывший в 1995–1996 и 1999–2001 гг. главой Управления по делам Персидского залива в Совете национальной безопасности США.

Военное вторжение США в Ирак совпало с определенным напряжением в отношениях Иран-МАГАТЭ, что усилило закрытость дискуссий в Иране на тему развития национальной ядерной программы. В 2004 году, согласно некоторым источникам, Высший совет национальной безопасности Ирана издал специальный циркуляр, ограничивающий публикацию новостей и материалов, касающихся иранской ядерной программы, в негосударственных СМИ, расценив распространение неофициальных оценок как прямую угрозу национальной безопасности¹⁴⁴. Очевидно, что в иранскую прессу не могла просочиться информация, представляющая государственную тайну или же раскрывающая засекреченные факты и материалы, касающиеся иранской национальной ядерной программы. Скорее всего, основная цель акции – ограничение свободы обсуждения ядерной программы для недопущения распространения точек зрения, которые могут быть определены как пацифистские. Анализ публикаций иранских печатных СМИ показывает, что в большинстве своем, может быть, за исключением нескольких реформаторских изданий, иранская пресса старается не обращаться к возможным последствиям развития государством своей ядерной программы.

Логично предположить, что отношение иранцев к возможности создания ИРИ ядерного оружия после иракской кампании стало более одобрительным. К данной точке зрения мы пришли, в том числе, и на основе личных контактов с иранцами в 2004–2005 гг. Однако посещение Ирана в 2006 году дало повод усомниться в «ядерном оптимизме» иранского населения (в основном людей молодого и среднего возраста). Причина роста сомнений по поводу необходимости создания страной ядерного оружия, да и вообще развития национальной ядерной программы, на наш взгляд, связана в основном с внутрисполитическими процессами в ИРИ. Угроза конфликта с США устрашает, конечно, но не менее устрашающим для части иранского населения является «увековечивание» нынешнего исламского радикального режима в Иране, что, по мнению части иранцев, обязательно

произойдет, если режим сможет заполучить ядерное оружие. Такие настроения очень остро ощущаются в Иране в особенности после избрания Махмуда Ахмадинежада президентом страны.

Не исключено, что само избрание Махмуда Ахмадинежада президентом, ставшее возможным в результате определенных предварительных согласований внутри консервативной иранской элиты, вызвано было среди прочего стремлением сделать иранскую позицию по ядерной проблеме более решительной. Сам Ахмадинежад, ставший скандально известным мировой общественности прежде всего благодаря своим антиизраильским заявлениям, выступая по вопросу иранской ядерной программы, старается даже не намекать на необходимость создания ядерного оружия. В то же самое время его принадлежность к ветеранам КСИР может служить ориентиром для определения его взглядов на данную проблему.

Более или менее «свободными» от цензуры на сегодняшний день являются академические обсуждения целесообразности создания Ираном ядерного оружия. Иранский ученый Амин Тарзи, работающий в США, считает, что у Ирана сегодня достаточно причин для того, чтобы заполучить ядерное оружие¹⁴⁵. Аналогичную точку зрения высказал также и профессор Тегеранского университета Али Асгархани во время своего выступления на конференции «Ядерные технологии и устойчивое развитие», организованной Центром по определению целесообразности принимаемых решений и МИД Ирана 5–6 марта 2005 г. Примечательно то, что во время выступления Асгархани расценил как идентичные угрозы безопасности Ирана и КНДР – государства, которое уже в 2006 году объявило об испытании своего ядерного оружия.

Испытание ядерного оружия Северной Кореей и проблема иранской ядерной программы

Объявление об испытании Северной Кореей своего ядерного оружия 9 октября 2006 года – достаточно важное событие не только регионального – дальневосточного, – но и международного значения. В случае с Ираном особый интерес представляют два измерения значения корейского испытания:

– *Материально-техническое значение.* Речь идет о проблеме материально-технического сотрудничества Ирана и

КНДР в ядерной сфере. Вопрос «переданы ли были Кореей ядерные технологии Ирану или нет?» в данном случае приобретает особенно важный характер, так как в лице КНДР на сегодняшний день мы имеем государство, самостоятельно создавшее собственное ядерное оружие и испытывавшее его. Такая научно-техническая *самодостаточность* КНДР – в отличие от тех же Израиля, Пакистана и Индии, которые создали свое ядерное оружие благодаря прямой или косвенной поддержке иностранных государств, – делает КНДР абсолютной угрозой режиму нераспространения ядерного оружия: Северная Корея при необходимости может самостоятельно удовлетворить запросы «клиентов» международного нелегального ядерного рынка. В случае с Ираном можно говорить о достаточно высоком уровне межгосударственных отношений с Северной Кореей, подкрепленных общим для Тегерана и Пхеньяна антиамериканским настроем, что реально повышает уровень угрозы передачи ядерных технологий Ирану. Что касается вопроса предотвращения такого рода передачи, то тут проблем достаточно много. Сами США, которые на сегодняшний день выступают в качестве основного противника Ирана, не смогли пресечь передачу Ирану технологий и чертежей обогащения урана со стороны своего фактического стратегического партнера – Пакистана¹⁴⁶, государства, которое во многом зависит от США: в военном плане, экономически и в чем-то политически. В случае же с КНДР говорить о значительном влиянии на эту страну со стороны какой-либо мировой или региональной державы не приходится. Испытание КНДР ядерного оружия имело место при активно отрицательном отношении к самой возможности такого испытания со стороны как США, так и России и Китая – государств, которые соответственно с большей или меньшей натяжкой можно назвать партнерами Пхеньяна. В таких условиях в результативности давления на КНДР с целью пресечения передачи ею ядерных технологий Ирану или какой-либо другой стране можно вполне обоснованно засомневаться.

– *Международно-прецедентное значение.* Во-первых, КНДР создала ядерное оружие – в отличие от Израиля, Индии и Пакистана, – не опираясь ни на чью прямую или косвенную политическую поддержку и в условиях абсолютного отсутствия заинтересованности какой бы то ни было державы в превращении КНДР в ядерную державу (аналогичная ситуация складывается и с Ираном); во-вторых, ядерное оружие со стороны

КНДР создано в период жесткой конфронтации с лидером современного мира – США – и во многом с целью предотвращения американского вторжения в КНДР (к этому же стремится и Иран); в-третьих, за прошедшие месяцы после испытания КНДР ядерного оружия никаких реальных, значительных шагов мировое сообщество против КНДР не предприняло, кроме известной резолюции ООН (Иран в условиях высоких цен на нефть и невозможности отказа от закупок иранской нефти, а в скором времени и газа более «подготовлен» к возможным санкциям). Можно сказать, что на сегодняшний день «легализация» корейского ядерного оружия прошла успешно. Так же успешно сегодня проходит «легализация» составных частей иранского ядерного цикла – добыча урана, переработка урана в одном каскаде центрифуг, потом во втором, в третьем и т.д. А безнаказанность и отсутствие последствий такого рода «легализации» подготавливают мировое сообщество к созданию иранского ядерного оружия, проявлением чего и является, например, заявление президента Франции Жака Ширака о том, что не так и опасно, если Иран заполучит несколько ядерных боеголовок¹⁴⁷. Позже Жак Ширак дезавуировал свое заявление, сказав, что ему «следовало быть внимательнее к выбору слов и понимать, что, наверное, слова собираются опубликовать».

То, что *слова* были сказаны с учетом незнания того, что они могут быть опубликованы, может быть, более объективно отражало ход мыслей французского президента.

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

Становление и развитие современных российско-иранских политических отношений

Сегодня отношения с Российской Федерацией являются одним из важнейших направлений во внешней политике Ирана. Для России же Иран – важный региональный партнер, с которым, по словам министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, «Россия сотрудничает в интересах стабильности в регионе»¹⁴⁸.

После 1953 года, когда Мохаммед Реза Пехлеви получил полноценную власть над страной, отношения между СССР/РФ и Ираном/ИРИ в своем развитии прошли несколько этапов. Мы выделим основные три.

Первый этап охватывает период с середины 1950-х гг. до Исламской Революции 1979 года. Основной его характеристикой является рамочное развитие межгосударственных отношений, охватывающих прежде всего экономическую и торговую сферы.

В 60-е гг. прошедшего, XX века иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви начал уделять особое внимание отношениям с Советским Союзом, находящимся тогда в ситуации сильнейшего противостояния основному экономическому, политическому и военно-стратегическому партнеру Ирана – США. В условиях проводимых с 1962 года иранским правительством социально-экономических преобразований, известных под названием «Белая революция шаха и народа», в частности аграрной реформы, шахскому Ирану понадобились большие финансовые средства и материально-техническое содействие. Кроме того, Пехлеви взял курс на развитие тяжелой промышленности в Иране, в чем американцы ему особой поддержки не оказывали. В таких условиях иранское руководство вынуждено было частично пересмотреть внешнеполитический и внешнеэкономический курс страны, начав искать партнеров среди социалистиче-

ских государств. В кругах политической и общественной элиты страны все активнее начали говорить о необходимости наладить сотрудничество со странами социалистического лагеря, в том числе и с СССР, который, кстати, в 1962 году специальной нотой заверили, что «иранское правительство никогда не разрешит, чтобы Иран стал средством агрессии против Советского Союза»¹⁴⁹. Вышеназванная нота иранского правительства послужила позитивным сигналом для СССР, положив начало сотрудничеству между двумя странами. Для СССР было достаточно важным установить дружественные отношения с Ираном, роль и влияние которого в зоне Персидского залива были велики.

Первое значительное советско-иранское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве было подписано в июле 1963 года в Тегеране и предусматривало, в том числе, сотрудничество в строительстве крупных промышленных объектов: гидротехнических сооружений на реке Аракс, водохранилища, двух гидроэлектростанций и т.д. Подписание советско-иранского соглашения о сотрудничестве в строительстве промышленных и других предприятий (1966 г.), торгового соглашения (1967 г.) сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии межгосударственных экономических отношений.

Вплоть до Исламской революции Иран и СССР в целом сохраняли добрососедские отношения, рамочно развивая торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество.

Исламская революция в Иране перечеркнула многие успехи, достигнутые в советско-иранских отношениях в период 1960-х гг.

Второй этап охватывает период с 1979 по 1989 гг., и его основной характеристикой является осложнение и ухудшение советско-иранских отношений, что было вызвано среди прочего следующими факторами: Исламской революцией в Иране и установлением там режима, апеллирующего, в том числе, и антисоветскими лозунгами¹⁵⁰; войной в Афганистане; ирано-иракской войной.

Один из крупнейших специалистов по Ирану Барри Рубин пишет: «Иранская революция стала важнейшим событием на Ближнем Востоке за последние 25 лет и в большей степени, чем любое другое событие, определила курс развития региона»¹⁵¹. Слова Рубина вряд ли можно считать преувеличением. Исламская революция задала свой курс развития региону Ближнего и Среднего Востока.

Новый исламский режим Ирана практически свернул отношения с объявленными «большим сатаной» Соединенными Штатами. После захвата американского посольства в Иране в 1979 году отношения между ИРИ и США ухудшились окончательно. Претерпели изменения также и отношения Ирана с «малым сатаной» – СССР. Хотя следовало бы отметить, что изначальная позиция СССР по революции в Иране, а также по вопросу возможности американской военной поддержки шаха в подавлении революции отвечала интересам нового режима в Иране. В сделанном СССР 19 ноября 1978 года заявлении было сказано: «Советский Союз / .../ решительно заявляет, что он против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом / .../. Должно быть ясно и то, что любое, а тем более военное вмешательство в дела Ирана – государства, которое непосредственно граничит с Советским Союзом, СССР рассматривал бы как затрагивающее интересы его безопасности»¹⁵². Данное заявление Советского Союза было весьма уместным, так как в американской администрации были ярые сторонники военного вмешательства США в ход революции в Иране, одним из основных представителей которых был советник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский.

«Мусульмане в Иране не прекратят своей борьбы до тех пор, пока не будет установлено всемирное исламское правление»¹⁵³, – слова эти принадлежат духовному лидеру Ирана аятолле Хомейни и отражают видение основного курса внешнеполитической деятельности нового иранского исламского руководства. В начале 80-х гг. тогда еще сравнительно молодой Хашеми-Рафсанджани в списке стран, где в ближайшее время должна была победить Исламская революция, назвал и Советский Союз. «Иранцам не следует выглядеть невежественными террористами, стремящимися к авантюрам. Мы должны экспортировать нашу Исламскую революцию мирным путем / .../. Ислам победит повсюду. Даже в СССР и Китае*»¹⁵⁴, – утверждал Хашеми-Рафсанджани. Трудно сказать, насколько искренен был в своих предсказаниях будущий президент ИРИ, но

* Речь идет, скорее всего, о распространении идей Исламской революции среди проживающего на территории СССР и КНР мусульманского меньшинства.

очевидно, что Советский Союз в видении исламских политиков Ирана не представлялся возможным партнером, тем более – стратегическим.

Больше всего от новой политики Ирана, несомненно, пострадали США и их интересы, однако Советский Союз также начал терять и без того шаткие позиции в Иране, причиной чего явился, в том числе, и ввод советских войск в Афганистан, вызвавший сильнейшее противодействие со стороны ИРИ. Как отмечает А.З. Арабаджян, «Иран был превращен во вторую после Пакистана базу подготовки вооруженных отрядов сил контрреволюции»^{155*}.

СССР не был склонен рассматривать победу Исламской революции в Иране как результат общенационального объединения вокруг идей, проповедуемых имамом Хомейни. Вот как оценивает события тех дней и свое отношение к революции в Иране, характерное для многих представителей советской политической элиты, бывший председатель КГБ СССР, генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, с 1979 по 1982 гг. являвшийся резидентом КГБ в Тегеране: «В Иране пришлось «с близкого расстояния», а вернее, из водоворота событий наблюдать Исламскую революцию, когда я был резидентом КГБ в Тегеране с 1979 по 1982 год. Не очень приятно признавать это сейчас, но «предвзятость марксистско-ленинского образования» помешала мне в то время оценить по достоинству это явление. «Религия», «ислам», «мулла» являлись чем-то чуждым априори. Приверженность догме искажала восприятие. А иранская революция была народной, имам Хомейни – народным вождем, и шиитский ислам – единственной понятной и приемлемой для иранского народа идеологией. Хомейнистская революция завершила столетнюю борьбу иранцев

* Однако в позициях Ирана и Пакистана по афганскому вопросу были определенные различия: ИРИ в афганском вопросе была отдельным центром силы, имевшим собственные интересы в Афганистане, в отличие от Пакистана, помощь которого афганским моджахедам во многом курировалась со стороны США. В дальнейшем, в период гражданской войны в Таджикистане, американской оккупации Афганистана и Ирака, в результате чего в этих странах с разной интенсивностью началось нечто похожее на гражданскую войну, Иран также вполне удачно проявил себя в качестве ведущего независимого игрока во всех этих региональных конфликтах.

против иностранного засилья и «неправедной, прислуживающей иностранцам» монархии»^{156*}.

Третий этап охватывает период времени с 1989 года, когда намечаются реальные принципиальные улучшения в советско/российско-иранских отношениях, вплоть до наших дней. Основными характеристиками этого периода являются: улучшение отношений между двумя странами, которое отчетливо намечается после окончания ирано-иракской войны и вывода российских войск из Афганистана; заметное охлаждение отношений в 1992–1995 гг., вызванное так называемым «медовым месяцем» в российско-американских отношениях; значительное потепление в отношениях двух стран с 1995–1996 гг., вызванное подписанием контрактов о сотрудничестве в ядерной области, а также изменением внешней политики России после назначения на пост министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова, который в определении политики своего ведомства начал делать упор на обеспечении российских национальных интересов.

Постепенное улучшение в советско-иранских отношениях намечалось еще в середине 1980-х гг. В декабре 1986 года после долгого перерыва в Тегеране состоялось десятое заседание Постоянной комиссии по экономическому сотрудничеству между СССР и ИРИ, в ноябре 1987 года – четырнадцатое заседание Постоянной советско-иранской подкомиссии по транспорту. Однако все эти в принципе положительные сдвиги в возобновлении советско-иранского сотрудничества никоим образом не уменьшили антисоветские настроения среди иранской общественности, в частности среди радикально настроенной молодежи¹⁵⁷. Не прекращались митинги протеста у советского посольства в Тегеране: в тот период иранские демонстранты обвиняли советские власти в антииранской позиции, занятой в процессе урегулирования ирано-иракского конфликта.

По преимуществу противоречивое состояние отношений между СССР и ИРИ сохранилось до конца 80-х гг. прошлого столетия – до считающегося многими специалистами «историческим» визита тогдашнего спикера иранского меджлиса (пар-

* Сам Л.В. Шебаршин во время публичной лекции в МГУ в 2005 году отметил, что до того, как он был направлен на работу в Иран, с ним о его миссии побеседовал председатель КГБ СССР Юрий Андропов. Во время беседы председатель КГБ высказал точку зрения, что «муллы, кажется, пришли надолго».

ламента) и будущего президента (избран 28 июля 1989 года) ИРИ Хашеми-Рафсанджани в Москву.

К концу 80-х гг. в советско-иранских отношениях намечаются значительные улучшения. Обусловлено это было рядом обстоятельств, главными из которых являлись постепенная деидеологизация советской внешней политики, ставшая следствием структурных изменений в СССР, которые привели в конце концов к ослаблению Советского Союза со всеми вытекающими из этого последствиями, а также окончание ирано-иракской войны, в которой СССР активно помогал Ираку.

Ослабленный и «демократизирующийся» Советский Союз в принципе перестал быть угрозой для ИРИ, которая к тому времени уже отлично осознала, что без внешней помощи невозможно восстановить разрушенную в ходе ирано-иракской войны страну, в том числе и военно-технический потенциал этой страны. Понятно, что соответствующую помощь от Запада получить было практически невозможно ввиду введенных американской администрацией санкций против ИРИ, а также давления, которое оказывали в этом вопросе те же США на другие западные страны.

В июне 1989 года состоялся визит спикера меджлиса ИРИ Али Акбара Хашеми-Рафсанджани в Москву, во время которого влиятельный иранский политик провел ряд переговоров с руководством СССР, в том числе и с президентом страны М.С. Горбачевым.

По итогам визита Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани и М.С. Горбачевым были подписаны два важнейших документа, определивших отношения двух стран на протяжении более чем одного десятилетия: *Декларация о принципах отношений и дружественного сотрудничества между СССР и ИРИ; Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ИРИ на период до 2000 года.*

Ключевым документом, подписанным Горбачевым и Хашеми-Рафсанджани, является Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ИРИ, заложившая основы развития двухсторонних – сначала советско-иранских, потом и российско-иранских – отношений. Именно в данном соглашении нашла отражение готовность двух государств сотрудничать в области энергетики, газа, транспорта, использования атомной энергии в мирных целях, – в областях, на сегодняшний день наиболее перспективных.

Безусловно, на отношения двух стран коренным образом повлиял и распад Советского Союза. Распад СССР внес свои коррективы не только в российско-иранские отношения, но и коренным образом изменил расклад геополитических сил в сопредельных с Ираном регионах. Советник министра обороны ИРИ Али-Реза Акбари в своей статье 6-летней давности пишет: «За прошлые 20 лет в мире произошло два основных события. Первое – это победа Исламской революции /.../, второе – это распад СССР»¹⁵⁸. Понятно, что оценка дана иранским руководителем с учетом влияния этих двух событий на судьбы иранского государства.

Распад СССР определенным образом повлиял и на доктрину национальной безопасности Ирана, так как, с одной стороны, с политической карты мира исчезло государство, рассматриваемое в качестве угрозы иранской безопасности, но, с другой стороны, последствия распада этого государства определенным образом стали угрожать интересам Ирана, что было вызвано прежде всего: а) гражданской войной в Таджикистане; б) нагорно-карабахским конфликтом и установлением в Азербайджане националистического режима во главе с А.Эльчибеем, который провозглашал планы отторжения заселенных этническими тюрками северных районов Ирана; в) установлением в Афганистане – после ухода советских войск из этой страны – враждебного ИРИ талибского режима.

О двойственном значении для ИРИ исчезновения с политической карты мира СССР пишет в своей статье профессор Тегеранского университета Н. Ноурузи, считающий, что распад СССР привел к ликвидации угрозы стабильности и целостности территории Ирана, исходящей более трех веков со стороны великого северного соседа. Однако с появлением новых государств, считает Ноурузи, и возникновением вопроса потенциальных и существующих интересов в регионе появилась новая внутренняя нестабильность¹⁵⁹. Ноурузи утверждает, что Иран, учитывая возникшие в результате распада СССР новые угрозы его безопасности, с целью сохранения стабильности в регионе основывает свою политику в Центральной Азии и на Кавказе на трех основных принципах:

1. Посредничество в региональных конфликтах, которые могут привести к сохранению мира в регионе;
2. Участие в многосторонних организациях;
3. Учет особой роли России в сохранении существующего положения в регионе, обеспечении стабильности и безопасности новых независимых государств¹⁶⁰.

То есть изначально подход Ирана к новой России, вопреки ожиданиям экспертов, считающих возможным превращение Ирана в претендента на получение части так называемого «советского наследства», был и, надо сказать, остается довольно конструктивным.

Иран делает то, чего не делают ни США, ни ЕС, ни Турция: учитывает особую роль и значение России в регионе. Более того, по мнению иранских дипломатов, отсутствие полноценного взаимодействия России и Ирана позволяет США усилить свое влияние в таком важном в стратегическом отношении для двух стран регионе, как Южный Кавказ¹⁶¹.

Однако отношения между РФ и ИРИ в 1990-х гг. складывались совсем не просто.

Исследование истории и проблем российско-иранского сотрудничества 1990-х гг., в том числе и в области ядерной энергетики, приводит к выводу, что российская внешняя политика с начала 90-х гг. прошлого века (условно этот период можно назвать ельцинским) вплоть до избрания В.В. Путина президентом РФ не отличалась особо целостным подходом к различным актуальным вопросам внешней политики и ситуации в мире в целом.

Многие эксперты объясняют неопределенность российской внешней политики тем, что слишком большое количество групп интересов было вовлечено в формирование российской внешней политики, что придавало ей противоречивый характер¹⁶².

Исламская Республика Иран, наверное, больше, чем любое другое государство, испытала на себе неопределенность и разновекторность российской внешней политики 90-х гг.

После визита Али Акбара Хахеми-Рафсанджани в СССР в 1989 году Иран реально начал надеяться на возможность потепления советско-иранских, в дальнейшем российско-иранских межгосударственных отношений. Однако с развалом СССР и образованием Российской Федерации в начале 1990-х начался так называемый «медовый месяц» в российско-американских отношениях, что естественным образом отрицательно сказалось на развитии российско-иранского межгосударственного диалога.

Однако самая большая вина за противоречивость и, смею утверждать, в некотором отношении за антinationальный характер российской внешней политики, на наш взгляд, лежит на политическом курсе, проводимом первым министром иностранных дел РФ А. Козыревым. В его внешнеполитической

линии не было места национальным интересам как важнейшей политической категории. Руководитель МИД РФ проектировал внешнюю политику России больше с учетом той реакции, которая последует со стороны той или иной державы, прежде всего со стороны США, нежели с учетом реальных интересов России¹⁶³.

Постепенно, с охлаждением отношений с США, а также в связи с принятой доктриной расширения НАТО на Восток Россия в качестве своеобразной реакции начала обращать большее внимание на развитие диалога с так называемыми «проблемными странами», находящимися в независимом от США положении. Многие аналитики начали реально обсуждать возможность развития военно-стратегического союза России с такими государствами, как Иран, Китай, Индия и даже КНДР и Куба.

В середине 90-х гг. укрепление и развитие российско-иранских отношений было в основном обусловлено той политикой, которую стал вести сменивший на посту министра иностранных дел прозападно настроенного А.Козырева Е.М. Примаков. Когда в январе 1996 года Примаков стал главой российского МИД, ожидалось, что он сможет с большей интенсивностью координировать российскую внешнюю политику, чем это делал его предшественник¹⁶⁴.

Госпожа Голан в своей широко известной на Западе книге «Россия и Иран. Стратегическое партнерство?» отмечает, что переход Е.Примакова из СВР РФ в МИД обусловил изменение отношения России к региону Ближнего Востока и Персидского залива, что было вызвано теплым отношением Примакова к Ирану и другим региональным странам¹⁶⁵. Оценка г-жи Голан отчасти правильна, однако вряд ли следует утверждать, что Примаков определял свою политику в той или иной стране на основе своего личного отношения к ней. В своей книге «Годы в большой политике» Е.М. Примаков вспоминает о представлении его президентом РФ Б.Н. Ельциным коллегии МИД РФ, во время которого, как пишет Е.Примаков, «две темы прозвучали особо: во-первых, приоритетность отношений Российской Федерации с Содружеством Независимых Государств / .../ и, во-вторых, необходимость перестроить дипломатическую работу так, чтобы она активно охватывала различные страны и регионы, — иными словами, диверсифицировать внешнюю политику»¹⁶⁶. Именно необходимостью диверсификации российской

внешней политики, ориентированной в период правления А.Козырева на отношения с Западом¹⁶⁷, и была вызвана обращенность главы российского внешнеполитического ведомства, в частности, к Ирану.

Примаков еще в бытность директором СВР несколько раз общался с иранским руководством, прежде всего по вопросам урегулирования внутритаджикского конфликта. Становясь министром иностранных дел России, Примаков уже имел представление о той политической линии, которую должна проводить Россия по отношению к Ирану. Так, в своей книге мемуаров Примаков пишет: «Первое мое посещение Тегерана с неофициальным визитом в 1993 году и второй приезд в иранскую столицу тоже в качестве директора СВР в феврале 1995 года еще раз убедили меня в том, что следует развивать отношения с этой страной не только в экономическом, но и в политическом плане»^{168*}.

Справедливости ради надо отметить, что изменения в российской внешней политике были обусловлены отчасти и внутриполитическими изменениями в стране, вызванными победой на выборах в Государственную Думу в 1995 году КПРФ и ЛДПР. То, что КПРФ и ЛДПР не были представлены в исполнительной власти, конечно, не могло не уменьшить роли этой победы, но в то же время эти две партии сыграли большую роль в формировании общественно-политического климата в стране, где все больше начали говорить о необходимости создания мощного антинатовского блока¹⁶⁹.

В этот блок, по представлению российских политиков и политологов, должна была входить, в том числе, и ИРИ — государство, которому не меньше, чем России, угрожало усиление западных структур, прежде всего НАТО. В этих условиях возможность создания российско-иранского военно-политического альянса стала идеей довольно привлекательной для определенных политических и иных кругов России.

А вот ряду ученых, профессионально занимающихся Ираном, эта идея казалась весьма сомнительной и опасной. Так,

* В частной беседе бывший высокопоставленный иранский дипломат, который принимал непосредственное участие в переговорах с Е.М. Примаковым, сказал: «Примаков был редким из русских, с кем можно было договориться и знать, что договоренности имеют большой шанс быть реализованными».

российский иранист В.И. Сажин в 1997 году писал: «Трудно усомниться в том, что по методам и приемам осуществления государственной власти политический строй ИРИ представляет собой идеологизированный тоталитарный режим, маскируемый атрибутами исламской справедливости и народовластия, как в свое время тоталитарная советская власть маскировалась макиажем пролетарской, классовой справедливости и народовластия. Может быть, поэтому, почувствовав сущностную близость двух режимов – бывшего СССР и нынешнего Ирана, – националистические, «патриотические» и коммунистические партии и движения России выступают за создание мощного противовеса НАТО – своеобразного военно-политического альянса России с тоталитарными режимами»¹⁷⁰.

Как явствует из статьи В.И. Сагина, не все российские иранисты разделяли взгляд на ИРИ как на потенциального союзника России.

По-иному думали некоторые российские политики, в том числе и лидеры крупных думских фракций. Лидер ЛДПР В.В. Жириновский в своей брошюре, посвященной российско-иранским отношениям, демонстрирует иное видение перспектив российско-иранского взаимодействия. Так, в плане экономическом лидер ЛДПР считает, что пример иранского реформирования стал гораздо более удачным, нежели российский. В этом смысле задачей России, по мнению В.В. Жириновского, является перенять лучшую часть опыта иранского политико-экономического реформирования¹⁷¹. В плане политическом В.В. Жириновский предлагает создать региональный стратегический треугольник с участием России, Индии и Ирана: «При условии включения Ирана в стратегический треугольник, Россия сразу же могла бы решить многие свои проблемы. Во-первых, Иран, выполняя в новом стратегическом треугольнике роль южного полюса, позволил бы России реализовать свою давнюю мечту выхода к теплым морям / .../. Во-вторых, опора нового блока на Иран позволит вывести этот регион из-под прямого или косвенного контроля Запада. В-третьих, ось Москва-Тегеран снимет большинство противоречий между русофильством и исламом¹⁷², сделав из них однородную геополитическую тенденцию, ориентированную одновременно и на Москву, и на Тегеран / .../. Главной заботой для России в исламском мире должно быть стратегическое партнерство с Ираном»¹⁷³.

По поводу существа российско-иранских взаимоотношений в России на экспертном и политическом уровнях высказывались и высказываются следующие соображения¹⁷⁴:

1. Ожидалось, что после распада Советского Союза Иран будет стараться активно насаждать лояльные себе исламские режимы на территории бывшего Советского Союза. Однако стало очевидным, что Тегеран не поддерживает никаких крайних радикальных движений в странах СНГ.

2. Исламский Иран весьма умеренно реагирует на военные действия в Чечне.

3. Для России важно не только продолжение добрососедских отношений с Ираном, но и превращение их в фактор стабильности на стратегически важном направлении к югу от своих границ.

4. Высказываемый иногда в США довод о том, что курс Ирана, обладающего огромными запасами нефти, на развитие атомной энергетики – лишь ширма для подготовки к переходу на военную ядерную программу, некорректен: сами США имеют не меньше запасов нефти, но активно развивают атомную энергетику.

5. Внешнеторговый оборот США с Ираном существенно превышает российский в основном благодаря закупкам нефти через посредников и европейские и ближневосточные филиалы американских компаний¹⁷⁵.

6. В то время как для США Иран представляется самой «демонизированной» страной Азии, политический режим Тегерана не менее демократичен, чем режим многих других стран – союзниц США. Для России же Иран – ближайший сосед, с которым давно сложились традиционные отношения, крупнейшая держава региона, ворота в Азию и т.д.

Российско-иранские отношения в начале 90-х гг. были сопряжены с определенными проблемами, обусловленными отношением двух стран к региональным конфликтам на постсоветском пространстве.

Речь идет, в частности, о позициях двух стран по Таджикистану. Не будем подробно останавливаться на политике ИРИ и РФ по Таджикистану, укажем только, что ИРИ и РФ во внутритаджикском конфликте поддерживали две разные противоборствующие силы, тем самым это противоборство на каком-то этапе могло перерасти из внутритаджикского в межгосударственное, российско-иранское. Однако трезвость ума как в России, так и

в ИРИ все же возобладала над эмоциями, и позиции двух стран склонились в сторону нахождения компромиссного решения.

Сегодня с полной уверенностью можно констатировать факт, что мир в Таджикистане был установлен в результате совместных усилий Москвы и Тегерана.

Еще одной проблемой российско-иранских отношений могла стать начавшаяся антитеррористическая операция федеральных сил в Чечне в 1999 году. Ее начало пришлось на период председательства ИРИ в Организации Исламская Конференция (ОИК), что потребовало от ИРИ соответствующей реакции на события в Чечне.

С осуждением политики России выступил духовный лидер ИРИ Али Хаменеи – фигура намного более влиятельная, нежели тогдашний президент ИРИ Мохаммад Хатами. Однако иранское руководство, безусловно, осознавало всю важность сохранения достигнутого уровня российско-иранских отношений, и это привело к смягчению официальной позиции ИРИ. Иран в ноябре 1999 года обратился к руководству России с просьбой принять делегацию ОИК для ознакомления с положением на Северном Кавказе. 6–7 декабря 1999 года делегация, возглавляемая министром иностранных дел ИРИ К. Харрази, посетила Москву, Дагестан, Северную Осетию и Ингушетию. В январе 2000 года в Москве побывала вторая делегация ОИК. В 2000 году по инициативе российского президента в ИРИ отправилась делегация депутатов-мусульман Государственной Думы России, которая встретила и с Хаменеи, и с Хатами¹⁷⁶.

Российская делегация старалась убедить иранскую сторону в соблюдении прав мусульман как в России вообще, так и в Чечне, в частности.

В 2000 году президент ИРИ Мохаммад Хатами объявил, что ИРИ считает конфликт в Чечне внутренним делом России¹⁷⁷.

Как отмечает М.Р. Арунова, официальная позиция Ирана в связи с ситуацией на Северном Кавказе в целом включает следующие основные элементы:

1. события на Северном Кавказе являются внутренним делом России;
2. Иран уважает территориальную целостность России;
3. иранские представители неизменно подтверждают свое принципиальное неприятие терроризма во всех его проявлениях;
4. Иран обеспокоен жертвами мирного населения, выступает против углубления кризиса на Северном Кавказе, расшире-

ния его географических рамок, за скорейшее политическое урегулирование ситуации, восстановление мира и спокойствия¹⁷⁸.

Спорным моментом в российско-иранских современных отношениях остается статус Каспия, в частности, принципы его раздела на национальные зоны. Данной проблематике посвящены многие статьи¹⁷⁹, однако остановимся на самой сути. В 2001 и 2002 гг. Азербайджан, Россия и Казахстан достигли договоренности об определении национальных секторов Каспия по так называемому принципу «срединной линии». Данный принцип исключительно невыгоден Ирану, которому перепадает наименьший кусок Каспийского дна, а большие, богатые нефтью и газом куски отходят Азербайджану. Проблема для Ирана не только экономическая, но и политическая. Богатому нефтью Ирану, в принципе, не так важны несколько пусть и объемных месторождений Каспия, в особенности с учетом практического отсутствия у Ирана современных технологий добычи нефти на морских шельфах. Однако освоение этих месторождений с азербайджанской стороны проводят западные, прежде всего английские и американские компании, которые, в конце концов, при благоприятном для них развитии ситуации, получают фактические концессии на эти месторождения со всеми вытекающими из этого политическими последствиями.

А именно: в свете всемирной угрозы международного терроризма, в свете «агрессивного» настроения исламского режима в Иране, в свете войны в Ираке и нестабильности на Южном Кавказе американские военные базы (часто используется термин «мобильные группы») окажутся не только вдоль строящегося нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан», но и в районах, переданных западным компаниям под эксплуатацию нефтяных месторождений. А это потенциальная угроза для Ирана. Именно поэтому подписание российско-азербайджанского соглашения, регламентирующего порядок раздела российского и азербайджанского секторов Каспия, не могло не вызвать возмущения Ирана¹⁸⁰.

Но все же, несмотря на имеющиеся разногласия между сторонами по вопросам таджикского конфликта, войны в Чечне и статуса Каспия, общие интересы в регионе Южного Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока, заключающиеся прежде всего в сохранении мира и стабильности и недопущении появления контроля над этими регионами со стороны США, подтолкнули две страны к большему сближению.

В начале 1997 года (именно в этом году в результате усилий Ирана и России было подписано перемирие между борющимися в Таджикистане двумя лагерями) министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков и министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти в принятом ими совместном заявлении признали военное присутствие США в Персидском заливе «совершенно недопустимым»¹⁸¹.

Заявление это, в свете непоколебимо уверенного положения США в регионе, носило по преимуществу декларативный характер, и декларировало оно в первую очередь настрой ИРИ и России координировать свои подходы по важнейшим региональным вопросам.

В целом с середины 1990-х гг., в особенности после отставки Козырева, в России начали серьезно относиться к развитию российско-иранских межгосударственных отношений, которые после подписания российско-иранских контрактов о сотрудничестве в области ядерной энергетики оказались в центре внимания не только двух стран, но и всего западного мира.

Избрание В.В. Путина президентом РФ внесло свои изменения во внешнеполитический курс РФ, придав ему прагматический, многовекторный характер. В иранском восприятии курс нового российского президента ознаменовал возвращение России в геополитику¹⁸². Это «возвращение» одновременно и повлекло за собой улучшение отношений с Ираном, но и реально очертило ракурс этих отношений.

Знаковым событием в развитии российско-иранских отношений можно считать официальный визит президента ИРИ Мохаммада Хатами в Москву в марте 2001 года. Договоренность о визите была достигнута во время встречи президентов РФ и ИРИ в рамках «Саммита тысячелетия» в сентябре 2000 года в Нью-Йорке. Визит Хатами в Москву состоялся 12–15 марта 2001 года. На встречах президентов двух стран было подтверждено, что взаимное сотрудничество ИРИ и России в экономической, политической, торговой, культурной и иных областях отвечает национальным интересам обеих стран, а также способствует установлению мира и спокойствия в регионе. Иран и Россия обсудили вопросы развития двустороннего сотрудничества, прежде всего в области авиастроения, энергетики, нефтяной и газовой промышленности. Существует точка зрения, согласно которой М. Хатами во время визита в Москву договорился о поставках в ИРИ современного российского вооружения

на общую сумму около 7 млрд. долларов США¹⁸³. Однако никаких соглашений с Россией по этому поводу подписано не было.

Визит Хатами в Москву был достаточно удачным, свидетельством чему может быть оценка этого визита Е.М. Примаковым, назвавшим его «самым большим событием в истории отношений между Москвой и Тегераном»¹⁸⁴. Сегодня российско-иранские отношения развиваются именно в том русле, которое было заложено визитом иранского президента в Россию.

Визит президента России в Иран изначально был запланирован на 2004 год, однако несколько раз был отложен в свете нерешенных проблем, касающихся возврата отработанного ядерного топлива с Бушерской АЭС в Россию, а также осложнения ситуации вокруг Ирана и его ядерной программы. Все это в некоторой степени отрицательно повлияло на информационное сопровождение отношений между ИРИ и Россией. Однако встреча В.В. Путина и Махмуда Ахмадинежада в Шанхае в июне 2006 года определенным образом заполнила пробел, возникший в результате перерыва в общении на высшем уровне. Встреча в Шанхае в июне 2006 года по многим причинам является симптоматичной. К вопросам, затронутым во время переговоров, мы обратимся в последнем параграфе книги, посвященном перспективам развития российско-иранских отношений.

Итак, обобщая параграф, можно сказать, что современные российско-иранские отношения, несмотря на значительные проблемы, которые имелись на протяжении последних десятилетий, развивались более в позитивном, нежели в негативном направлении. С 1989 года эти отношения развиваются в основном в позитивном русле, что обусловлено высоким уровнем взаимной заинтересованности сторон. Именно общий характер межгосударственных российско-иранских отношений и лег в основу сотрудничества двух стран в ядерной области.

Участие России в реализации ядерной программы Ирана

Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ИРИ, подписанная в 1989 году М.С. Горбачевым и Али Акбаром Хашеми-

Рафсанджани, заложила основы развития двусторонних – сначала советско-иранских, потом и российско-иранских – отношений. Это соглашение, помимо прочего, предполагало сотрудничество двух стран в области атомной энергетики. Оно гласило: «Учитывая обоюдное стремление Сторон к использованию атомной энергии в мирных целях в различных областях, в том числе в области исследований, технологии и использования атомной энергии, Стороны договорились поручить компетентной советской организации и Организации атомной энергии Ирана провести переговоры по вопросу об осуществлении указанного сотрудничества и подготовке соответствующего соглашения и других документов».

По всей вероятности, переговоры о подготовке соответствующего контракта между Россией и ИРИ на строительство АЭС в Иране начались примерно в 1991 году¹⁸⁵.

В августе 1992 года между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией было подписано соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях», устанавливающее общие принципы сотрудничества двух стран в сфере мирного использования ядерной энергии, констатирующее, что «ядерные и неядерные материалы и оборудование, произведенные на их основе или с их помощью:

- не используются для производства ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также для каких-либо военных целей;

- находятся под гарантиями МАГАТЭ в течение всего периода их практического использования;

- обеспечиваются мерами физической защиты на уровне не ниже, чем рекомендации МАГАТЭ»¹⁸⁶.

Соглашением о сотрудничестве по мирному использованию атомной энергии предусматривались, среди прочего, следующие области такого сотрудничества: проектирование, строительство и эксплуатация ядерных исследовательских и энергетических реакторов; промышленное производство компонентов и материалов, необходимых для использования в ядерных реакторах и их топливных циклах исследования; проектирование и обучение¹⁸⁷.

В последующие годы получили реализацию два направления сотрудничества, зафиксированные в Соглашении: строительство и эксплуатация энергетических реакторов и обучение иранского персонала.

Строительство энергетических реакторов

Главное внимание сторонами уделялось строительству ядерных энергетических реакторов. России строительство АЭС в Иране сулило большие деньги, Иран же, теоретически, считал строительство АЭС задачей первостепенной важности по экономическим соображениям.

С самого начала переговоров о строительстве Россией АЭС в ИРИ иранцы, несмотря на наличие незавершенных работ на Бушерской АЭС, настаивали на строительстве новой атомной станции на севере страны. Такое желание ИРИ, скорее всего, было вызвано тем, что Бушерская АЭС находится на открытой местности на юге страны, в районе Персидского залива, что значительно увеличивает ее уязвимость для вражеских атак. Свидетельством такой уязвимости были бомбардировки Бушерской АЭС иракской авиацией во время ирано-иракской войны¹⁸⁸.

Однако два года геологоразведочных работ, проведенных российскими и иранскими специалистами, а также изучение документации, ранее подготовленной германскими и американскими специалистами, показали, что сейсмичность на севере Ирана составляет 9 баллов по шкале Рихтера. Российские же реакторы (в том числе и ВВЭР-1000) были рассчитаны на 8 баллов, и поэтому для строительства на севере потребовалась бы серьезная модификация конструкции реакторов и вспомогательного оборудования, на что должны были быть потрачены многие годы и довольно большие средства.

Поскольку иранцы настаивали на северном варианте строительства АЭС, было потеряно два года, прежде чем был достигнут консенсус о месте строительства АЭС¹⁸⁹.

Положения контракта на завершение начатого немцами строительства первого энергоблока АЭС в Бушере были согласованы в конце сентября 1994 года, в результате чего 5 января 1995 года в Тегеране были подписаны:

1. *Контракт на завершение строительства первого энергоблока АЭС в Бушере, подписанный представителями Зарубежатоэнергостроя и ОАЭИ.*

2. *Протокол переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии профессором В. Н. Михайловым и вице-президентом ИРИ, президентом ОАЭИ Р. Амроллахи*¹⁹⁰.

По контракту Россия получила заказ на достройку АЭС в Бушере и установку российского реактора ВВЭР-1000 мощно-

стью 1000 МВт. Фактически речь шла не о достройке, а о строительстве нового ядерного объекта, поскольку, как мы уже отмечали, во время ирано-иракской войны комплекс Бушерской АЭС несколько раз подвергся бомбардировке со стороны иракской авиации. К тому же после Исламской революции иранские власти не обеспечивали достаточный уход за недостроенным зданием АЭС.

Согласившись с предложением иранской стороны о достройке АЭС в Бушере, Минатом России еще в 1993 году, учитывая, что Бушер начали строить германские специалисты, обратился к Министерству торговли ФРГ с предложением о сотрудничестве в проведении такого строительства. Получив отказ германской стороны от участия в сооружении АЭС в Бушере, Россия приступила к разработке двустороннего российско-иранского контракта на строительство.

Стоимость строительства только первого ядерного энергетического блока Бушерской АЭС оценивалась предположительно* от 800 млн. до 1 млрд. долларов США. Предполагалось, что в будущем Россия сможет поставить в Иран еще три реактора. Один – в 1000 МВт, и два – по 440 МВт каждый¹⁹¹. Экономическая выгода проекта «Бушер» для России, помимо значительной финансовой прибыли, заключается еще и в том, что в реализации проекта участвуют 300 российских предприятий, контракт сохранил 20 000 рабочих мест на фактически бездействующих российских предприятиях и учреждениях¹⁹².

При поставке еще трех реакторов сумма контракта значительно увеличилась бы: по некоторым западным источникам, – до 8 млрд. долларов (что, конечно, завышено). По оценкам бывшего руководителя Минатома В.Н. Михайлова, сумма могла достичь 3–3,5 млрд. долларов¹⁹³.

Российско-иранский контракт, вступивший в силу 12 января 1996 года, предполагал, что российская сторона завершит строительство первого реактора АЭС в Бушере за 55 месяцев.

По первоначальной договоренности Украина должна была выступить субподрядчиком проекта и поставить на Бушерскую АЭС турбины. В начале февраля 1998 года власти США объявили, что приостановят предоставление в качестве помощи Украине ядерной технологии и топлива, если не будут отменены ее планы поставки в Бушер турбинного оборудования. Аме-

риканцы пообещали украинским компаниям, что окажут им помощь в нахождении других деловых компенсирующих предложений и заказов на Западе в ответ на отказ Украины принимать далее участие в реализации Бушерского проекта¹⁹⁴.

Российская сторона, лишившись своего субподрядчика, решила поставлять в Бушер турбины своего производства, изготовленные на «Ленинградском металлургическом заводе».

24 августа 1995 года между российской и иранской сторонами было достигнуто соглашение о поставках российского ядерного топлива для иранской АЭС в Бушере в период 2001–2011 гг. на сумму 30 миллионов американских долларов в год¹⁹⁵.

Однако ядерное топливо вплоть до сегодняшнего дня в Иран так и не поступило, что вначале было вызвано двумя обстоятельствами: отказом Ирана подписать протокол о возврате отработанного ядерного топлива обратно в Россию и задержкой в завершении строительства самой АЭС. Первая причина будет проанализирована нами в последней главе работы, посвященной проблемам российско-иранского сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии, а пока укажем на причины задержки достройки Бушерской АЭС.

Напомним, что российская сторона на момент подписания соглашения о строительстве Бушерской АЭС обязалась сдать первый энергоблок через 55 месяцев после начала строительства. Россией – в оправдание неготовности объекта к назначенному сроку – приводится несколько причин:

– Задержка в работе была вызвана тем, что необходимая документация на 80 тыс. единиц оборудования и элементов конструкций, поставленных немецкой фирмой *Siemens* в конце 1970-х гг. и пролежавших на складе более 20 лет, частично отсутствовала. Обследование немецкого оборудования затянулось на несколько лет, в итоге же только 47 тысяч единиц оборудования были признаны годными¹⁹⁶.

– Другой проблемой для генерального подрядчика на строительство Бушерской АЭС ВПО «Зарубежатомэнергострой» стал поиск кредитов на оплату оборудования, произведенного российскими предприятиями, так как выданный иранской стороной аванс в размере 60 млн. долларов был недостаточен для оплаты оборудования, изготовленного российскими субподрядчиками.

– Третьей причиной задержки стало то, что российская сторона переоценила возможности иранских строителей, обя-

* Текст контракта представляет коммерческую тайну.

занных, согласно протоколу переговоров 1995 года, выполнить часть строительных и монтажных работ, которые, однако, выполнены не были¹⁹⁷.

Следует также учитывать, что достройка АЭС, после того как предшествующий этап был произведен другими подрядчиками из другой страны, – задача не из легких. По завершении работ на Бушерской АЭС эта станция «станет первой в мире, строительство которой было начато одной страной, а закончено другой»¹⁹⁸. Иранская сторона неоднократно обвиняла Россию в том, что задержка завершения работ на Бушерской АЭС носит политический характер, так как российская сторона использует «иранскую проблему» для получения соответствующих политических и экономических уступок со стороны США¹⁹⁹. Безусловно, правильный вывод о том, почему работы затянулись на такой долгий срок, могут сделать в первую очередь соответствующие специалисты, работающие или посетившие Бушерскую АЭС. В то же время кажется сомнительным, что Россия исключительно «торгуется» с США.

Между тем нельзя исключать, что задержки в работах по достройке АЭС вызваны желанием Москвы довести до конца строительство станции (что означает начало поставок ядерного топлива) только после хотя бы временного урегулирования иранской ядерной проблемы. Возможный выход Ирана из ДНЯО, к чему в Иране призывают некоторые ученые и эксперты, имеющие непосредственные связи с иранскими властями, может сделать Россию заложницей своих обязательств по соглашению о достройке станции и соглашению по поставкам ядерного топлива. По всей видимости, выход Ирана из ДНЯО приведет к серьезным международным санкциям, которые, как показал корейский опыт, не только отражаются на состоянии экономики в стране, но и окончательно «закрывают» страну для внешнего мира, в том числе и для организаций, осуществляющих контроль над чувствительными сферами народного хозяйства. В таких условиях российский уран, в том числе и в отработанном в АЭС состоянии, может с большой долей свободы использоваться иранской стороной в целях развития военной части ядерной программы. Отказ России продолжить достройку АЭС в Бушере, о чем российская сторона заявила в марте 2007 года, в период серьезнейшего кризиса вокруг Ирана, отчасти говорит в пользу такой версии. К данному вопросу мы обратимся чуть ниже, а касательно периода с конца 1990-х

до 2004–2005 гг. можно сказать, что задержки в работах могли быть вызваны чисто правовыми обстоятельствами.

Как представляется, несогласованные вопросы по проблеме возврата ОЯТ обратно в Россию также могли повлиять на задержку завершающих работ на Бушерской АЭС. Укажем, что протокол о возврате был подписан Минатомом и ОАЭИ в феврале 2005 года, однако задержки в подписании обусловили возникновение определенных трудностей в российско-иранских отношениях.

Обучение иранских национальных кадров

США, критикуя российско-иранский контракт, особое внимание уделяли тому, что Россия взяла на себя обязательство помочь иранцам в подготовке национальных кадров для работы на Бушерской АЭС.

Последнее всегда вызывало достаточно острую критику со стороны США, несмотря на то, что во время правления иранского шаха сами США наравне с европейскими странами взяли на себя обязательство подготовить высококвалифицированных иранских специалистов в западных вузах и центрах.

В соответствии с российско-иранским соглашением «Об использовании атомной энергии в мирных целях» от 25 августа 1992 года в России ежегодно должны проходить подготовку в области ядерной физики до 100 граждан ИРИ.

Россия свою помощь Ирану в подготовке специалистов объясняет сотрудничеством в рамках Бушерского контракта, указывая, что «трудно представить страну, которая, начиная эксплуатировать атомную станцию, сама не готовит специалистов для обслуживания АЭС»²⁰⁰.

С мая 1999 года началась подготовка иранских специалистов-ядерщиков в Нововоронежском учебно-тренировочном центре. В программу подготовки входят индивидуальные и групповые занятия, а также лекции по теории. В Нововоронежском учебном центре иранские стажеры получают более 50 специальностей: от генерального директора АЭС до помощника оператора. За последние четыре года в Нововоронежском учебно-тренировочном центре уже прошли обучение 707 человек²⁰¹.

Иранцы в течение ряда лет проходили стажировку на Калининской и Балаковской атомных электростанциях. Кадры для работы в области ядерной энергетики Ирана готовились, в том числе, и в Обнинском институте атомной энергетики. На сего-

дняшний день не совсем ясно, продолжается ли обучение иранских специалистов в данных центрах. Во время ответов на вопросы журналистов и участников международного форума по безопасности, проходившего 10–11 февраля в Мюнхене, президент России В.В. Путин касательно подготовки иранских кадров в российских вузах и центрах заявил: «У нас обучали специалистов в институтах и так далее. И мы по просьбе, по информации наших американских партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко»²⁰². Касается ли данное заявление исключительно сферы технологий двойного назначения, либо всей атомной сферы – непонятно. Очевидно, однако, что непосредственно в таких сферах, как обогащение урана, работы со вторичной обработкой ОЯТ, строительство реакторов, работающих на тяжелой воде, в России обучение иранских специалистов не ведется.

Следует также отметить, что масштабы помощи России Ирану в обучении национальных кадров не превышают масштабы соответствующей помощи, которую оказывали США и другие западные страны шахскому Ирану с 1960-х гг. вплоть до 1979 года²⁰³. Подготовка таких кадров не нарушает ни ДНЯО, ни другие международно-правовые обязательства России.

Российско-иранское соглашение о первом энергоблоке АЭС «Бушер» полностью отвечало требованиям ДНЯО и системы гарантий МАГАТЭ²⁰⁴. Специалисты Минатома досконально проработали этот вопрос, в том числе и в связи с тем, что иранская ядерная программа и сотрудничество ИРИ с иностранными государствами в ядерной сфере находились под пристальным вниманием мирового сообщества, в первую очередь США и Израиля.

Российская сторона два года не подписывала никаких документов – до тех пор, пока Иран не заключил соглашение с МАГАТЭ о всеобъемлющем контроле над всеми атомными объектами в стране.

Никаких претензий к России быть не могло, так как, согласно утверждениям российских руководителей, «Иран – исправный член МАГАТЭ, он допускает все комиссии этого агентства для обследования всех точек у себя, никаких ограничений и препятствий нет, и сегодня эксперты МАГАТЭ никакой военной направленности в его программе не обнаружили»²⁰⁵.

Доводы российской стороны были весьма весомыми, так как инициированная в 1993 году США проверка предприятий

ИРИ инспекцией МАГАТЭ, проводившей аналогичную проверку в 1992 году, установила, что политика Ирана в области ядерных технологий полностью соответствует Договору о нераспространении ядерного оружия, и подтвердила данные предыдущей инспекции²⁰⁶.

О данных инспекциях МАГАТЭ высокопоставленный чиновник МАГАТЭ Дэвид Фишер писал: «Оба раза (в 1992 и 1993 – С.С.) были осмотрены по три объекта, заявленные Ираном, и по три объекта, вызвавшие озабоченность МАГАТЭ (вероятно, на основании информации, полученной от ЦРУ). Оба раза инспекторы МАГАТЭ не обнаружили ничего, – равным счетом ничего, что бы вызвало хоть малейшие подозрения в нарушении Ираном его обязательств в рамках ДНЯО или гарантий МАГАТЭ. Я, в частности, получил подробную информацию о результатах второй инспекции от участвовавшего в ней сотрудника Французского агентства по контролю за ядерной деятельностью. Знаю его как специалиста высокого класса, убежден: он знает, о чем говорит»²⁰⁷.

В качестве одного из доводов российская сторона приводила также тот факт, что технология реактора, который Россия собиралась поставить в Бушер, мало чем отличалась от технологии реактора, который Соединенные Штаты собирались поставить в Северную Корею в рамках договоренностей, достигнутых между США и КНДР в 1994 году²⁰⁸.

Отметим, что МАГАТЭ инспектировало иранские ядерные объекты также и во второй половине 1990-х гг., когда работы российских специалистов над не законченным немцами первым блоком АЭС в Бушере были уже начаты. В этот период инспектированию подвергались в первую очередь новые ядерные объекты Ирана, которые, хотим отметить особо, строились без российского участия.

Так, в июле 1997 года Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс посетил два новых иранских ядерных исследовательских центра. В Бонабе его ознакомили с применением радиоактивных изотопов для сохранения пищевых продуктов; в Рамсере – с исследовательскими работами по естественной радиоактивности выше среднего уровня. После этого визита МАГАТЭ сделало заявление о том, что на обоих объектах не было обнаружено какой-либо незаявленной или скрытой ядерной деятельности²⁰⁹.

Анализ российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики, как отмечает ведущий российский спе-

циалист В.Е. Новиков, позволяет сделать вывод, что в настоящее время реализуются только те проекты, которые не имеют целью производство «критичной» ядерной продукции. Ни технология обогащения урана, ни технология регенерации плутония, ни технология создания реактора-производителя Россией иранской стороне не передаются²¹⁰, хотя попытки передачи все же имели место (подробнее об этом будет сказано в следующем параграфе).

Итак, российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере перешло в интенсивную фазу в 1995 году. К взаимно позитивным факторам этого сотрудничества следует отнести следующие:

1. российско-иранский контракт на завершение строительства первого блока АЭС в Бушере полностью соответствовал международным нормам МАГАТЭ;

2. к моменту подписания контракта инспекции МАГАТЭ признали, что ядерная программа ИРИ носит мирный характер;

3. сотрудничество в ядерной области выгодно и Ирану и России.

Однако сотрудничество России и Ирана в области ядерной энергетики имело и имеет также некоторые особенности, как-то:

1. несогласованная политика различных российских ведомств по отношению к Ирану на протяжении 1990-х гг.;

2. российско-иранское сотрудничество стало предметом международного обсуждения, отразилось на российско-американских и российско-израильских отношениях;

3. российско-иранское сотрудничество в целом сопровождалось определенным недопониманием по ряду вопросов, которые на каком-то этапе переросли в проблемы и угрозы дальнейшему развитию российско-иранских отношений.

Политика российских ведомств по вопросу сотрудничества с ИРИ. Кто за что отвечал?

Из подписанных 5 января 1995 года в Тегеране документов наиболее острой критике на Западе подвергся Протокол переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии профессором В.Н.Михайловым и вице-президентом ИРИ, президентом ОАЭИ Резой Амроллахи, точнее его следующие положения:

1. совместно построить в Иране реакторы малой мощности (менее 1 МВт) для подготовки иранских специалистов (российская сторона в 6-месячный срок обязалась передать иранской стороне технико-экономическое предложение по этому вопросу);

2. максимально использовать иранский персонал на совместно создаваемых объектах, особенно на работах по завершению строительства первого блока АЭС в Бушере;

3. осуществлять последующие поставки топлива для первого блока АЭС в Бушере на условиях и по ценам, соответствующим мировым;

4. не реже одного раза в год проводить встречи руководящих работников Минатома России и ОАЭИ для осуществления оперативного контроля за ходом сотрудничества, особенно за работами, связанными с сооружением первого блока Бушерской АЭС²¹¹.

К тому же стороны договорились и поручили своим компетентным организациям подготовить и подписать²¹²:

- в течение трех месяцев – контракт на поставку из России легководного реактора для исследовательских целей мощностью 30–50 МВт²¹³;

- в течение первого квартала 1995 года – контракт на поставку из России 2000 тонн природного урана²¹⁴;

- в течение первого квартала 1995 года – контракт на подготовку для Ирана научных кадров в учебных заведениях России (МИФИ), ежегодно 10–20 человек²¹⁵;

- в шестимесячный срок – контракт на сооружение в Иране урановой шахты, после чего провести переговоры по подписанию контракта на строительство центрифужного завода по обогащению урана на условиях, аналогичных условиям контрактов, заключенных российскими организациями с фирмами третьих стран²¹⁶.

Согласно ДНЯО и другим международно-правовым обязательствам, страны-участницы договора имеют право на оказание помощи другой стране-участнице по вышеназванным направлениям (кроме поставок центрифуг), однако по большей части ядерные державы стараются такую помощь не предоставлять.

Подписанный протокол вызвал критику и поднял определенные вопросы не только в США и Израиле. Его подписание вызвало в самой России вопросы по поводу того, кто же определяет приоритетность и возможность сотрудничества России

с той или иной страной в такой чувствительной области, как атомная энергетика.

Во время российско-американского Саммита в верхах в Москве в мае 1995 года США подняли вопрос о подписанном Минатомом и ОАЭИ протоколе, заявив, что его реализация может помочь ИРИ в разработке ядерного оружия. Неожиданно во время переговоров президентов США и РФ оказалось, что Министерство иностранных дел и Министерство обороны России не были знакомы с текстом подписанного протокола, и поднятие вопроса о поставках российских технологий двойного назначения в Иран во время российско-американского Саммита в верхах в Москве в 1995 году удивило руководителей данных ведомств. Не в курсе дела оказалась также и администрация президента Б.Н. Ельцина.

Именно в контексте обсуждения в верхах проблемы подписанного Россией и Ираном протокола о намерениях проявились несогласованность и взаимоисключающие позиции различных российских ведомств по поводу допустимых пределов российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере. В данном вопросе у МИД РФ и Минатома были совершенно разные точки зрения. Встал вопрос в том, кто должен быть основным разработчиком документов, подписываемых РФ и ИРИ.

О том, что в составлении российско-иранского контракта на строительство АЭС в Бушере, а также протокола о намерениях определяющую роль играл Минатом, а не МИД РФ и Министерство обороны, говорили не только западные эксперты, но и российские дипломаты.

Так, в журнале МИД РФ «Международная жизнь» № 7 от 1995 года говорится: «...Вызывает беспокойство, что первую скрипку в решении вопроса о контракте с Ираном играет российский Минатом, в то время как Министерство обороны и МИД выступают, похоже, на вторых ролях. Как «вдруг выяснилось» в ходе переговоров президентов Клинтона и Ельцина в Москве, российско-иранский контракт (на завершение строительства первого блока АЭС в Бушере – С. С.) содержал, оказывается, и военную часть, а именно: дополнительный протокол, предусматривающий продажу Тегерану газовой центрифуги / .../. В случае экспорта центрифуги Россия нарушила бы действующие в рамках Лондонской группы поставщиков ядерных материалов жесткие ограничения на экспорт оборудования для производства оружейных расщепляющихся материалов. Если о

существовании данного протокола действительно ничего не было известно, как утверждалось, ни МИД, ни Минобороны, то, видимо, есть смысл задуматься над тем, кто же осуществляет функции координатора деятельности различных ведомств, вовлеченных в процесс разработки и проведения внешней и оборонной политики государства»²¹⁷.

Такие вопросы возникали не только у авторов вышепротитированной статьи, но и у Соединенных Штатов Америки, которые получили лишний повод для критики российско-иранского сотрудничества. Галиа Голан пишет, что о подписании протокола о поставках в Иран центрифужного оборудования не было известно не только российским министерствам обороны и иностранных дел, но и администрации президента, самому президенту Ельцину и председателю правительства В.С. Черномырдину²¹⁸.

Руководитель Минатома по вопросу подписанных им с ИРИ документов высказал довольно интересную точку зрения. В своем интервью журналу «Природа» он говорит: «*Со стороны России соглашения готовились тремя ведомствами: Министерством иностранных дел, Министерством внешних экономических связей и Минатомом. От имени Правительства Российской Федерации ответственным за выполнение обоих соглашений был назначен Минатом. Иными словами, на наше министерство возложены функции исполнительного органа, каковым, собственно, и является любое министерство*»²¹⁹.

Следует напомнить, что критике подверглось не столько само соглашение, а подписанный Михайловым и Амроллахи Дополнительный протокол, где и были оговорены те стороны сотрудничества, которые вызвали такую острую критику как со стороны американцев, так и со стороны ряда российских специалистов и дипломатов.

Далее корреспондент «Природы» задает Михайлову такой вопрос: «*Правительственные соглашения обычно носят достаточно общий характер. Полагаю, кроме них существуют и другие документы, подписанные представителями России и Ирана?*» Министр отвечает: «*Конечно. Существуют протоколы и уже конкретные контракты. А как же иначе? По каждому переговорам составляется протокол, в котором фиксируется, о чем говорили, к чему пришли, но это "Протоколы переговоров"*»²²⁰.

Михайлов подробно не останавливается на «Протоколах», но как явствует из ответа на первый вопрос корреспондента,

переговоры по ним он мыслит исключительно в комулентии своего ведомства, на которое и были «возложены функции исполнительного органа».

Укажем, что по итогам Саммита 1995 года Б.Н. Ельцин заявил, что вопросы, касающиеся военной части российско-иранского ядерного сотрудничества, возможности создания ядерного оружейного топлива, центрифуги, строительства шахт, решили исключить²²¹. Отметим, что если бы не соответствующая реакция со стороны США – в данном случае имевшая положительные для России последствия – Минатом имел все шансы реализовать достигнутые с иранцами соглашения о поставках в эту страну центрифужного оборудования.

На Западе написано много об «отрицательной роли» первого министра по атомной энергетике В.Н. Михайлова в развитии российско-иранских отношений в тех высокотехнологичных областях, которые могли иметь военные компоненты.

Голан в своей книге, посвященной российско-иранским отношениям, неоднократно намекает на то, что Михайлов кроме того, что нарушал действующее в России законодательство по экспортному контролю, был к тому же человеком националистичным, недолюбливал Запад. Однако такой подход изначально неправильный, так как не учитывает особенностей – политических и экономических – России 1990-х гг.

Сама Голан указывает на то трудное положение, в котором оказалось атомное министерство России, а также на то, что благодаря иранскому контракту Минатом России получил возможность функционировать без озабоченности по поводу того, что завтра сотрудники и специалисты отрасли не получат зарплату²²².

На наш взгляд, именно стремление помочь атомной отрасли России выжить в трудных экономических условиях стало одной из основных мотиваций министра Михайлова в деле развития отношений с Ираном даже в тех областях, которые могли бы привести к созданию в ИРИ научно-технической базы, необходимой для разработки ядерного оружия. Такая политика могла бы быть обозначена корректным термином «защита корпоративных интересов», если бы не относилась к сфере ядерного распространения.

Мотив зарабатывания денег для выживания играл в деятельности Минатома серьезную роль, так как каждый пятый рубль, полученный работником отрасли, был «экспортным»²²³.

К тому же надо учитывать и тот факт, что порой кажущаяся агрессивной политика Минатома по тем или иным вопросам вызвана была тем, что сами США и другие западные страны на мировом ядерном рынке действуют не менее агрессивно, прибегают к недобросовестной конкуренции, в результате которой российский Минатом теряет множество выгодных контрактов.

Когда в 1998 году В.Н. Михайлов был снят с должности министра по атомной энергетике России, именно фактор российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики рядом газет, в том числе и «Комсомольской правдой», был назван одной из причин увольнения российского министра²²⁴. «Комсомольская правда», безусловно, не официоз. Однако то, что подобного рода информация появилась в открытой печати, может говорить об одном из двух:

1. отставка, действительно, имела место из-за чрезмерно независимой от Кремля активности Михайлова в оказании помощи Ирану;

2. вопрос сотрудничества с Ираном, «иранский след» стал всего лишь удобным поводом для отставки Михайлова и декларировался во властных кулуарах в качестве причины этой отставки.

Михайлова на посту руководителя Минатома сменил Е.Адамов, который, впрочем, также проявил чрезмерную заинтересованность российско-иранским сотрудничеством в ядерной области. Именно при нем США начали интенсивно вводить санкции против российских компаний, заподозренных в сотрудничестве с Ираном в высокотехнологических областях. По мнению американских авторов, Е. Адамова на тесное сотрудничество с иранцами толкали по большей части корпоративные интересы²²⁵. До того как стать министром, он работал директором Научно-технического и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ) – гражданского ядерного института, который был серьезно заинтересован в оказании помощи Ирану по ядерным проектам²²⁶.

Политика, проводимая руководителями Минатома В. Михайловым и Е. Адамовым, была следствием и показателем многих изъянов российской федеральной системы управления, в том числе отсутствия централизации, что являлось результатом чрезмерной децентрализации власти после распада СССР. Наличие таких изъянов могло привести не только к проблемам для России, но и к довольно печальным внешнеполи-

тическим последствиям, заключающимся, в частности, в приобретении ИРИ технологий, необходимых для создания ядерного оружия.

Противоречивыми были не только позиции различных российских ведомств по вопросу ядерного сотрудничества с Ираном, но также и оценки российских экспертов о целесообразности российско-иранского сотрудничества в данной области.

Примечательно, что после того, как Россия в 1995 году отказалась от центрифужной сделки с Ираном, ряд российских экспертов продолжал выступать за поставки соответствующего российского оборудования в Иран. Так в июле 1995 года в журнале «Ядерный контроль»²²⁷, была опубликована статья, в которой, в частности, говорилось: «Продажа Ирану устаревшего российского центрифужного обогатительного завода выглядит на сегодняшний день вполне возможной: производственное оборудование II и даже III поколения для нашей собственной промышленности уже безнадежно устарело, но по хорошей советской традиции не уничтожено и хранится на «черный день», вынуждая, кстати, заводы платить кругленькие суммы за мобилизационные фонды. И опыт такой продажи, можно сказать, перед глазами – наши центрифуги, отправившиеся всего пару лет назад в Китай. Но вот дело-то тут в том, что Китай и без нашей помощи имеет обогатительные предприятия и художественно способен обеспечить себя топливом для АЭС, а вот Иран такой возможности не имеет»²²⁸.

Авторы данной статьи отчасти правы, однако они не указывают, что у Китая есть не только свое обогатительное оборудование – у Китая есть и свое собственное, созданное несколько десятилетий назад ядерное оружие, и Китай вряд ли надеялся использовать российское газоцентрифужное оборудование для создания ядерного оружия во второй раз. Однако даже если Китай это оборудование и использовал в военных целях, то он никаких международных правовых норм не нарушил, так как подписал ДНЯО как обладающая ядерным оружием держава. Так что проводимое сравнение между Китаем и Ираном очевидно неуместно.

Далее в этой же статье говорится и о стремлении Ирана наладить на своей территории добычу урана: «А вот добычу урановой руды на шахте в Йезде, может быть, следовало бы помочь иранцам развернуть, и даже построить там завод по производству рудного концентрата»²²⁹.

Фактически, авторы статьи предлагали помочь Ирану в создании ключевых звеньев ядерного топливного цикла, что является одним из необходимых условий для производства ядерного оружия.

Речь в различных дискуссиях на эту тему шла не только о тех направлениях сотрудничества, которые были оговорены в Дополнительном протоколе, подписанном Минатомом и ОАЭИ, – критике иногда подвергался и сам контракт на завершение строительства первого блока АЭС в Бушере, соответствующий всем нормам международного права и никоим образом не нарушающий ДНЯО.

Показательно, что порой противоречивость в отношении к Ирану и к его ядерной программе проявлялась в оценках и заявлениях одного и того же учреждения. Это касается и такой серьезной организации, как СВР РФ. В своем докладе «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения» в 1993 году СВР писала: «В Иране имеется программа военно-прикладных исследований в ядерной области. Иранское руководство создало аналогичную иракской и пакистанской системе закупок в обход КОКОМ технологий «двойного назначения» за рубежом. Многих специалистов настораживают заявления иранского руководства о скором превращении страны в ядерную державу и сведения о нарастающем импорте Ираном материалов двойного назначения»²³⁰.

В 1995 году в открытом докладе «Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления» СВР касательно ядерной программы Ирана пишет: «Убедительных признаков наличия в стране скоординированной целостной военной ядерной программы к настоящему времени не обнаружено. Современное состояние промышленного потенциала таково, что без помощи извне ИРИ не способна организовать производство оружейных ядерных материалов. Иран ратифицировал ДНЯО в 1970 году, а с февраля 1992 года представил МАГАТЭ возможность инспектировать любые свои ядерные объекты. Ни одна инспекция МАГАТЭ не выявила нарушений Тегераном Договора о нераспространении ядерного оружия /.../. Обвинения в отношении Ирана зачастую базируются на явно непроверенной информации /.../. Уровень достижений ИРИ в ядерной области не превышает аналогичного показателя для еще 20–25 стран мира»²³¹.

Приведем пример несогласованных позиций МИД и МО РФ: достаточно удачный визит министра иностранных дел России Е.М. Примакова в Иран в 1996 году сопровождался заявлением министра обороны Российской Федерации Игоря Родионова о том, что «Иран – потенциальная военная угроза для России»²³².

Как видим, разброс во мнениях по поводу ядерной программы Ирана, российско-иранского сотрудничества в ядерной и других областях был велик, а одна из особенностей России 1990-х гг. заключалась в том, что этот разброс имел место не только в экспертном сообществе, где его наличие в принципе должно приветствоваться, но и среди высшего российского руководства.

Последнее обстоятельство нанесло сильнейший удар по интересам и престижу России, явившись показателем развала федеральной системы государственного управления.

Безусловно, избрание В.В. Путина внесло свои изменения в политическую жизнь страны, которые, в плане российско-иранского сотрудничества, проявились прежде всего в том, что это сотрудничество начало непосредственно курироваться президентом и Министерством иностранных дел. За Минатомом, реформированным в 2004 году в Федеральное агентство по ядерной энергетике, остались лишь ограниченные функции.

9 августа 2004 года в Кремле президент России В.В. Путин провел совещание по вопросам ядерной энергетике. «В ходе проводящейся административной реформы и совместной деятельности правительства было принято решение, что атомную энергетiku, касающуюся ядерного оборонного комплекса, будет напрямую курировать Министерство обороны, – заявил Владимир Путин. – Это чрезвычайно важная тема, которая будет находиться под пристальным вниманием президента страны»²³³, – подчеркнул он.

Так как происходящие изменения в Российской Федерации носят системный, точнее, системообразующий характер, централизация власти и четкое разграничение полномочий различных ведомств по выполняемой ими работе получили свое закрепление также и в правовой форме. Это коснулось и такой чувствительной сферы, как ядерная энергетика.

Решение о том, что атомную энергетiku, касающуюся ядерного оборонного комплекса, будет курировать Минобороны, ознаменовало создание юридической основы для того, что-

бы действующий экспортный контроль в стране приобрел более совершенную форму, а также исключило возможность даже при очень сильной заинтересованности руководителей Минатома/ФААЭ (как было в случаях с Михайловым и Адамовым) единоличного принятия решений о продаже за рубеж технологий, могущих послужить средством для создания ОМП.

Изменилось также и финансовое положение атомного ведомства России. Вызвано это определенными причинами:

– В отличие от периода середины 1990-х гг. Росатом с 2000–2001 гг. начал более успешно действовать на международном ядерном рынке, что обеспечило отрасли заказы в так называемых «непроблемных» странах. Речь идет об участии российской стороны в достройке и строительстве ядерных объектов в таких странах, как Болгария, Чехия и Индия. В некоторых случаях, как, например, в Болгарии, Росатом начал выступать в партнерстве с ведущими западными компаниями, что является результатом объективного процесса транснационализации строительства АЭС.

– Между тем сама Российская Федерация объявила о стремлении увеличить долю ядерной энергетики в стране до 20–25%. А это означает: в России в течение ближайших лет быстрыми темпами будут строиться новые АЭС, что обеспечит Росатому стабильный доход. Именно с учетом данного обстоятельства глава Росатома России Сергей Кириенко 25 апреля 2007 года заявил, что Россия умирот свои амбиции в отношении зарубежных проектов в области атомной энергетике, сосредоточившись на российских проектах. «Мы начинаем уже рожу воротить от зарубежных контрактов»²³⁴, – сказал Кириенко.

– Российская инициатива по созданию международных центров по обогащению урана, поддержанная также руководством МАГАТЭ, может сделать Россию лидером в сфере производства ядерного топлива, что увеличит финансовые потоки в атомную отрасль.

Все вышеотмеченное говорит о том, что резко уменьшилась зависимость финансового положения Росатома от контрактов типа Бушерского. А это в свою очередь объективно уменьшает заинтересованность атомного ведомства в сотрудничестве с Ираном или с любой другой страной, которое может принести ведомству в данном случае уже не столь значительные, но вместе с тем и достаточно рискованные доходы.

Обобщая вторую главу в целом и ее последний параграф, в частности, можно сделать ряд важных выводов.

Российско-иранские политические отношения на протяжении последних 25 лет складывались совсем не просто. Однако наметившееся с середины 1980-х гг. потепление в отношениях сторон уже в конце 1980-х гг. вылилось в реальное улучшение межгосударственных отношений, следствием чего и явилось подписание соответствующих соглашений о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях.

Участие России в реализации ядерных проектов на территории Ирана, включающее строительство ядерных энергетических реакторов, полностью опирается на принципы международного права, не нарушает действующий международный режим нераспространения ядерного оружия. Более того, во многом масштабы российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики уступают масштабам ядерного сотрудничества шахского Ирана и США на протяжении 1960–1970-х гг.

В политике России по отношению к Ирану и его ядерной программе на протяжении 1990-х гг. имела место несогласованность позиций различных российских ведомств. Некоторые ведомства, в первую очередь Минатом России, стремились к налаживанию отношений с Ираном в сферах, могущих иметь военное назначение и применение. Эта несогласованность объяснялась децентрализацией системы государственной власти в России, а также бедственным положением российской атомной отрасли, находящейся в положении постоянного недофинансирования со стороны государства.

Вместе с тем улучшение социально-экономического положения в России, появление государственных заказов на строительство АЭС непосредственно на российской территории и для российской энергетики уменьшили особую заинтересованность Росатома и самой Российской Федерации в сохранении любой ценой высокого уровня сотрудничества с Ираном в ядерной сфере, что определенным образом «развязывает руки» российской стороны для ведения более активной международной политики вокруг Ирана и нераспространения ядерного оружия.

Глава 3. **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ** **РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА** **В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ**

Влияние американского и израильского факторов на развитие российско-иранских отношений в ядерной сфере

Ведущие западные специалисты по международной безопасности Роберт Айнхорн и Гарри Сеймур указывают на то, что «усилия США по нейтрализации ядерных амбиций Ирана стали основным фокусом американской политики нераспространения на протяжении десятилетий»²³⁵.

Вне этого «фокуса» фактически остается Пакистан, который в 1998 году вслед за Индией провел испытание своего ядерного оружия, окончательно нуклеаризовав регион Южной Азии, названный в свое время бывшим президентом США Биллом Клинтоном «самым опасным местом на земле»²³⁶. В 2005 году из «фокуса» американского внимания начала постепенно, но последовательно, выходить также и Индия, отношения с которой у США стали развиваться особенно интенсивно, в том числе и в ядерной сфере.

О селекционном подходе США к проблеме распространения ОМП пишет и авторитетный американский ученый, автор известной фундаментальной работы «Бомба Индии» Джордж Перкович. Комментируя политику республиканской администрации США по вопросам нераспространения, он замечает: «С точки зрения радикально настроенных членов администрации, таких как Роберт Джозеф (старший советник Совета национальной безопасности, отвечающий за борьбу с распространением), Дуглас Фейт (заместитель министра обороны), Джон Болтон (заместитель госсекретаря) и Стивен Камбон (главный помощник заместителя министра обороны), проблему представляет собой не само ядерное оружие, а обладающие им "плохие парни"»²³⁷.

Именно поэтому сегодня критике не подвергаются ядерные программы Пакистана (который не только испытал свое ядерное оружие, но и не смог обеспечить контроль над утечкой чувствительных технологий) и Израиля. Более того, саму политику по ядерной программе Ирана США разрабатывают с учетом интересов другого нарушителя международного режима нераспространения – Израиля.

Иранская ядерная программа стала неотъемлемой частью российско-американских отношений. По словам старшего советника Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ Е.К. Зведре, «иранский вопрос превратился в призму, через которую американское руководство рассматривает практически весь комплекс российско-американских отношений, прежде всего сотрудничество в высокотехнологических областях»²³⁸.

По мнению западных, прежде всего американских и израильских политиков, достигнутые Ираном договоренности с Россией о сотрудничестве в области ядерной энергетики должны были ускорить процесс обретения Ираном ядерного оружия. Как отмечает Е.К. Зведре, американские и израильские политики объясняют это следующим²³⁹:

1. российский реактор может использоваться для наработки оружейного плутония²⁴⁰;
2. технологии и оборудование по обогащению урана будут использоваться иранской стороной в военных целях;
3. сотрудничество с Ираном в области атомной энергетики даст возможность Ирану получить опыт работы с ядерными материалами, что будет способствовать развитию военной ядерной программы²⁴¹.

В 1995 году Россия отказалась от поставок в Иран технологий и оборудования, необходимых для создания в стране инфраструктуры обогащения урана. Однако и США, и Израиль возмущал сам факт сотрудничества России с Ираном в ядерной сфере.

В 1995 году глава Агентства по контролю над вооружением и разоружению в администрации Клинтона Джон Холлом заявил, что США будут настаивать на том, чтобы Россия отказалась от планов предоставления ядерных реакторов Ирану. Обещание России, что будет обеспечена безопасность ввоза ядерного топлива и вывоза ОЯТ, не вселяет в американское правительство уверенности в том, что оно будет выполнено²⁴². Во время посещения Москвы в 1995 году министр обороны

США У. Перри в резкой форме потребовал отказаться от контракта с Ираном. Госсекретарь США У. Кристофер, выступая в Вашингтоне, заявил: «То, как Россия ведет себя в отношении этого (контракт на строительство «Бушер-1») и других вопросов, безусловно, скажется на ее членстве в международных институтах». И еще: «Россия будет глубоко сожалеть о том дне, когда было принято решение о ее сотрудничестве с террористическим государством»²⁴³.

По утверждению американского специалиста Роберта Айхорна, США являются противниками строительства Россией АЭС в Бушере не потому, что Бушерский реактор, находящийся под контролем МАГАТЭ, сам по себе представляет угрозу, а потому, что Бушерский проект призван стать прикрытием полномасштабного сотрудничества Ирана с российскими предприятиями в области военной ядерной программы²⁴⁴.

Во время очередного слушания в Сенате США сенатор Г.Смит выразил удивление по поводу «слепоты России», которая не понимает, что иранцы строят Бушерскую АЭС исключительно для создания ядерного оружия²⁴⁵.

В мае 1995 года правительство Соединенных Штатов заявило, что оно во время российско-американского саммита убедило российское руководство отказаться от сделки, связанной со строительством в Иране центрифужного завода. Примечательно, что США стремились к прекращению российско-иранского сотрудничества также и в военно-технической сфере.

По итогам переговоров во время российско-американского саммита 1995 года Россия согласилась представить американской стороне всю информацию (в списках) о поставках в Иран вооружений, а также оружия, доставка которого в Иран планировалась²⁴⁶. Далее в рамках секретного соглашения «Гор-Черномырдин» российская сторона обязалась не передавать иранской стороне каких-либо технологий двойного назначения.

По данным, опубликованным «Независимой газетой», потери России от соглашения «Гор-Черномырдин» составили несколько миллиардов долларов: «Только измеряемая в денежном эквиваленте часть оценивается экспертами на сумму около четырех миллиардов долларов, из которых 2 миллиарда – потери вследствие срыва уже заключенных с Тегераном контрактов и еще 2 миллиарда – по контрактам, находившимся в стадии проработки и свернутым вследствие договоренности Гор-Черномырдин»²⁴⁷.

Выход России из соглашения «Гор-Черномырдин» в 2000 году вызвал острую критику со стороны США, которая на каком-то этапе переросла в угрозу введения санкций против российских компаний и России как государства в целом. Такую угрозу высказал, например, официальный представитель Государственного департамента США Р.Баучер 28 ноября 2000 года. Он, в частности, сказал: «Мы ясно заявили российскому руководству, что не оставим без последствий отказ Москвы от подобных обязательств и что определенные поставки вооружений могут привести к санкциям»²⁴⁸.

6 апреля 1998 года глава Минатома Е.О. Адамов сообщил, что его Министерство собирается поставить в Иран исследовательский реактор, работающий на уране со степенью обогащения 20%, что не нарушает установленные МАГАТЭ нормы. К тому же он неожиданно заявил, что договоренность о продаже Ирану исследовательского реактора была достигнута еще в 1996 году, просто проходила стадию согласования между двумя сторонами²⁴⁹.

Комментируя такое решение, Адамов сказал: «Я не хотел бы, чтобы через 15 лет начавшийся сегодня пребыванием американских спортсменов в Иране флирт²⁵⁰ на политическом уровне закончился тем, что США, например, поставили туда (в Иран) исследовательский реактор с 90-процентным обогащением. То есть четко с тем же самым топливом, которое используется и для оружия»²⁵¹.

В мае 1998 года в Россию приехал вице-президент Ирана, президент ОАЭИ Реза Агазаде. В ходе этого визита Адамов дополнительно разъяснил цели возможной поставки исследовательского реактора: «Я не понимаю, как страна может приступить к эксплуатации такого сложного объекта, как АЭС, без исследовательской базы. В нашем соглашении с Ираном такого рода работа предусмотрена»²⁵².

Но под давлением со стороны США Россия отказалась от планов поставки в Иран исследовательского реактора.

1998–1999 гг. оказались пиковыми с точки зрения американского давления на Россию по вопросу ядерно-ракетного сотрудничества с Ираном. Только за 1998 год сразу на 10 российских предприятий и учреждений²⁵³ американским руководством были наложены санкции за содействие попыткам некоторых стран развивать ОМП и средства его доставки²⁵⁴.

В 1999 году еще против трех российских организаций, подозреваемых в поставках Ирану, были введены санкции.

Среди этих организаций оказались Московский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева (РХТУ) и Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ), крупнейшее научно-исследовательское учреждение, возглавляемое ранее, как уже отмечалось, руководителем Минатома Е.О. Адамовым²⁵⁵.

Российское руководство отреагировало на введение санкций довольно жестко. В частности, премьер-министр Евгений Примаков сказал, что «грубая сила и введение санкций против наших организаций контрпродуктивны для российско-американских отношений, которым мы придаем большое значение / .../, такие действия могут только осложнить российско-американские отношения»²⁵⁶.

В официальном заявлении представителя МИД РФ по поводу введения санкций в отношении трех российских организаций говорилось: «Предпринятые администрацией США шаги находятся в явном противоречии с достигнутыми между президентами наших двух стран в сентябре 1998 года договоренностями о развитии двустороннего сотрудничества в области нераспространения и в том числе экспортного контроля /.../. Для российской стороны абсолютно неприемлемы любые попытки разговаривать с нами языком санкций и нажима. Нынешние действия США могут лишь осложнить российско-американские отношения. Они, естественно, не будут оставлены без ответа. Мы намерены вывести этот вопрос на самый высокий политический уровень уже во время предстоящего визита в Москву госсекретаря США Мадлен Олбрайт»²⁵⁷.

В стороне не осталась ФСБ РФ, в компетенции которой находится осуществление оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению и пресечению незаконного экспорта технологий, научно-технической информации и услуг двойного применения, используемых при создании оружия массового поражения и средств его доставки, вооружений и военной техники. ФСБ заявила, что на трех российских предприятиях, обвиненных американской стороной в нелегальном сотрудничестве с Ираном в области ракетно-ядерных технологий, «проведены соответствующие проверочные мероприятия. В результате тщательной работы установлено, что нарушений требований международных режимов экспортного контроля за нераспространением оружия массового поражения и ракетных средств его доставки со стороны данных организаций не имеется. Ре-

шение о санкциях в отношении вышеуказанных предприятий, по мнению ФСБ, свидетельствует о предвзятом отношении американской стороны к сотрудничеству государственных организаций России с зарубежными странами, включая Исламскую Республику Иран»²⁵⁸.

20 января 1999 года Государственная Дума РФ приняла заявление «О введении Соединенными Штатами Америки санкций в отношении ряда российских научных центров и высших учебных заведений», в котором, в частности, указывалось, что «Государственная Дума заявляет о своем категорическом несогласии с попытками Соединенных Штатов Америки использовать тему нераспространения оружия массового поражения в качестве средства оказания политического давления на отдельные государства и произвольного ограничения международных экономических и научных связей. Неспособность Вашингтона нормализовать отношения с Ираном и рядом других государств не может служить основанием для свертывания дружественных отношений России с этими государствами. Крайнее сожаление вызывает и то, что американская сторона пытается превратить российско-американское сотрудничество в области высоких технологий в предмет конъюнктурных политических спекуляций. /.../ Государственная Дума обращается к президенту Российской Федерации и правительству Российской Федерации с предложением разработать и реализовать меры по противодействию шагам Соединенных Штатов Америки, наносящим ущерб Российской Федерации»²⁵⁹.

2 апреля 1999 года Государственный департамент США объявил о введении новых санкций еще против трех российских учреждений за сотрудничество уже с Сирией. Введение новых санкций совпало с началом военных действий США и их союзников по НАТО против Югославии, вызвавших глубокое возмущение российского руководства и общества. Соответственно, реакция МИД РФ была более жесткой, чем в январе того же года. В специальном заявлении МИД РФ говорилось: «Новые санкции США против российских компаний, которые незаконны с точки зрения международного права, наносят очередной урон российско-американским отношениям, уже осложненным военными действиями США против суверенной Югославии. Администрация США предприняла новую попытку подменить международное право своим собственным законодательством и в очередной раз продемонстрировала пренебре-

жение международными нормами и принципами поведения. Российская сторона заявляет свой протест в отношении очередной антироссийской акции администрации США. Мы оставляем за собой право на адекватные ответные меры»²⁶⁰.

В дальнейшем, как отмечает А. Хлопков, высокопоставленные представители Минатома признали, что НИКИЭТ и РХТУ сотрудничали с ОАЭИ. В частности, НИКИЭТ заключил с ОАЭИ контракт на проведение экспертизы проекта по производству тяжелой воды²⁶¹.

В апреле 2000 года госдепартаментом США были сняты санкции с НПЦ «ИНОР» и НПА «Полюс». Санкции в отношении НИКИЭТ и РХТУ были оставлены в силе²⁶².

О том, что НИКИЭТ был замешан в незаконном сотрудничестве с иранской стороной говорит также и тот факт, что в РФ было возбуждено и расследовалось уголовное дело по статье 189 УК РФ по подозрению в незаконном экспорте должностными лицами НИКИЭТа в Иран в 1996–1997 гг. научно-технической информации, которая может быть использована при создании оружия массового поражения. Однако после того как Е.О. Адамов оставил пост руководителя Минатома, 21 июля 2001 года было принято решение о прекращении уголовного дела²⁶³.

В течение последних нескольких лет некоторыми американскими политиками и экспертами высказывается мнение, что США не должны давить на Россию по Бушерскому проекту, а должны убедить ее в сворачивании российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики после окончания строительства первого блока Бушерской АЭС. Эта позиция в аналитической литературе получила наименование «Bushier only» («только Бушер»).

Так, авторитетный американский ученый Грехем Аллисон считает, что США должны принять позицию России по завершению подписанного с Ираном контракта на осуществление строительства первого блока АЭС в Бушере, а потом, фактически компенсируя возможные потери России, предложить РФ новые проекты по сотрудничеству в ядерной сфере²⁶⁴. Однако Россия неоднократно заявляла, что готова продолжить сотрудничество с Ираном в строительстве на территории последнего новых блоков АЭС, так что в будущем Россия вряд ли откажется от выгодных проектов в Иране, если, конечно, Иран продолжит, пусть и с определенными проблемами, сотрудничать с МАГАТЭ.

Российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере является также и чувствительной проблемой российско-израильских отношений. Позиция Израиля по данному вопросу в свою очередь влияет на позицию США. Высокопоставленный сотрудник МАГАТЭ Дэвид Фишер на страницах российского журнала «Ядерный контроль» выступает с рекомендациями в адрес России по поводу ее сотрудничества с Ираном в ядерной сфере. В частности, он пишет: «России не стоит обращать внимание на попытки давления со стороны США. Эти попытки объясняются политическими причинами. Одна из них – давление на Администрацию Клинтона мощного израильского лобби. Многие в Израиле убеждены, что после уничтожения ядерных объектов в Ираке главным реальным врагом Израиля становится именно Иран. Поэтому израильское лобби в Вашингтоне запустило грандиозную пропагандистскую машину, работающую против иранской сделки»²⁶⁵.

Позиция США по вопросу российско-иранской ядерной сделки во многом обуславливается позицией Израиля по ядерной программе Ирана и по Ирану в целом. Израильский фактор в российско-американских отношениях в свете ядерной и ракетной программ Ирана чрезвычайно велик.

В.А. Орлов в своей статье, посвященной позиции Израиля в вопросах нераспространения, приводит цитату из беседы с одним из высокопоставленных израильских чиновников, во время которой последний выстраивает хронологию израильско-американо-российского диалога по поводу ракетных программ Ирана²⁶⁶. Данная цитата содержит подробное описание процесса выработки санкций 1998 года, введенных США против российских учреждений: «Мы впервые засекли утечки ракетной техники из России в конце 1996 года. Сообщили американцам. Американцы нам в ответ: да о чем вы говорите, мы ничего не заметили / .../. Обмен информацией занял несколько месяцев. А каждый упущенный месяц стоил дорого, мы дальнейших затяжек со стороны администрации (Клинтона) допустить не могли и где-то к началу лета 1997 года по своим каналам довели тревожившую нас и для нас неоспоримую информацию до Конгресса (США). Там началось движение. В июне (того же года) в Колорадо Ельцин и Клинтон договорились назначить двух ответственных переговорщиков по Ирану / .../. В июле нас попросили (администрация Клинтона) не давить на Конгресс. Мы продолжили контакты с администрацией, но

сдвигов не происходило /.../ Мы не были уверены в одном: знает ли об утечках технологий российское руководство. Нетаньяху поговорил с Ельциным. Ельцин все отрицал, сказал: покажите факты. Уже была осень 1997 года, а Соединенные Штаты /.../ не хотели давить на Россию. / .../ Мы в Израиле приняли решение действовать более энергично /.../. Мы продолжили работать и с администрацией Клинтона, и с Конгрессом / .../»²⁶⁷.

Приведенная выше цитата достаточно подробно отражает ту роль, которую Израиль играл и, думается, продолжает играть в определении позиции США по вопросу российско-иранского сотрудничества в ракетно-ядерной сфере. Следует также отметить, что Израиль считал и считает Россию основным партнером ИРИ в реализации иранской программы создания ОМП и средств его доставки. На данный момент критика России за ее сотрудничество с Ираном со стороны Израиля ничуть не убавилась.

Процитированная выше статья Орлова, являясь обзорной по итогам конференции, посвященной вопросам международной безопасности и прошедшей в Израиле в июне 1998 года, содержит также информацию о позиции израильского руководства по вопросу российско-иранского сотрудничества в «чувствительных» сферах.

В частности, премьер-министр Израиля Нетаньяху заявил участникам конференции буквально следующее: «Что мне нравилось в коммунистическом Советском Союзе, так это только две вещи: *во-первых*, что он дал нам (Израилю) миллион талантливых людей (бежавших из СССР), и, *во-вторых*, что там умели хорошо защищать свое оружие массового поражения от несанкционированного доступа ... Если вы (Россия) хотите достичь реформ, то прекратите производить ракеты ... Мы стараемся убедить Россию прекратить направлять поток (ракетных) технологий в Иран / .../, именно Россия является основным источником распространения (критических) технологий»²⁶⁸. Другой высокопоставленный израильский деятель – Генеральный директор министерства обороны Израиля И. Биран – сказал: «Мы не должны недооценивать российское участие в иранских (ракетных) программах: мы знаем, о чем говорим ... Кто-то говорит, будто российское правительство не знает, будто это только инициатива предприятий; я вам скажу: российское правительство все знает, каждую деталь! Оно знает и о

том, что российская помощь Ирану по созданию двигателей ракет / .../ ускоряет иранскую программу создания новой ракеты»²⁶⁹.

Как сообщает Орлов, присутствовавший при данном разговоре руководитель военной разведки Израиля добавил к вышесказанному: «Да, Ельцин в курсе, знает каждую деталь сотрудничества с Ираном. Знает и Примаков. Мы надеялись бы на перемену в российской позиции в отношении ракетного сотрудничества с Ираном, потому что для нас со стороны Ирана исходит отнюдь не виртуальная угроза»²⁷⁰.

О тождественности и взаимодополняемости позиций Израиля и США по ядерной программе Ирана пишут и высокопоставленные американские дипломаты. С этой точки зрения примечательна концептуальная статья советника президента США по национальной безопасности, а ныне государственного секретаря Кондаллизы Райс, опубликованная в начале 2000 года в престижном «Foreign Affairs». Намечая контуры будущей политики республиканцев в отношении Ирана, Райс говорит буквально следующее: «Иран представляет из себя определенную проблему в регионе Ближнего Востока – центрального для интересов США и нашего ключевого союзника Израиля. Иранские вооружения все больше и больше напрямую угрожают Израилю / .../. В конечном счете, изменения политики США в отношении Ирана потребуют изменения поведения Ирана»²⁷¹. Как видим, Райс, рассматривая будущую политику США в отношении Ирана, эту политику обуславливает, в том числе, и израильским фактором.

Политика республиканской администрации показала, что К. Райс имела в виду именно ужесточение американской политики по отношению к ИРИ, которое после переизбрания Буша на второй срок перешло в угрозу применения силы против Ирана.

То, что вопрос обеспечения безопасности Израиля будет иметь важнейшее значение в стратегии республиканской администрации США во главе с Дж. Бушем-младшим, пришедшим к власти в 2000 году, было очевидно.

А.А. Кокошин указывает на одно интересное обстоятельство: «Значительная часть еврейской общины, традиционно ориентировавшейся преимущественно на демократическую партию, стала в большей мере ориентироваться на республиканцев, активно участвуя в формировании внешней и военной политики новой администрации, пришедшей к власти после президентских выборов 2000 г.»²⁷².

Так что независимо от смены администраций в США подход к нынешнему иранскому режиму уже predetermined. И эта predeterminedность накладывает свой отпечаток не только на российско-американские, но и на российско-иранские отношения, так как последние на протяжении минувших 15 лет отчасти развивались с учетом интересов и хода первых.

Ряд видных деятелей в США считает, что Россию можно экономически заинтересовать в прекращении сотрудничества с Ираном. В частности, влиятельный американский политик-республиканец Ричард Перл полагает, что если США хотят решить вопрос сотрудничества России с Ираном, то «в Москву надо посылать не дипломата. Надо послать банкира, чтобы он обсудил этот вопрос»²⁷³. Сам Перл в 2002 году предлагал списать России долги бывшего Советского Союза, если Москва откажется от сотрудничества с Ираном²⁷⁴.

В контексте вышесказанного следовало бы также упомянуть интервью президента РФ В.В. Путина немецкой телекомпании «АРД», во время которого, отвечая на вопрос о российско-иранском военно-техническом сотрудничестве, он заявил: «Да, мы продаем оружие другим странам. Вы знаете, на каком мы месте по объемам продаж? По-моему, на четвертом или на пятом. Нас далеко обгоняют и Соединенные Штаты, и Великобритания, некоторые другие страны. Мы на четвертом месте. Рынок вооружений достаточно ограниченный. Если есть предложения у наших западных партнеров компенсировать нам убытки от возможных потерь, связанных с прекращением нашей деятельности в сфере военно-технического сотрудничества, мы можем рассмотреть»²⁷⁵.

Понятно, что у США нет возможности компенсировать потерю тех прибылей, которые Россия получает в результате своего сотрудничества с Ираном в военно-технической и ядерной сферах²⁷⁶. В том же интервью, затронув вопрос сотрудничества в ядерной области, В.В. Путин отметил: «Что касается сотрудничества в атомной сфере с Ираном, ведь там речь идет о сотрудничестве в области атомной энергетики, о строительстве атомных электростанций и так далее. То же самое один в один планируют делать наши американские и некоторые другие западные партнеры в Северной Корее, которую они тоже называют «страной-изгоем». Почему всем там можно работать, а России с теми же самыми технологиями в Иране нельзя? Мы рассматриваем это как политическое обоснование недобросовестной конкуренции»²⁷⁷.

Укажем, что иранский вопрос поднимался почти на каждой встрече В.В. Путина и Дж. Буша и во время каждого интервью, которое давал В.В. Путин американским СМИ. Эти интервью представляют особую важность для понимания нынешней официальной позиции России по ядерной программе Ирана, которая по ряду причин лучше всего проявляется именно во время встреч российского и американского президентов, а также во время встреч российского президента с корреспондентами американских СМИ, которые чаще всего происходят накануне или после встреч в верхах. С этой точки зрения интерес представляет интервью В.В. Путина американской газете «New York Times» от 4 октября 2003 года, во время которого была подробно очерчена официальная позиция России по Ирану. Приведем выжимку из этого интервью.

«Вопрос: Вы верите Ирану, когда он заявляет, что у него нет программ по созданию ядерного оружия?

В.В. Путин: Вы знаете, я думаю, что в межгосударственных отношениях, тем более по проблемам и по вопросам такого уровня, мы вряд ли должны руководствоваться такими соображениями: веришь – не веришь. У нас нет оснований сомневаться в том, что нам говорит иранское руководство / .../. С точки зрения проблем нераспространения, у нас здесь с Соединенными Штатами полное понимание. И я даже смею утверждать, что по этому вопросу так же, как по вопросу борьбы с терроризмом, мы, на наш взгляд, можем являться не только партнерами, но и союзниками в полном смысле этого слова. Нам хочется только, чтобы были выработаны единые правила, единые и универсальные для всех. Мы постоянно слышим, что в Соединенных Штатах вводятся какие-то санкции в отношении тех или иных российских предприятий, которые подозревают в недозволенных экономических связях с Ираном. Но у нас есть информация о том, что в не менее чувствительных направлениях, а может быть, даже в более чувствительных и более опасных направлениях, с Ираном сотрудничают европейские и американские фирмы. Против них что-то я ни разу не слышал введения каких-то санкций. Почему? Мы готовы и мы хотим бороться с распространением оружия массового поражения. Мы выступаем за строгое соблюдение всех режимов нераспространения, за укрепление этих режимов, за выработку единых стандартов и единых правил поведения в этой сфере.

Москва же постоянно подчеркивала, что все ее отношения с Ираном, в том числе и в военной области, строятся на базе международных правовых норм, а ядерное сотрудничество находится под строгим контролем МАГАТЭ и не вызывает у этой авторитетной организации никаких нареканий.

Вопрос: Вот в этом контексте с учетом того обстоятельства, что вы ставите вопрос о возвращении отработанного топлива и постановку под контроль МАГАТЭ ядерных программ, Соединенные Штаты согласны с тем, что вы все-таки завершите свой проект в Бушере?

В.В. Путин: Мы не думаем, что мы обязаны спрашивать их разрешения, если считаем, что мы вправе действовать так, как считаем нужным, не нарушая взятых на себя обязательств в сфере нераспространения ядерного оружия. Мы взяли на себя определенные обязательства в ходе переговорных процессов по проблемам нераспространения и мы их соблюдаем. Но мы против использования этих "страшилок" распространения в конкурентной борьбе»²⁷⁸.

На основе данного интервью В.В. Путина можно обозначить основные, концептуальные подходы России по российско-иранскому сотрудничеству в ядерной сфере, которых придерживается в настоящее время российская сторона, в том числе и во время переговоров с США:

1. Россия в определении своего отношения к ядерной программе Ирана не будет исходить из догадок той или иной страны (прежде всего США) по поводу желания ИРИ создать ядерное оружие;

2. Россия в международной политике по нераспространению исключает возможность применения «двойных стандартов», является приверженцем выработки общих мер по нераспространению ядерного оружия;

3. Россия не будет «спрашивать разрешения» той или иной страны (прежде всего США) по поводу своего дальнейшего сотрудничества с Ираном в ядерной сфере.

Такой подход, который сформировался в течение первых лет президентства В.В. Путина, можно с определенными оговорками назвать официальной позицией России, интенсивно внедрявшейся в ту часть информационного пространства РФ, которая освещала важнейшие направления российской внешней политики. В реальности, конечно же, многое обстояло иначе, в особенности после того, как инспектора МАГАТЭ в конце

2003 обнаружили в Иране тайную программу обогащения урана. На официальную позицию России это не повлияло.

Позиция России по Ирану в переговорах с США, как показал российско-американский саммит в Братиславе в феврале 2005 года, после обнаружения иранской программы обогащения урана не изменилась. Во время переговоров Дж. Буш признал абсолютно оправданным подход России, заключающийся в том, что мирное развитие ядерной энергетики под контролем МАГАТЭ и при выполнении всех международных обязательств является абсолютно нормальным, что касается, в том числе, и российско-иранского сотрудничества^{279*}. На саммите большой восьмерки в Санкт-Петербурге летом 2006 г. иранский вопрос обсуждался уже без его привязки к проблеме российско-иранского сотрудничества. Это стало результатом реалий последних нескольких лет и даже дней, предшествующих началу работ саммита:

1. Иран без помощи России и не в результате сотрудничества с Россией в ядерной сфере начал полноценное обогащение урана. Это лишило американскую и иные другие стороны основного предметного повода критики российско-иранского контракта на достройку АЭС в Бушере с позиций нераспространения ядерного оружия;

2. американская критика российско-иранского сотрудничества стала более уязвимой после того, как США так и не обнаружили ОМП в Ираке;

3. Россия добилась признания законности своих ядерных контрактов с ИРИ;

4. Иран за несколько дней до начала саммита в Санкт-Петербурге, как отмечается рядом экспертов и политиков, инициировал начало ливано-израильского вооруженного конфликта, который имел среди прочего и следующие два значения: 1) открылся реальный фронт непосредственного вооруженного

противостояния между ИРИ и США/Израилем, 2) ливано-израильский конфликт показал необходимость более активного вовлечения России в процесс ближневосточного урегулирования с учетом определенных традиционно сильных позиций России в Сирии и Ливане. В этом контексте критика с технологической точки зрения уже совсем ничего не значащего (с учетом начала самостоятельного обогащения урана со стороны ИРИ) контракта на достройку АЭС в Бушере не представляла для США и тем более Израиля особой целесообразности.

Дальнейшие российско-американские встречи в верхах всегда включали в своей если не официальной, то в неофициальной повестке «иранский вопрос». Однако обсуждение этого вопроса проходило и продолжает проходить в терминах нераспространения ядерного оружия, хотя реалии, появившиеся с избранием Ахмадинежада президентом Ирана, дают о себе знать в эволюции «реальной политики» России в отношении Ирана и его ядерной программы. К этому вопросу мы специально обратимся в последней части нашего исследования.

Сейчас же, в части, которая касается «иранского вопроса» в российско-американских отношениях, отметим, что с юридической и политической стороны позиции России в переговорах с США особо усилились после того, как 27 февраля 2005 года ФААЭ и ОАЭИ после долгих согласований подписали соглашение о возврате в Россию ОЯТ с Бушерской АЭС. Этот вопрос наряду с некоторыми другими являлся на протяжении нескольких лет проблемным в российско-иранских отношениях.

Политические проблемы российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики

Между Россией и Ираном были и частично остаются определенные проблемы, связанные с выполнением межгосударственных и международных обязательств сторонами сотрудничества, в первую очередь Ираном. Наличие этих проблем может повлиять на дальнейшее политическое, торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество России и Ирана, а также, в свете сложившейся вокруг ядерной программы ИРИ международной ситуации, на само положение двух стран. Престижу России – единственного значимого партнера Ирана в реализации иранской ядерной программы – будет нанесен

* В тоне и содержании дальнейших заявлений президента России продолжают наличествовать подходы, выкристаллизованные в 2003–2004 гг. Следует отметить, что избрание Махмуда Ахмадинежада президентом Ирана в общих чертах не изменило российский подход, заключающийся в том, что «в нераспространении нет хороших и плохих парней». Иначе говоря, подход к отдельной стране и ее ядерной программе должен быть обусловлен исключительно соблюдением этой страной своих обязательств перед ДНЯО.

серьезный урон, если окажется, что Иран серьезно нарушал или нарушает международный режим нераспространения ядерного оружия.

Проблема возврата отработанного Бушерской АЭС ядерного топлива обратно в Россию до 2005 года оставалась самой серьезной проблемой российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере.

24 августа 1995 года между российской и иранской сторонами было достигнуто соглашение о поставках российского ядерного топлива для иранской АЭС в Бушере в период 2001–2011 гг.²⁸⁰ на сумму 30 миллионов американских долларов в год²⁸¹.

Во время переговоров с российской стороной США настаивали на вывозе ОЯТ из Ирана, так как теоретически в случае дальнейшей переработки оно может быть использовано для создания плутониевого ядерного боезаряда²⁸². Выделение плутония из ОЯТ – технически довольно сложный процесс. Сами США²⁸³ потратили на создание плутониевого ядерного боезаряда на основе ОЯТ многие годы. У ИРИ на сегодняшний день научно-технических и промышленных возможностей для выделения плутония из ОЯТ нет. Однако заявления иранских руководителей о необходимости создания на территории ИРИ замкнутого ядерного топливного цикла теоретически предполагает организацию соответствующих возможностей также и для переработки ОЯТ.

Примечательно, что в подписанном с ИРИ контракте о строительстве АЭС в Бушере не была детально прописана процедура возвращения ОЯТ, классифицирующегося в то время законодательством РФ как радиоактивные отходы, ввоз которых в Россию был запрещен законом²⁸⁴.

Советские соглашения о строительстве АЭС за рубежом предусматривали возврат такого топлива в СССР после его первоначальной выдержки около реакторной площадки²⁸⁵.

Вашингтон выражал опасение по поводу того, что даже если при первоначальной выдержке («остывании») топливо на площадке АЭС будет находиться под контролем МАГАТЭ, Иран все равно будет иметь возможность (если примет политическое решение нарушить свои обязательства по ДНЯО) быстро извлечь из топлива плутоний и перевести его в удобную для производства ядерного оружия форму²⁸⁶. Несмотря на довольно сложный технологический процесс, в Америке считали, что для иранцев не составит труда извлечь плутоний из отработанного на Бушерской АЭС ядерного топлива²⁸⁷.

С целью устранения законодательной «бреши» Государственная Дума РФ своим решением от 6 июня 2001 года разрешила ввоз ОЯТ в Россию²⁸⁸, тем самым легализовав, в том числе, и ввоз в Россию ОЯТ с Бушерской АЭС, строящейся в Иране.

Заместитель министра по атомной энергии России В. Лебедев 24 июня 2002 года заявил, что Россия будет вывозить ОЯТ с иранских атомных электростанций в Бушере для последующего его хранения в России. «Россия будет строго придерживаться принципов Международного агентства по атомной энергии, согласно которому ОЯТ должно возвращаться в страну, которая изначально это топливо поставляет²⁸⁹. В мае представители Минатома вновь подтвердили иранской стороне положение о возврате ОЯТ», – заявил Лебедев²⁹⁰.

Однако уже в начале 2003 года оказалось, что полной ясности в вопросе ОЯТ нет, в особенности после февральского заявления президента ИРИ М. Хатами, в котором, в частности, говорилось: «Если нам нужно вырабатывать электричество на наших атомных электростанциях, то нам нужно будет завершить весь цикл – от открытия урана до хранения остающегося отработанного топлива. Правительство готово завершить этот цикл»^{291*}.

Из заявления иранского президента, среди прочего, следовало, что Иран на самом деле стремился оставить ОЯТ на своей территории, что не соответствовало достигнутому с Россией договоренностям.

В заявлении М. Хатами содержится также тезис о необходимости налаживания добычи и обогащения урана в Иране, что стало предметом внимания со стороны мировой общественности и МАГАТЭ, начавших подозревать Иран в стремлении создать ядерное оружие.

В декабре 2003 года после долгих консультаций с руководством ОАЭИ руководитель Минатома А. Румянцев дал, как всем казалось, конкретную информацию о поставке в Иран ядерного топлива с последующим вывозом ОЯТ в Россию. Он, в частности, заявил: «Одна загрузка для экспериментального

* По всей вероятности, к началу 2003 года Иран уже имел документацию по обогащению урана, полученную от А.К. Хана. В отличие от Ливии, Иран смог за кратчайший срок на основе полученных пакистанских чертежей сконструировать и ввести в эксплуатацию ограниченное количество центрифуг, необходимых для обогащения урана.

пуска АЭС в Бушере составляет 500 кг ядерного топлива, а всего для эксплуатации АЭС потребуется 10 таких загрузок. Но это произойдет после подписания протокола о возврате отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере, который дополнит межправительственное соглашение о сотрудничестве России с Ираном в области атомной энергетики. В настоящее время протокол проходит экологическую экспертизу. После этого документ сразу же будет подписан. И тогда не останется никаких препятствий для поставок ядерного топлива из России для АЭС в Бушере»²⁹².

После экологической экспертизы оказалось, что все же проблемы есть, и весьма непростые. О них стало известно в феврале 2004 года. Планировалось, что протокол о возврате ОЯТ должен быть подписан именно в феврале 2004 года во время визита министра Румянцева в Тегеран. Из-за неготовности необходимых финансовых документов визит Румянцева был сдвинут на конец марта. Однако уже 29 февраля 2004 года Румянцев открыто заявил о «недопонимании» между иранской и российской сторонами, возникшем по поводу проблемы возврата ОЯТ в Россию. «Для Ирана, не обладающего собственными АЭС, стало сюрпризом то обстоятельство, что страны, отправляющие свое отработавшее топливо в другие государства для хранения и переработки, обязаны за это заплатить», — заявил Румянцев²⁹³.

Было бы наивно думать, что такое государство, как Иран, с его более чем 40-летней историей национальной ядерной программы, не имело представления о том, что за вывоз, переработку и захоронение ОЯТ на территории иностранного государства надо платить деньги, и, как уже выше было отмечено, деньги немалые. По вопросу возврата ОЯТ Ираном была инициирована целая серия консультаций с российской стороной, сопровождаемая иногда призывами ряда иранских руководителей и экспертов разорвать контракт с Россией.

22 марта 2004 года Румянцев (уже в ранге руководителя ФААЭ) заявил, что его визит в Иран, во время которого состоится подписание Протокола о возврате ОЯТ, произойдет в мае того же года. Кроме того, глава ФААЭ сказал, что «иранская сторона намерена в течение нескольких месяцев изучить мировую практику взаимоотношений при возврате ОЯТ стране-производителю топлива. В принципе, они готовы подписать соответствующий протокол»²⁹⁴.

Можно постараться объяснить «удивление» Ирана фактом оплаты захоронения ОЯТ попыткой этой страны оттянуть время подписания Договора о возврате ОЯТ обратно в Россию. Представляется сомнительным, что благодаря этой оттяжке Иран получил бы какие-либо реальные преимущества в развитии своей ядерной военной программы, хотя такая точка зрения стала превалировать в некоторых средствах массовой информации и экспертных кругах.

Президент Института Ближнего Востока Е.Я.Сатановский в своей статье в «Независимой газете» от 22 марта 2004 года пишет: «Похоже, что Иран использовал сотрудничество с Россией в качестве прикрытия для своей военной программы. Более того, когда эта задача исчерпала себя, власти ИРИ подложили России крайне неприятный сюрприз, предложив оплатить возврат отработанного топлива АЭС»²⁹⁵.

Многие старались также связать неприятие Ираном условий возврата ОЯТ с возможной передачей «иранского ядерного досье» в Совет Безопасности ООН, что не соответствовало истине²⁹⁶.

Отказ Ирана подписать протокол о возврате ОЯТ в Россию прокомментировали многие политики в России, в том числе и В.В. Путин, специально обратившийся к этой проблеме в своем интервью американской газете «New York Times». Он, в частности, заявил: «...Отработанное топливо может обогащаться и потом использоваться как компоненты ядерного оружия / .../. Поэтому мы поставили вопрос перед нашими иранскими коллегами о том, что отработанное ядерное российское топливо должно быть возвращено в Россию, и добиваемся внесения соответствующих изменений в наши договоренности»²⁹⁷.

На протяжении всего 2004 года, который сопровождался ухудшением международной политической ситуации вокруг ядерной программы Ирана, было множество заявлений о том, что текст протокола уже согласован.

Вопрос с ОЯТ окончательно прояснился только в середине февраля 2005 года, во время визита Председателя Высшего совета национальной безопасности ИРИ Х. Роухани в Москву. Во время встречи с президентом В.В. Путиным Роухани заявил о том, что соглашения о поставках российского ядерного топлива в Иран и о возврате ОЯТ в Россию будут подписаны в конце февраля того же года, во время визита в Иран главы ФААЭ А.Румянцева²⁹⁸.

Визит А. Румянцева в Иран начался 26 февраля 2005 года. Подписание по просьбе иранской стороны было отложено на 27 число и состоялось уже в стенах строящейся российскими специалистами АЭС в Бушере²⁹⁹.

Фактически, с подписанием соглашения о поставках в Иран ядерного топлива и вывозе оттуда ОЯТ отпал один из основных проблемных вопросов не только российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере, но и российско-иранских политических отношений в целом. Кроме того, подписанное соглашение значительно усилило позиции России в российско-американских отношениях, в которых, как уже было сказано, отношения России с Ираном занимают довольно важное место. Подписание Ираном протокола о возврате ОЯТ в Россию было обусловлено, на наш взгляд, не только давлением на Иран со стороны Российской Федерации и международного сообщества, но и окончательным прояснением формата переговоров ИРИ и ЕС по ядерной проблематике. По всей видимости, к началу 2005 года иранские руководители пришли к выводу, что с европейцами по ядерной проблематике они договорятся раньше, чем Россия начнет поставлять топливо для АЭС в Бушере. С этой точки зрения не исключено, что, подписав протокол, Иран, по крайней мере психологически, постарался избавиться от фактора, продолжающего крепко держать его связанным с Россией.

Дальнейшее развитие событий, в частности возобновление в начале 2006 года работ по обогащению урана в Иране, показало, что Иран постепенно начал делать упор на создание собственного потенциала по производству ядерного топлива или, точнее было бы сказать, обогащенного урана, который, помимо мирных, может быть использован и в военных целях. В данном случае важна не техническая, а, скорее, политическая сторона вопроса, так как начало обогащения урана в Иране имеет и будет иметь для ИРИ прежде всего политическое значение: установленные в Иране центрифуги, даже если их количество будет увеличено, только в течение долгих лет работы смогут обогатить достаточное количество урана для его использования в мирных или военных целях. И это в случае, если заявления иранских властей и ученых о наличии значительных запасов природного урана в иранском районе Арак соответствуют действительности. Так, соответствующая инспекция МАГАТЭ в 1999 году отметила в данной местности на-

личие незначительных запасов. Именно поэтому решение Ирана начать обогащение урана надо воспринимать в первую очередь в политическом плане и рассматривать его в контексте новой жесткой международной и региональной политической линии ИРИ. Вызвав серьезный кризис вокруг Ирана, обогащение урана, вкупе с маргинальными и вызывающими заявлениями иранского президента М.Ахмадинежада по поводу Израиля, США и т.д., претендует стать основным событием, которое может изменить международное положение Ирана, сложившееся сразу после Исламской революции. Положение это можно охарактеризовать как полную либо временами частичную изоляцию, которая то усиливается, то ослабевает в связи с изменениями политической обстановки в Иране (избрание М.Хатами президентом страны в 1997 г. или избрание М.Ахмадинежада в 2005 г.), появлением новых задач в американской региональной политике (война в Ираке), увеличением заинтересованности ЕС в получении иранского газа. Изоляция эта, однако, никогда не прекращалась. Обогащение урана, да и вся иранская ядерная программа претендуют изменить статус-кво, который сложился вокруг ИРИ 28 лет назад. Ситуация изменится в любом случае: и в случае, если начнется война против Ирана, и в случае, если с Ираном договорятся.

Иран и Дополнительный протокол к гарантиям МАГАТЭ

Иран в свое время подписал Договор о нераспространении ядерного оружия и от него не отказался. Однако ДНЯО не обладает такими гарантирующими и контрольными свойствами, чтобы подписавшая его сторона не смогла тайно разрабатывать ядерное оружие. К примеру, Ирак, подписавший в свое время ДНЯО, смог тайно вести разработки ядерного оружия, которые, как известно, не увенчались успехом. Ядерная военная программа Ирака была обнаружена и ликвидирована во время первой иракской кампании США – «Буря в пустыне». Ирак после 1991 года, в силу действия режима контроля над вооружениями со стороны Организации Объединенных Наций, был не в состоянии претворить в жизнь свои амбиции, свидетельством чего является то обстоятельство, что до сих пор США на территории оккупированного Ирака не обнаружили никаких следов разработок оружия массового поражения, в том числе и ядерного.

Пример Ирака доказывает, что возможность существования военной ядерной программы у государства – участника ДНЯО – все-таки имеется.

Для предотвращения подобных ситуаций весной 1997 года Совет управляющих МАГАТЭ одобрил документ, рекомендованный как стандартный Дополнительный протокол к соглашениям о гарантиях. «Суть его в том, что МАГАТЭ получает право доступа ко всем аспектам ядерной деятельности государства, подписавшего этот протокол, к любым местам, где находится ядерный материал, а также право получать информацию о ведущихся исследованиях в ядерной области, отбирать пробы и т.д. В частности, в дополнение к обычным инспекциям представители МАГАТЭ получают право посетить любой объект на территории страны-участника ДНЯО для обнаружения необъявленной (то есть секретной) ядерной деятельности, ведущейся в нарушение обязательств по ДНЯО»³⁰⁰.

Фактически благодаря Дополнительному протоколу МАГАТЭ обеспечивается возможность получения объемной информации и доступ инспекторов ко всем звеньям ядерного топливного цикла, включая учреждения, ведущие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Немаловажным является также предоставленное МАГАТЭ право осуществлять отбор проб окружающей среды за пределами мест нахождения ядерных объектов с целью выявления «истории» производственных процессов.

В то же время Дополнительный протокол гласит, что МАГАТЭ «поддерживает строгий режим обеспечения эффективной защиты от раскрытия коммерческих, технологических и промышленных секретов и другой конфиденциальной информации, которая становится ему известной, включая такую информацию, которая становится известной в ходе осуществления Протокола»³⁰¹. То есть МАГАТЭ формально берет на себя обязательство не разглашать информацию, представляющую для инспектируемой страны особую тайну, если, конечно, данная информация не касается выполнения этой страной своих обязательств перед Агентством и мировым сообществом.

С момента утверждения Дополнительного протокола МАГАТЭ проблема присоединения ИРИ к нему стала одним из основных вопросов, стоящих на повестке дня МАГАТЭ. Во многом обусловлено это давлением на МАГАТЭ со стороны США, которые призывали активнее бороться за присоединение Ирана

к Дополнительному протоколу. В то же время к концу 2002 года у международного сообщества было больше обоснованных причин для того, чтобы принудить Иран к подписанию Дополнительного протокола. В частности, во второй половине 2002 года стало известно о наличии в Натанзе завода по обогащению урана, а визит генерального директора МАГАТЭ М. Эль-Барадея в Иран в феврале 2003 года подтвердил информацию о значительном прогрессе Ирана в деле освоения технологии центрифужного обогащения урана³⁰².

Сделанные в Иране открытия стали для России не меньшим шоком, чем для Запада³⁰³. Россия фактически получила информацию об организованных в ИРИ секретных работах, направленных на создание мощностей, могущих быть составной частью военной ядерной программы, и, естественно, была уязвлена, так как надеялась, что у Ирана от своего основного ядерного партнера не может быть секретов³⁰⁴. Кроме того, сделанные инспекторами МАГАТЭ открытия показали, что Россия во многом напрасно в течение долгих лет позиционировала себя в качестве почти единственного партнера Ирана, давая уверенные оценки о характере иранской ядерной программы. Характер программы фактически оказался не таким, каким его представляли в данном случае не только иранцы, но и их российские партнеры.

Совет управляющих МАГАТЭ официально не признал Иран нарушителем международных обязательств по нераспространению, так как такое признание означало бы автоматическую передачу «иранского досье» в Совет Безопасности ООН³⁰⁵. Однако новые открытия МАГАТЭ в Иране заставили не только европейские страны, но и Россию отчасти пересмотреть свое отношение к ядерной программе Ирана.

Именно в данном контексте следует понимать и стремление России принудить Иран к подписанию Дополнительного протокола, что нашло свое выражение в принятой G-8 декларации, призывающей Иран к соблюдению международных норм по нераспространению ядерного оружия и присоединению к Дополнительному протоколу³⁰⁶. Укажем, что уже в сентябре 2003 года позицию России по поводу необходимости присоединения ИРИ к Дополнительному протоколу озвучил официальный представитель МИД РФ А.В. Яковенко, заявив, что «в интересах Ирана присоединиться к Дополнительному протоколу к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, что было бы хорошей

мерой доверия, демонстрацией открытости в отношении ядерной деятельности»³⁰⁷.

Иран с самого начала неохотно шел на переговоры по вопросу присоединения к Дополнительному протоколу, практически всегда избегая конкретного ответа на вопрос о сроках своего присоединения к нему.

Иранская сторона постоянно ставила ряд условий для своего присоединения к предлагаемому МАГАТЭ документу. В марте 2003 года официальный представитель МИД ИРИ заявил о готовности Ирана вести переговоры по вопросу о подписании с МАГАТЭ Дополнительного протокола о гарантиях, однако при этом занялся рассуждениями о том, что «весьма важно определить, соблюдают ли МАГАТЭ и государства-члены ядерного клуба в отношении Ирана свои обязательства, будут ли сняты ограничения, которые созданы для Исламской Республики, являющейся членом МАГАТЭ и подписавшей Договор о нераспространении ядерного оружия»³⁰⁸. Очевидно, что речь идет о санкциях, наложенных на Иран США, которые касаются не только запрета на поставки в Иран технологий двойного назначения, но и почти всей сферы экономико-хозяйственной деятельности. Вопрос, поднятый иранским дипломатом в связи с Дополнительным протоколом, фактически говорил о нежелании иранской стороны этот протокол подписывать. Ведь наложенные на ИРИ американские санкции в принципе мало зависят от присоединения Ирана к тому или иному документу. Они имеют своей основной причиной сам исламский режим в Иране и, следовательно, так или иначе будут сохраняться до установления в Иране более или менее устраивающего США режима. Иранская сторона все это отчетливо осознает, а выдвигаемые ею требования являлись не чем иным, как оправданием своего неприсоединения к Дополнительному протоколу.

Во время пятничной молитвы 3 октября 2003 года³⁰⁹ А.А. Хашеми-Рафсанджани сообщил, что Иран выдвинул четыре условия для подписания Дополнительного протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия:

1. инспекции не должны представлять опасность для национальной безопасности Ирана;
2. инспектора должны уважать исламские ценности и святость чтимых мусульманами мест;
3. инспектора обязаны не раскрывать военные секреты, не имеющие отношения к ядерной программе;

4. МАГАТЭ следует обеспечить выполнение обязательств по оказанию помощи Ирану в развитии гражданской ядерной программы³¹⁰.

Определение нарушения уже первого условия зависит от субъективного подхода иранской стороны к тому, что есть «опасность для национальной безопасности Ирана». Однако выдвижение этого условия имело под собой свои достаточно объективные основания. Случай Ирака показал, что проверки инспекторов МАГАТЭ свелись не только к поискам ядерного оружия, «а к сбору информации о стратегических объектах. Информация, собранная инспекторами МАГАТЭ, во многом обусловила поразительную точность американско-английской авиации при ударах по иракским объектам»³¹¹.

Несмотря на вышеперечисленные обстоятельства, руководство ИРИ на протяжении 2003 года несколько раз намекало на готовность страны подписать Дополнительный протокол. Однако само решение о подписании должно было вызреть в результате долгого обсуждения представителями различных партий и организаций ИРИ.

Начало публичного обсуждения вопроса о присоединении ИРИ к Дополнительному протоколу было положено летом 2003 года в иранском меджлисе. В июле один из членов Комитета по национальной безопасности и внешней политике заявил, что «если мы не подпишем Дополнительный протокол, то создастся впечатление, что Иран стремится к использованию ядерной энергии в немирных целях»³¹². Концом июля датировано интервью официального представителя ИРИ в Совете управляющих МАГАТЭ А.А. Салехи реформаторской газете «Iran Daily», где он утверждает, что Дополнительный протокол неправильно представлен иранской общественности, которая считает присоединение к нему угрожающим безопасности Ирана³¹³.

Вскоре последовали уличные демонстрации сторонников и противников подписания Дополнительного протокола, потом внутрипартийные и внутриправительственные дискуссии, в результате которых как «консерваторы», так и «реформаторы» пришли к консенсусу: Иран подпишет Дополнительный протокол.

Внешнее «конструктивное» обсуждение было обеспечено визитом руководителя Высшего совета национальной безопасности ИРИ Х. Роухани в Москву, где он провел переговоры с главами МИД, Минатома и с президентом РФ В.В. Путиным, во

время которых Роухани объявил о решении руководства ИРИ подписать Дополнительный протокол³¹⁴.

Газета «Financial Times» после сделанного Роухани заявления пишет, что решение иранцев именно в Москве объявить о том, что формально они принимают Дополнительный протокол МАГАТЭ о расширенных инспекциях, стало признанием особой роли России в напряженном диспуте, который продолжался вокруг иранской ядерной программы несколько месяцев³¹⁵. Тут, однако, важно отметить тот факт, что иранцев «уговаривали» подписать Дополнительный протокол в основном высшие чиновники МАГАТЭ и ряд европейских стран. Россия была всего лишь участником диспута по Доппротоколу, но никак не играла ключевую роль в процессе нахождения взаимопонимания с Ираном. С этой точки зрения, Х. Роухани, заявив о согласии подписать Дополнительный протокол именно в Москве, скорее всего стремился (конечно, с ведома высших властей страны) оставить за Россией позицию полноценного центра в международном диспуте по ядерной программе Ирана. Это должно было сохранить за ИРИ возможность и в дальнейшем проводить традиционную для нее политику игры на противоречиях и амбициях сторон, вовлеченных в процесс решения судьбоносных для страны вопросов. Именно наличие не одной, а нескольких сторон всегда позволяло Ирану в основном удачно лавировать и нередко достигать таких успехов, в возможность которых мало кто мог поверить как в Иране, так и вне его.

18 декабря 2003 года Исламская Республика Иран подписала Дополнительный протокол к ДНЯО. Процедура происходила в Вене в штаб-квартире МАГАТЭ. Со стороны Ирана подпись поставил постоянный представитель Ирана в Агентстве доктор Али Акбар Салехи, со стороны МАГАТЭ – генеральный директор Мохаммад эль-Барадей³¹⁶.

Следует также указать на то, что после сделанных инспекторами МАГАТЭ открытий в Иране, связанных с наличием в этой стране тайной программы по обогащению урана, усилилось давление на ИРИ со стороны Европы, сопровождаемое требованием прекратить работы по обогащению урана. Это давление в конце концов вылилось в подписание так называемого «Парижского соглашения» между ИРИ и представителями ЕС – Францией, Германией и Великобританией («евротройка») 14 ноября 2004 г. Данное соглашение предусматривает временную приостановку Ираном работ по обогащению урана и

разделению плутония, хотя Иран и имеет право (это тоже подчеркивается в Соглашении) на ведение подобных работ согласно Уставу МАГАТЭ и ДНЯО. Соглашение предусматривает также начало постоянного диалога между ЕС и Ираном, связанного с аспектами развития сотрудничества в экономической, ядерной, торговой областях, а также в области безопасности³¹⁷. Хотим отметить, что, подписав это соглашение, ни Иран, ни ЕС не взяли на себя никаких правовых обязательств. Его подписание рассматривается в качестве знака доброй воли со стороны Ирана, готового к конструктивному диалогу с ЕС.

До подписания Соглашения, 20 октября 2004 года «евротройка» предложила Ирану отказаться от обогащения урана в обмен на пакет обещаний: гарантированные поставки ядерного топлива для иранских АЭС, строительство легководного исследовательского реактора, доступ к новейшим атомным технологиям³¹⁸. Предсказания на предмет того, что дальнейшие переговоры Ирана с европейскими странами пойдут гладко, не сбылись. В дальнейшем Иран неоднократно заявлял, что прекращение обогащения урана – временный шаг. В феврале 2006 года Иран вернулся к обогащению урана, что стало новым знаковым событием в истории как иранской ядерной программы, так и российско-иранских отношений. К данной, представляющей особую важность проблеме мы обратимся в последнем параграфе нашего исследования.

В условиях имевших место переговоров «евротройки» и Ирана позицию России можно охарактеризовать как опирающуюся на два принципа:

1. Нераспространение ядерного оружия;
2. Недопустимость применения в отношении ядерной программы Ирана так называемых «двойных стандартов».

Такая позиция России была озвучена и во время переговоров президента России с главами Франции, Германии и Испании в Париже в марте 2005 года. Во время пресс-конференции в Париже президент РФ В.В. Путин, отвечая на вопросы журналистов, заявил, что у России с европейскими странами по иранской проблеме «достаточно высокое взаимопонимание / .../. Никаких противоречий в наших позициях нет. Мы исходим из одного непреложного принципа – нераспространение ядерного оружия. Этому посвящены все наши действия по иранскому ядерному досье. Из этого мы исходим и вместе ищем такие пути по решению проблемы, которые не

ущемляли бы интересы Ирана в реализации его планов мирного использования ядерной энергетики»³¹⁹.

С некоторыми оговорками можно сказать, что позиции «евротройки» и России по иранской проблеме к началу 2006 года плавно и практически незаметно слились воедино, в результате чего появилась качественно новая международная политическая линия в отношении Ирана, которая начала доминировать также и в позициях так называемой «шестерки», в которую вошли страны «евротройки», Россия, Китай и США. В качестве исходной позиции в переговорах с Ираном для «шестерки» стали два принципа:

1. недопущение военного разрешения иранского кризиса и нецелесообразность применения в отношении ИРИ серьезных санкций экономического и политического характера. Этот принцип можно условно назвать российским, хотя в политике Германии и Франции такого рода позиция в отношении Ирана также имела место в течение последних нескольких лет;

2. достижение прекращения Ираном обогащения урана и строительства реактора на тяжелой воде, в том числе и посредством предложения Ирану компенсирующих проектов сотрудничества в сфере строительства ядерных реакторов, в экономической и энергетической сферах. Такую позицию – опять-таки во многом условно – можно назвать европейской, так как она отвечала важнейшим интересам основных европейских акторов: недопущение дальнейшей дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке и в исламских странах и получение доступа к богатым запасам иранского газа, который в будущем должен играть важную роль в европейской системе энергетической безопасности.

К сожалению, дальнейшая радикализация иранской политики в отношении своей ядерной программы, а также в сфере внешней политики в целом – в том числе и активная роль ИРИ в провоцировании ливано-израильского конфликта летом 2006 года – непосредственным образом отразилась на позиции международных переговорщиков с Ираном. Уже во второй половине 2006 года все активнее начали обсуждаться проекты санкций в отношении Ирана, которые и вылились в принятие двух важнейших резолюций по нераспространению в декабре 2006 и марте 2007 гг. К этому важнейшему вопросу мы обратимся в последней главе книги, так как он непосредственно касается перспектив российско-иранского сотрудничества в ядерной и политической сферах.

Проблема неплатежей за достройку АЭС

В начале 2007 года возник, может быть, самый серьезный кризис в отношениях России и Ирана в ядерной сфере: российская сторона объявила о том, что приостанавливает строительство АЭС в Бушере из-за несвоевременных платежей Ирана за проводимые российскими специалистами работы. Иранской стороной основная версия происходящего была вначале представлена довольно своеобразно: деньги перечислены, но до соответствующего счета Росатома не дошли. В момент, когда Росатом представил информацию о получении средств, оказалось, что заплатила иранская сторона не по тем счетам, которые были предъявлены российской стороной. В дальнейшем иранская сторона обвинила Россию в затягивании работ по достройке АЭС в Бушере с целью получения повода для того, чтобы не поставить в Иран ядерное топливо для АЭС. Отметим, что по соглашению, подписанному между ФААЭ и ОАЭИ в сентябре 2006 года, Россия обязана поставить ядерное топливо для Бушерской АЭС за 6 месяцев до технического пуска станции, который, как сообщали в начале 2007 г. иранские и российские чиновники, должен был состояться в сентябре того же года. Получается, что поставки топлива с российской стороны должны были быть осуществлены в марте 2007 года, в период наибольшего накала международных страстей вокруг Ирана и его ядерной программы.

В информационном и аналитическом сообществе возникшая между Ираном и Россией проблема интерпретировалась по-разному:

1. *Россия отказывается от проекта.* В условиях определенного подъема атомной отрасли России можно предположить, что весьма непривлекательный на сегодняшний день с финансовой точки зрения контракт на достройку АЭС в Бушере стал «головной болью» для Росатома, единственным «лекарством» от которой и является отказ от достройки станции. Несвоевременные перечисления денежных средств Ираном стали лишь поводом для такого отказа. Против этой версии выступают следующие обстоятельства: станция в Бушере к марту 2007 года была готова уже практически на 90%, так что отказ от проекта кажется довольно бессмысленным; российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере определяется далеко не только интересами ФААЭ, но и интересами государственного уровня.

2. *Россия на время отказывается от поставок ядерного топлива в Иран.* Скорее всего, станция в Бушере готова уже настолько, что очередная задержка в ее достройке могла быть осуществлена только посредством полной приостановки строительных работ, что и было сделано под предлогом неуплаты Ираном оговоренных в договоре о достройке станции средств. Задержка в достройке в свою очередь отодвигает срок поставок обогащенного урана в Иран. Очевидно, что в условиях, сложившихся вокруг Ирана в начале 2007 г., в особенности после принятия в марте очередной, уже жесткой резолюции по Ирану со стороны СБ ООН, весьма безответственным выглядело бы, если бы Россия поставила Ирану обогащенный уран. Российская сторона неоднократно заявляла, что Россия выполнит свои обязательства по поставкам топлива для Бушерской АЭС³²⁰ в срок, указывая, что такие поставки полностью отвечают требованиям МАГАТЭ и ДНЯО. Однако тут не мешает вспомнить, что кризис вокруг ядерной программы Ирана практически не носит правового характера, так как обогащение урана самим Ираном не нарушает ДНЯО, который и закрепляет за каждой подписавшей этот договор страной право на развитие ядерных исследований и мощностей. В условиях исключительно политического кризиса вокруг Ирана и его ядерной программы России необходимо было отказаться на определенном этапе от поставок в Иран обогащенного топлива, что и было сделано благодаря наличию задержек оплаты работ по достройке АЭС.

3. *Иран спровоцировал кризис с неуплатами для отказа от российского топлива.* В условиях налаживания обогащения урана на иранской территории Иран смог спровоцировать кризис с неуплатами для того, чтобы легитимизировать производство ядерного топлива непосредственно на своей территории. В пользу этой версии говорит заявление вице-президента Ирана Г.Агазаде о том, что в условиях кризиса в отношениях с Россией Иран вынужден думать о самостоятельном производстве ядерного топлива³²¹. Результатом дальнейшего развития событий вокруг достройки АЭС и поставок российского топлива в Иран стало заявление иранского президента М. Ахмадинежада о начале промышленного производства ядерного топлива³²². Против этой версии говорит следующее: Иран уже вовсю развивает производственные мощности по обогащению урана и лишние поводы для их легитимации Ирану не нужны; не-

смотря на значительное развитие научной мысли в Иране, пока нет никаких оснований думать, что иранцы смогут самостоятельно завершить достройку АЭС в Бушере, для которой они и собираются заполучить ядерное топливо.

Как бы то ни было, кризис с неуплатами спровоцировал появление довольно серьезного противоречия между Москвой и Тегераном, которое имеет шансы разрешиться только в случае урегулирования международного кризиса вокруг Ирана и его ядерной программы. До такого урегулирования вряд ли придется говорить о поставках Россией ядерного топлива в Иран.

Россия и «иранское dossier» в СБ ООН

К началу 2006 года для ведущих стран мира, в том числе и для России, стало очевидным, что длящиеся уже на протяжении двух лет переговоры с Ираном по поводу окончательного прекращения обогащения урана не в состоянии заставить Тегеран выполнить требования международного сообщества. Именно в начале 2006 года Иран возобновил работы по обогащению урана, несмотря на то, что пакет предложений со стороны «евротройки», а потом и, конечно, косвенно, США сулил Ирану значительные дивиденды в сфере экономики и безопасности.

Невозможно однозначно ответить на вопрос: почему Тегеран пошел на обострение отношений с внешним миром? Очевидно, однако, что это обострение не может быть объяснено исключительно посредством оценок фигуры иранского президента М. Ахмадинежада. В предыдущих частях книги нами неоднократно отмечался факт существования в Иране довольно стабильной системы «сдержек и противовесов», которая и не позволяет иранскому президенту принимать единоличные решения по важнейшим вопросам национального значения. Возможностью единоличного решения ключевых для страны и иранского общества вопросов не обладает даже духовный лидер Ирана, который располагает куда большими властными полномочиями, чем президент страны. Все это делает очевидным, что иранская политика по ядерному вопросу в начале 2006 года претерпела изменения, скорее всего, в результате достижения определенного внутреннего консенсуса в иранской элите. Попробуем ниже очертить несколько возможных целей,

которые определили эволюцию позиции иранского руководства в сторону ужесточения.

1. *Решение создать ядерное оружие.* В условиях сложившегося положения дел на Ближнем Востоке, в особенности в Ираке, иранское руководство, возможно, решило, что для страны возникли все объективные условия для создания ядерного оружия: США как основная держава, могущая военным путем заставить Иран отказаться от ядерной программы, погрязла в пучине гражданской войны в Ираке, которая с каждым новым годом требует увеличения американского военного контингента в этой стране для того, чтобы ситуация окончательно не вышла из-под контроля. В таких условиях США не могут пойти на решение иранского ядерного вопроса военным путем, так как война с ИРИ может окончательно дестабилизировать ситуацию в регионе. Позиции ИРИ в данном случае крепки также благодаря особенно высоким ценам на нефть, которые ограничивают возможности СБ ООН ввести единственно ощутимые для Ирана санкции, касающиеся запрета на покупку иранской нефти. Однако в данном случае надо предположить, что иранское руководство должно быть уверено по крайней мере в следующем: а) страна чисто технологически довольно близко подошла к созданию ядерного оружия, б) проблемы в Ираке будут носить долгосрочный характер, что не позволит США более жестко реагировать на иранские ядерные исследования, в) уровень конфронтационности между разными мировыми центрами силы настолько высок, что единой жесткой позиции мирового сообщества по Ирану не удастся выработать, и ИРИ просто-напросто «проскочит» в клуб ядерных держав.

2. *Приостановка обогащения урана взамен на наиболее выгодные предложения со стороны международного сообщества.* Достаточно беглого взгляда для того, чтобы увидеть одну довольно важную закономерность: чем более жесткой становится позиция ИРИ по ядерной проблематике, тем более щедрыми становятся компенсирующие предложения со стороны мирового сообщества в случае отказа Ирана от обогащения урана. К предложениям «евротройки» о налаживании широкого охвата торгово-экономического и технологического сотрудничества между ИРИ и ЕС в течение последних лет добавились предложения: организации долевого участия Ирана в создании на территории РФ международного центра по обогащению урана; предложение США снять запрет на продажу Ирану зап-

частей для самолетов американского производства; предложение созыва международной конференции по безопасности в регионе Персидского залива, с активным вовлечением Ирана в работы как конференции, так и органа, отвечающего за выработку важнейших решений по региональной безопасности. Однако на сегодняшний день довольно сомнительно, что Иран сможет получить еще более выгодные предложения³²³ от международного сообщества, в особенности после того, как отношения этого самого сообщества с Ираном вступили в фазу принятия СБ ООН сначала довольно мягких, а потом и жестких санкций касательно Исламской Республики.

Позиция России по возможным санкциям в отношении Ирана формировалась с учетом определенных реалий, важнейшими из которых для России можно считать следующие:

– Россия – фактически единственный партнер Ирана по реализации его ядерной программы, что, во-первых, ставит Россию под определенный удар, если СБ ООН сможет окончательно определить иранскую ядерную программу как однозначную угрозу режиму нераспространения ядерного оружия, во-вторых, санкции против Ирана могут заставить Россию приостановить достройку АЭС в Бушере, если данный объект войдет в перечень элементов возможной иранской военной ядерной программы;

– Иракский опыт создал определенный прецедент: обсуждение возможных программ создания ОМП и принятие соответствующих санкций со стороны СБ ООН довольно легко было использовано США для несанкционированного со стороны того же СБ вторжения в Ирак и оккупации этой страны. Без сомнения, возможная война против Ирана для России более угрожающая, чем вторжение США в Ирак, которое, в принципе, окончательно закрепило временный стратегический уход России из Персидского залива и, с определенными оговорками, из Ближнего Востока, который начался в конце 1980-х годов. Война против Ирана грозит России дестабилизацией обстановки в районе южных границ федерации, а также в Центральной Азии и Южном Кавказе, где у России есть довольно конкретные стратегические интересы.

Позиция России к началу 2006 года значительно изменилась, что было результатом целого ряда факторов:

– с началом обогащения урана в Иране Бушер стал периферийным для мирового сообщества проектом, так как в Иране

появились реальные мощности, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия. Кроме того, основной критик российского участия в развитии иранской ядерной программы – США практически перестали критиковать российское участие в Бушерском проекте и стали больше выступать за создание единой международной позиции по Ирану;

– гражданская война в Ираке, ослабление позиций республиканской партии в США, непопулярность американского президента и ряд других факторов значительным образом снизили возможность американского удара по Ирану, тем более возможность начала широкомасштабной войны против Исламской республики;

– и, наконец, Иран сделал решительный шаг в сторону развития своей военной ядерной программы – начал обогащать уран. Пусть пока в лабораторных условиях, но все же. Иран постепенно стал подходить к технологической черте, которая может позволить ему заполучить ядерное оружие. Ядерный Иран – не меньшая угроза для России, чем для США. Более того, на сегодняшний день Россия наряду с Израилем является единственной влиятельной мировой державой, которая находится в зоне досягаемости существующих иранских ракет – возможных носителей ядерного оружия.

Все это заставило Россию активно работать против превращения Ирана в ядерную державу и использовать для этой работы механизмы, которыми Россия располагает благодаря ее постоянному членству в СБ ООН. С 2006 года Россия стала активным соавтором проектов санкций против Ирана, пока еще не достаточно жестких. Обратимся к резолюциям, принятым СБ ООН в отношении Ирана.

Итак, на 5403-м заседании Совета Безопасности, состоявшемся 29 марта 2006 года, председатель СБ сделал от имени последнего заявление, которое призвало ИРИ прекратить обогащение урана. В нем, в частности, говорилось: «Совет Безопасности призывает Иран предпринять шаги / .../, которые существенно важны для того, чтобы иметь уверенность в исключительно мирных целях его ядерной программы и решить сохраняющиеся вопросы, и в этой связи подчеркивает особую важность восстановления режима полной и длительной приостановки всей деятельности, связанной с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно быть проверено МАГАТЭ»³²⁴. Надо отметить, что формат заяв-

ления Председателя СБ ООН предложен Россией, которая выступала против принятия какой бы то ни было резолюции по Ирану, в отличие от представителей западных стран, позицию которых руководитель российского МИД С. В. Лавров охарактеризовал в своем интервью газете «Время Новостей», которое он дал фактически за неделю до данного заявления, как «вбросить этот вопрос (вопрос иранской ядерной программы – С.С.) в Совет Безопасности ООН, принять там что-нибудь, а потом посмотрим»³²⁵.

Между тем ни разу после заявления председателя СБ ООН Иран не выполнил требование прекратить обогащение урана до достижения комплексного решения по поводу иранской ядерной программы. Это в свою очередь не могло не привести к более жесткой реакции СБ ООН, который уже вплотную и во многом наравне с МАГАТЭ начал заниматься иранской проблемой. Более жесткая реакция после сделанного председателем СБ ООН заявления, как правило, подразумевает принятие резолюции, что и произошло 31 июля 2006 года. Следует отметить, что к началу мая уже были все основания говорить о том, что в скором времени резолюция по Ирану будет принята, так как иранская сторона к этому времени фактически отказалась выполнить требование председателя СБ ООН. Иранский вопрос на время был отброшен на второй план работ СБ из-за начала войны между Израилем и движением «Хезболла». До этого страны так называемой «шестерки» дважды на уровне глав и заместителей глав МИД обсуждали дальнейшие шаги в отношении Ирана. Результатом этих обсуждений стали очередные предложения, сделанные ИРИ от имени «шестерки» по приостановке работ по обогащению урана. С содержанием этих довольно выгодных предложений можно ознакомиться в письме постоянного представителя Франции в СБ ООН Жан-Марка де ла Саблиера на имя председателя СБ³²⁶. Так, в приложении к письму говорится, что целью «шестерки» является развитие отношений и сотрудничества с Ираном и поэтому предлагается подписание всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве с ИРИ, которое в целом предполагало:

международное сообщество:

– подтвердит право Ирана на развитие применения ядерной энергии в мирных целях в соответствии с его обязательствами по Договору о нераспространении ядерного оружия и в этом контексте вновь заявит о том, что поддерживает разра-

ботку Ираном гражданской программы использования ядерной энергии;

- возьмет на себя обязательство оказывать активную поддержку строительству в Иране новых реакторов на легкой воде в рамках совместных международных проектов в соответствии с Уставом МАГАТЭ и ДНЯО³²⁷;

- согласится приостановить обсуждение вопроса о ядерной программе Ирана в Совете Безопасности после возобновления переговоров.

Иран:

- возьмет на себя обязательство урегулировать все проблемы, которые по-прежнему вызывают озабоченность МАГАТЭ, на основе всестороннего сотрудничества с МАГАТЭ;

- приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, что должно быть проверено МАГАТЭ, о чем просят Совет управляющих МАГАТЭ и Совет Безопасности, и возьмет обязательство не возобновлять такую деятельность в период проведения этих переговоров;

- возобновит осуществление Дополнительного протокола.

Фактически в данном случае речь шла о предоставлении Ирану ряда преференций взамен всего лишь на одну значительную уступку со стороны ИРИ – прекращение обогащения урана. Тот факт, что в создании данного пакета предложений ИРИ принимали участие также США, должен был придать ему определенный стратегический вес в глазах иранского руководства, которое на протяжении последних 28 лет привыкло видеть в США основного врага республики.

Иранская сторона отвергала предложения «шестерки». 26 июля 2006 г. постоянный представитель Франции в СБ ООН распространил заявление руководителя французского МИД Филиппа Дуст-Блази, сделанное от имени стран «шестерки» – России, Франции, Германии, США, Великобритании и Китая, в котором, в частности, говорилось: «Иранская сторона не выразила никакой готовности к серьезному рассмотрению существа наших предложений. Иран не принял необходимых мер для того, чтобы можно было начать эти переговоры, в частности не приостановил все виды деятельности, связанные с обогащением и переработкой, как это требовало МАГАТЭ. В связи с этим мы выражаем глубокое разочарование. В сложившейся ситуации у нас не остается иного выбора, кроме обращения к Совету Безопасности и дальнейшего осуществления процесса, ко-

торый был приостановлен два месяца назад. Мы согласились добиваться принятия Советом Безопасности резолюции, которая придаст требованию МАГАТЭ о приостановлении упомянутой деятельности обязательную силу»³²⁸.

Несмотря на ряд критических замечаний российской стороны касательно целесообразности введения санкций в отношении ИРИ, 12 июля 2006 года (именно в этот день в Париже главы МИД «шестерки» решили вопрос о рассмотрении иранского вопроса в СБ) российская сторона официально согласилась с перспективой передачи «иранского досье» в СБ ООН, где должна была быть принята соответствующая первая резолюция по Ирану, что и было сделано 31 июля 2006 года. Резолюция 1696, принятая СБ ООН на его 5500-м заседании 31 июля 2006 года, стала своеобразным закреплением требований «шестерки» к ИРИ, основное из которых касалось приостановки работ по обогащению урана в Иране. Никаких санкций против Ирана, как этого требовал постоянный представитель США при ООН Джон Болтон, введено не было, однако о возможности их введения в дальнейшем отмечалось в 8-м пункте резолюции, где заявлялось о «намерении, в случае невыполнения Ираном положений настоящей резолюции / .../ принять соответствующие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы убедить Иран выполнить настоящую резолюцию и требования МАГАТЭ»³²⁹, и подчеркивалось, что если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения. Речь, конечно же, идет о санкциях. Резолюция обязывала генерального директора МАГАТЭ к 31 августа 2006 года представить доклад о том, выполнил ли Иран требования СБ ООН. Доклад был представлен в срок и наряду с оценками о декларированной руководством ИРИ готовности продолжить переговоры с мировым сообществом характеризовал шаги иранской стороны как не отвечающие требованиям СБ ООН. После сделанного Генеральным секретарем МАГАТЭ доклада, с сентября 2006 г. начался процесс проработки очередного проекта резолюции по Ирану. То, что Иран не выполнит требования СБ ООН, было очевидным и в день голосования по данной резолюции. Понятно это стало из выступления иранского представителя при ООН, который, помимо достаточно насыщенного историческими фактами объяснения несправедливого характера резолюции и политики СБ ООН (причем не только по иранскому

ядерному вопросу), сделал заявление, что подход резолюции «не приведет ни к какому продуктивному результату»³³⁰. Напомним, что в сентябре 2006 г. российская сторона подписала с Ираном соглашение, регулирующее поставки ядерного топлива для Бушерской АЭС за 6 месяцев до технического пуска станции (на тот момент пуск предполагалось осуществить в сентябре 2007 года). Кроме того, осенью 2006 года и в начале 2007 Россия завершила поставки систем ПВО Тор-М-1 в Иран.

Наряду с этим российская дипломатия активно занималась обсуждением очередного проекта резолюции по Ирану, который был принят 23 декабря 2006 года. Вторая резолюция оказалась более жесткой и ввела конкретные санкции в отношении ИРИ. О характере будущей второй декабрьской резолюции глава МИД РФ С. Лавров в интервью «Российской газете» почти за месяц до ее принятия сказал: «Важно, чтобы СБ ООН поддержал своим авторитетом позицию МАГАТЭ, как это и было сделано в первой резолюции. Поскольку она не сработала, то сейчас мы будем готовы, сконцентрировавшись на тех областях, по которым у МАГАТЭ сохраняются вопросы, на период их прояснения, принять по линии СБ ООН меры, которые предотвращали бы поставку в Иран соответствующих технологий, материалов и услуг. Но исключительно по тем темам, по которым Иран пока перед МАГАТЭ не отчитался»³³¹. Так оно и произошло.

Вкратце характер резолюции СБ ООН 1737 можно представить в следующем виде:

Основное требование – приостановка работ по обогащению и переработке урана, а также работ, связанных с проектами на тяжелой воде.

Санкции (если обобщить) – не позволять ИРИ покупать необходимые материалы для возможной военной ядерной программы: «Все государства примут необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах – независимо от страны происхождения – всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия». В резолюции под санкции попал ряд конкретных иранских предприятий, ин-

ституты и лиц, которые принимают участие в реализации ракетно-ядерных программ»³³².

Последствия санкций для Ирана – незначительные. Причин этому, на наш взгляд, несколько:

– иранские предприятия, которые работают на реализацию ракетно-ядерных программ ИРИ, самодостаточны. Они созданы и давно уже функционируют в условиях фактической технической блокады со стороны США и Запада и зарабатывают в основном благодаря государственному иранскому заказу, а не своим международным проектам. Так что ограничение сотрудничества с ними и заморозка части счетов этих компаний мало на что могут повлиять;

– даже в случае отрицательного влияния санкций на положение ряда организаций и предприятий, даже крупных, в условиях авторитарного характера иранской политической системы и стратегического значения ядерной программы, никак нельзя ожидать, что стесненные санкциями предприятия могут отстаивать у государства свои корпоративно-промышленные интересы и повлиять на политику высшего руководства страны по ядерной программе. Единственной отраслью, которая может повлиять на политику страны, является нефтехимическая, которая от введенных СБ ООН санкций, кроме того что не пострадала, выиграла ввиду увеличения из-за напряженности вокруг ядерной программы цен на экспортируемую иранскую нефть;

– и, наконец, ввиду существования на данном этапе уже практически самодостаточного потенциала ИРИ в сфере обогащения урана (чертежи центрифуг уже однажды куплены у А.К. Хана и во вторичном их приобретении нет особой необходимости), ограничение и без того незначительного западного технологического присутствия в ИРИ никак не может отразиться на политике ИРИ по обогащению урана.

Что касается России, то, проголосовав за данный проект санкций, Москва ничего не потеряла: Бушерский проект не подпал под санкции, которые не коснулись также и сферы военно-технического сотрудничества³³³. В выступлении представителя России при ООН В.Чуркина во время прений по резолюции был сделан особый акцент на том, что Бушер под ограничение не подпадает: «Принципиально важно, что вводимые ограничения на сотрудничество с Ираном касаются тех областей, которые вызывают озабоченность МАГАТЭ. При этом мы

твердо исходим из того, что сотрудничество с иранской стороной в сферах и за счет средств, которые не ограничиваются резолюцией, под ее действие не подпадает»³³⁴.

Между тем сам проект Бушера, хотя он и не был упомянут в резолюции МАГАТЭ, на каком-то этапе своей реализации автоматически смог бы подпасть под санкции, так как на завершающем этапе строительства российская сторона должна была начать поставки низкообогащенного урана в Иран, что резолюцией не приветствовалось. Однако и в декабре 2006 года было почти очевидно, что принятая резолюция по Ирану не последняя, и это отчетливо проявлялось в заявлениях как российских, так и западных дипломатов и государственных деятелей, где зачастую фигурировали фразы типа «на данном этапе», «пока еще рано».

Сама иранская реакция на резолюцию, которая была названа иранским руководством «клочком бумаги», говорила о том, что Иран на уступки пойти не готов³³⁵. ИРИ абсолютно никак не отреагировала ни на одно из требований СБ ООН. В отличие, скажем, от Ирака, который после 1991 года выполнял большую часть всех требований СБ ООН (даже частичные отказы режима Хусейна в предоставлении той или иной информации по иракским стратегическим объектам, что иногда выражалось в отказе допустить инспекторов миссии ООН в личные дворцы Хусейна, вызывали быструю и жесткую реакцию как СБ, так и основного лоббиста иракских санкций – США). Случай с Ираном можно считать уникальным: иранское правительство не предприняло абсолютно никаких шагов, которые могли бы быть представлены в виде действий, направленных на выполнение требований СБ ООН. Более того, иранские власти время от времени делали очередные заявления о новых «достижениях» в области ядерных исследований и о начале промышленного обогащения урана. Опыт «иранского досье» в СБ и позиция ИРИ в отношении требований СБ ООН, вне всякого сомнения, войдет в историю ООН периода после «холодной войны»: не опирающаяся на прямую помощь какой-либо влиятельной державы страна так долго и хладнокровно отвергает предъявляемые ей требования СБ.

Прежде чем обратиться к следующей резолюции СБ ООН в отношении иранской ядерной программы, которая была принята 24 марта 2007 года, нам представляется необходимым отметить те изменения российской позиции по Ирану, которые

проявились в марте 2007 года на фоне кризиса с неплатежами работ по достройке АЭС в Бушере.

В начале марта 2007 года кризис с неплатежами выявил определенные проблемы, которые возникли в российско-иранских отношениях в ядерной сфере. Произошло это фактически за несколько недель до очередного голосования за новую резолюцию по иранскому вопросу в СБ ООН и должно было, по крайней мере в информационном пространстве, свидетельствовать об определенных коррективах в «иранской политике» России. Важной представляется позиция МИД России и его руководителя С. В. Лаврова. В течение марта российский министр более или менее подробно к иранскому вопросу обратился дважды, и оба раза в контексте проблем в отношениях России и США.

Итак, 17 марта С. В. Лавров во время своего выступления на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) сказал буквально следующее: «Реалистическая коррекция курса коалиции в Ираке помогла бы реализовать на практике объективную общность интересов Вашингтона и Тегерана, делающих ставку на одно и то же правительство в этой стране. Нет сомнений в том, что в Иране существует реальный политический процесс. Реализовать потенциал умеренных политических сил Ирана и влиять на поведение этой страны в нужном духе можно только через вовлечение. При всей важности продолжения многосторонних усилий по поиску выхода из нынешней ситуации вокруг ядерной программы Ирана необходимо сознавать, что значительная часть проблемы / .../ связана с нежеланием США нормализовать свои двусторонние отношения с Тегераном на основе общепринятых принципов / .../. Выдумывать ничего не надо: мирное сосуществование решало такого рода проблемы в недавнем прошлом. Почему бы не жить и не давать жить другим? В то же время важны последовательность и логика со стороны наших партнеров. Если под предлогом «иранской угрозы» у наших западных границ размещаются элементы национальной ПРО США, вводятся санкции против российских компаний, то зачем городить огород в Совете Безопасности ООН. Надеюсь, что американские партнеры над этим задумаются. Тем более, что нас призывают бороться с теоретической угрозой, а в это время создают реальную угрозу нашей безопасности»³³⁶.

В данном случае довольно эмоциональные для министра иностранных дел России заявления следует расценивать пре-

жде всего в контексте российско-американских отношений, тем более, что в самом выступлении «иранская угроза» и иранский вопрос были рассмотрены в свете активного продвижения американской стороной размещения систем ПРО в Восточной Европе. Тут, кстати сказать, надо отметить, что в американской научной и политической элите немало людей, которые решение «иранской проблемы» видят в нормализации отношений между Тегераном и Вашингтоном. Уместно вспомнить имена Джеймса Бейкера, Ричарда Хааса да и нынешнего министра обороны США Р.Гейтса, который совместно с Збигневом Бжезинским в 2004 году в рамках соответствующей программы Совета внешней политики США подготовил целый проект, аргументирующий необходимость нормализации отношений США-ИРИ. В данном вопросе определенную неоригинальность российского министра надо рассматривать как осознанную и ссылочную на наличие так называемых «проиранских» групп в США. Можно ли оценить выступление российского министра как «проиранское»? Скорее нет, чем да, а еще правильнее назвать оценки по Ирану нейтральными, оценки роли США в иранском вопросе – критическими.

Через 3 дня после выступления С. В. Лаврова на заседании СВОП в «The New York Times» появилась статья о том, что Россия перешла с Ираном на язык ультиматумов. В статье, в частности, говорилось, что ультиматум был доставлен иранской стороне секретарем СБ России Игорем Ивановым. В качестве подтверждения данной информации газета привела два комментария: неназванный источник в администрации Буша сказал, что «очевидно, что русские и иранцы начали действовать друг другу на нервы – и это не так плохо»; также неназванный европейский чиновник прокомментировал эту же информацию так: «Это важное решение со стороны русских. Это показывает, что наши разногласия с Россией об опасности иранской ядерной программы носят тактический характер. Фундаментально русские против создания ядерного оружия Ираном»³³⁷. Ультиматум, как это следовало из статьи, был сделан в отношении прекращения Ираном обогащения урана, кроме того, министр иностранных дел России С. В. Лавров, согласно газете, в феврале 2007 проинформировал нескольких из своих европейских коллег о том, что Россия не поставит в Иран топливо для Бушерской АЭС, пока Иран не прекратит обогащение урана.

Насколько правдива была информация американской газеты – не совсем ясно. Основные вопросы, которые возникают в связи со статьей, вызваны быстрой реакцией российской стороны на опубликованный материал. 22 марта во время правительственного часа в Госдуме России руководитель российского МИД сообщил: «Какой-либо увязки между работой над резолюцией, которая направлена на урегулирование ядерной программы, и реализацией проекта сооружения АЭС в Бушере, не существует. Я читал, в частности, в «Нью-Йорк таймс», высказывания некоторых анонимных европейских официальных лиц, будто мы им о такой увязке сообщали. Это – нечистоплотный прием, который лишний раз показывает, что кому-то, наверное, из тех, кто так или иначе «прислонялся» на каком-то этапе к этим переговорам или слышал о них, выгодно постараться выставить Россию в таком свете. Это – попытки с негодными средствами / .../. Что касается работы в СБ ООН над резолюцией, то на стадии обсуждения проекта «шестерки» мы сняли наиболее жесткие предложения, включая запрет на зарубежные поездки иранских официальных лиц, запрет на предоставление кредитов, и перевели все эти запреты в форму, которая не возбраняет ни то, ни другое. Мы сделали это потому, что раньше договаривались воздействовать на Иран постепенно, соразмерно реальной ситуации. Чрезмерные санкции мы не будем поддерживать»³³⁸.

Принятая СБ ООН 24 марта очередная резолюция по Ирану показывает, что означали слова российского министра «мы сняли наиболее жесткие предложения, включая запрет на зарубежные поездки иранских официальных лиц, запрет на предоставление кредитов, и перевели все эти запреты в форму, которая не возбраняет ни то, ни другое». Самый жесткий пункт резолюции 1747 (2007) гласит: «*призывает* все государства проявлять бдительность и осмотрительность в отношении прямой или косвенной поставки, продажи или передачи Ирану со своей территории или их гражданами, или с использованием морских и воздушных судов под их флагом любых боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем, как они определяются для целей Регистра обычных вооружений Организации Объединенных Наций, и при предоставлении Ирану любой технической помощи или профессиональной подготовки, фи-

нансовой помощи, инвестиций, брокерских и других услуг и передаче финансовых ресурсов или услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием таких предметов, в целях предотвращения дестабилизирующего накопления вооружений»³³⁹. Призыв к государствам о необходимости проявления бдительности – не требование прекратить поставки вооружений в Иран. Другой жесткий пункт резолюции гласит: «*призывает* все государства и международные финансовые учреждения не брать на себя новые обязательства по предоставлению правительству Исламской Республики Иран субсидий, финансовой помощи и льготных кредитов, за исключением тех, которые предусмотрены для гуманитарных целей и *целей развития*»³⁴⁰. В данном случае определение «целей развития» также представляет интерес, так как данное понятие фактически оставляет за Ираном возможности использования иностранного кредитования для развития национальной экономики, энергетики, сельского хозяйства. Понятно, что будет проблематичным получение международных кредитов на развитие вооруженных сил, но это было проблематичным и до принятия резолюции 1747 СБ ООН.

Укажем, что в данной резолюции нет пункта, ограничивающего выполнение Россией своих обязательств перед ИРИ в ядерной сфере. Это касается как проекта достройки АЭС в Бушере, так и поставок российского ядерного топлива в Иран.

Можно констатировать, что к весне 2007 года Россия сохранила свободу действий в отношении своего сотрудничества с ИРИ. По крайней мере, эту свободу принятые со стороны СБ ООН санкции не ограничивают.

Что касается проблемы достройки АЭС и поставок ядерного топлива в Иран, то их надо рассматривать в контексте национальной внешней политики России.

Касаясь мягкости «жестких» резолюций СБ ООН, надо отметить, что основной причиной их слабости и неэффективности является ресурс прочности позиций самого Ирана, достигнутый в основном благодаря грамотной региональной политике и вторжению США в Ирак. К чему приведут неудачи США в Ираке – к уходу из региона, к новой войне с Ираном, к сближению Вашингтона и Тегерана – не может знать никто.

Глава 4. О БУДУЩЕМ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ И ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Как уже стало очевидным, дальнейшее развитие иранской ядерной программы и российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики зависит не столько от научно-технических, финансовых и иных возможностей Ирана, а также от уровня российско-иранских межгосударственных отношений, сколько от политической ситуации, сложившейся вокруг иранской ядерной программы. А ситуация эта складывается таким образом, что иранская ядерная программа на настоящий момент превратилась в большую международную политическую проблему.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на очевидные попытки иранского руководства использовать гражданскую ядерную программу в качестве определенного прикрытия возможных работ по созданию ядерного оружия, существование и развитие гражданской ядерной программы в Иране носит объективный характер, что обусловлено требованиями иранской экономики и энергетики.

Так, по данным, представленным вице-президентом ИРИ и главой ОАЭИ Р. Агазаде в 2002 году на заседании Совета управляющих МАГАТЭ, ИРИ на тот момент тратила 932,9 миллионов баррелей нефти в год для обеспечения своей потребности в энергии. С 1977 года в среднем потребление страной энергии растет в год на 6,03%, в то же время производство электроэнергии также резко возросло по сравнению с 1977 годом. Так, в 2001 году ИРИ произвела 130082,3 млн. кВт·ч электричества, вместо 19847 млн. кВт·ч в 1977 году³⁴¹.

Уровень потребления энергии внутри страны в год растет в настоящее время приблизительно на 8%³⁴². Большая часть электроэнергии в Иране вырабатывается ТЭС.

Вице-президент ИРИ Р. Агазаде в своем докладе отмечает, что ИРИ не может просто полагаться на получение энергии

из ископаемого топлива лишь на базе обладания большими ресурсами по следующим соображениям:

Первое: эти ресурсы ограничены и принадлежат всем дальнейшим поколениям народа, а их неограниченное использование является нерачительным.

Второе: использование этих ресурсов для обрабатывающих отраслей, таких как нефтехимия, позволит получить гораздо большую прибавочную стоимость.

Третье: использование внутри страны этих ресурсов в качестве топлива значительно повлияет на доходы от внешней торговли по экспорту нефти-сырца и природного газа.

Четвертое: иранское правительство выплачивает значительные косвенные субсидии на потребление топлива на местах, что налагает серьезное финансовое бремя на правительство, так как в современном ценовом механизме не покрываются даже затраты на производство и распределение этих продуктов.

И, наконец, последним и очень важным соображением являются вопросы экологической безопасности, которым уделяется большое внимание со стороны всего международного сообщества, а все страны мира поощряют соблюдение экологических стандартов для гарантии выживания Земли и ее природной среды, что соответствует международным инициативам в данной области.

Упомянутые выше соображения, согласно Р. Агазаде, делают упор на применении ископаемых видов топлива для выработки электроэнергии в Иране неразумным и недопустимым, но при этом более конкурентным становится использование новых технологий, включая ядерную технику³⁴³.

Утверждения некоторых экспертов о том, что обладающий вторыми по объемам запасами газа в мире и пятыми по объемам запасами нефти Иран не нуждается в развитии ядерной энергетики³⁴⁴, опровергаются проведенными исследованиями, согласно которым ИРИ следует иметь 10 ГВт атомных блоков к 2030 году, если она хочет поддержать на должном уровне нефтяной экспорт, являющийся важнейшей статьей дохода национального бюджета³⁴⁵.

Отметим, что нефтяной сектор Ирана находится не в очень хорошем техническом состоянии. Все 60 крупных нефтяных месторождений Ирана довольно старые и эксплуатируются уже несколько десятилетий. В период с 1979 по 1997 гг. никаких значительных инвестиций в развитие нефтяного сектора ИРИ

не сделано по причине отсутствия у страны необходимых финансовых средств. Изучение технического состояния всех 60 крупных месторождений Ирана, откуда добывается основная часть нефти, показало, что 57 из них нуждаются в дополнительном техническом оснащении, ремонте, для чего Ирану потребуется не менее 15 лет и дополнительно около 40 млрд. долларов инвестиций. С 1997 года иранские власти стараются частично открыть нефтяной сектор страны для западных, российских и китайских компаний, однако их участие в добыче иранской нефти не обеспечивает необходимого притока инвестиционных капиталов. Показательно, что по прошествии значительного периода времени после Исламской революции ИРИ не смогла достичь в добыче нефти своего дореволюционного уровня – 5,5 млн. баррелей нефти в день. И это в условиях, когда уровень потребления нефти в самом Иране по сравнению с 1980 годом вырос более чем на 280%³⁴⁶.

Если уровень потребления энергии и нефти в Иране будет и дальше расти такими темпами, то к 2010 году, по расчетам профессора Южнокалифорнийского университета М. Саими, Иран из экспортера нефти превратится в ее импортера, что станет настоящей катастрофой для страны, которая 80% валютных поступлений обеспечивает благодаря продаже нефти за рубеж³⁴⁷. Конечно, приведенные Саими данные не выдерживают практически никакой критики, так как государственные статистические данные говорят о более медленных темпах снижения иранского нефтяного экспорта. К 2010 году, безусловно, Иран продолжит оставаться одним из ведущих нефтяных экспортеров, однако иранская доля в общемировом экспорте будет постоянно снижаться.

Именно данное обстоятельство и толкает сегодня иранское руководство к развитию гражданской ядерной программы в стране, и это развитие на данном историческом этапе возможно только при иностранном участии. Обусловлено это не только тем, что у Ирана пока нет необходимых возможностей для самостоятельного строительства АЭС, хотя иранское руководство в последнее время начало уверять, что такие возможности есть: общемировые тенденции говорят о полной интернационализации мирового ядерного рынка, где (и эта тенденция все больше и больше начинает наблюдаться с каждым годом) даже ядерные государства очень часто подпускают к реализации отдельных ядерных проектов высокотехнологичные

компании других ядерных держав. Полностью независимая ядерная программа чем дальше, тем больше будет характерна исключительно для таких закрытых стран, как КНДР. Несмотря на то, что американским руководством Иран наряду с КНДР включен в единую «ось зла», ИРИ на протяжении как минимум последних 15 лет стремится к большей открытости, чем тоталитарный режим Северной Кореи. Это стремление несколько не убавилось и после победы Махмуда Ахмадинежада на президентских выборах в Иране.

Срок действия подписанной СССР и ИРИ Программы торгово-экономического и научного сотрудничества между ИРИ и СССР истек в 2000 году. Очевидно, что нынешний формат российско-иранских отношений требует подписания новой программы. Проект Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012 года был утвержден Постановлением Правительства РФ № 556 от 26 июля 2002 года, одобрен иранской стороной и ждет своего подписания.

Только в топливно-энергетической сфере эта программа предполагает в числе прочего: осуществление проекта строительства, финансирования и эксплуатации газопровода между Ираном и Индией; осуществление проекта освоения нефтяного месторождения «Хешт»; сооружение ТЭС «Табас» (2 блока по 315 МВт) с возможным расширением (2 блока по 315 МВт); строительство АЭС «Бушер – 2»; строительство новой АЭС (2 блока по 1000 МВт) на площадке «Бушер»; строительство АЭС (2 блока по 1000 МВт) на площадке «Ахваз» и т.д. Программа предусматривает также сотрудничество в других областях. Вызванное кризисом вокруг иранской ядерной программы и откладыванием визита В.В.Путина в Иран затягивание подписания нового соглашения с ИРИ отрицательно отражается не только на интересах Ирана, но и на интересах России: в течение последних лет некоторые проекты, на основе которых должны были быть подписаны российско-иранские контракты, начали привлекать иностранные инвестиции, прежде всего китайские. Например, сегодня в стадии подписания находится ирано-китайское соглашение об освоении нефтяного месторождения «Хешт».

То, что сегодня Россия фактически является монополистом на иранском рынке мирных ядерных технологий, обуслов-

лено по большей части политическими причинами, исходя из которых многие возможные партнеры Ирана отказались от сотрудничества с ним. Эти же политические причины будут иметь место и в последующее время, по крайней мере до урегулирования ирано-американских отношений или же смены правящего в ИРИ режима. А так как первое во многом обусловлено вторым и никаких намеков на осуществление второго нет, то у России в ближайшее время есть шанс на получение выгодных контрактов на строительство АЭС в Иране.

В то же самое время нынешний кризис вокруг иранской ядерной программы таит в себе определенные угрозы и интересам России. Тут речь не только о возможном применении США военной силы против Ирана. Реализация некоторых вариантов мирного разрешения иранской ядерной проблемы может не только вытолкнуть Россию с иранского ядерного рынка, но и определенным образом повлиять на позиции России в мировой энергетике.

Проблема заключается в том, что после сделанных инспекторами МАГАТЭ открытий в Иране стало ясно, что появилась объективная необходимость выработки общих усилий ведущих стран мира, направленных на недопущение превращения Ирана в ядерную державу. Так как ни США, с которыми Иран отказывается вести прямые переговоры, ни Россия не оказались подходящими переговорщиками, функции посредника мирового сообщества были возложены на ЕС. Позицию ЕС по иранской проблематике, как мы уже указали в предыдущем параграфе, обязалась представлять так называемая «евротройка» в составе Великобритании, Германии и Франции. Европа в лице «евротройки» начала переговоры с Ираном не только по ядерной проблематике, но по широкому кругу вопросов, которые условно можно разделить на проблемы, волнующие мировое сообщество: это прежде всего проблемы нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав и свобод человека, свободы СМИ и т.д.; и вопросы, имеющие важнейшее стратегическое значение для самой Европы, а также для ИРИ: налаживание торгово-экономического сотрудничества между ЕС и Ираном как механизм компенсации за отказ Ирана разрабатывать ядерное оружие.

Пакет предложений, представленный ЕС ИРИ взамен отказа последней от создания ядерного топливного цикла, по словам бывшего Секретаря Совета безопасности Ирана Х. Ро-

ухани, включал в себя признание и гарантирование территориальной целостности и независимости Ирана, включение последнего в ближневосточную региональную систему безопасности, подписание торгового соглашения между ИРИ и ЕС, а также превращение ИРИ в основного поставщика нефти и газа в Европу³⁴⁸. К этим предложениям в июне 2006 года добавилось и признание международным сообществом права Ирана на ведение работ по обогащению урана.

Рассматривая проблемы достижения соглашения между ИРИ и ЕС, а потом и между ИРИ и странами «шестерки» по ядерной проблематике, многие российские авторы – при анализе их влияния на интересы России – исходят из перспектив выталкивания российских ядерных энергетиков с иранского рынка ядерных технологий. И действительно, Иран и Европа, и даже некоторые круги в Иране и США более чем положительно смотрят на возможность сотрудничества в области строительства ядерных энергетических реакторов в Иране. С европейской стороны особую заинтересованность проявляет Франция, которая имеет надежды на возвращение в Иран, где до революции 1979 г. французы уже успели расчистить и подготовить площадку под строительство АЭС «Ахваз». Иранские власти неоднократно заявляли о заинтересованности в сотрудничестве с европейскими странами в области строительства ядерных энергетических реакторов. Нельзя сказать, что после революции ИРИ впервые стала призывать европейцев на свой ядерный энергетический рынок. Выше уже говорилось о том, что с 1985 г. Иран предпринял целый ряд неудавшихся попыток наладить сотрудничество в ядерной области с такими странами, как Германия, Италия, Швейцария, Испания и т.д., – все эти страны под нажимом США отказались от возможных сделок с ИРИ.

В своем интервью российскому журналу «Эксперт» аналитик фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*) А. Коэн говорит: «Евросоюз принял стратегическое решение о том, что Европе нужно снижать зависимость от российского газа за счет использования газа иранского – что говорится, из огня да в полымя. Почему лучше зависеть от Тегерана, чем от Москвы, я не понимаю»³⁴⁹. В Европе все-таки решили, что газовая зависимость от Тегерана не так уж страшна. Безусловно, иранский газ не заменит российский, который уже несколько десятилетий поставляется в Европу. И вопрос тут скорее не в замещении российского газа, а в поиске новых источников, иными сло-

вами – речь идет о диверсификации газовых поставок. В течение второй половины 1990-х годов разного рода обсуждения проблем энергетической безопасности Европы привели к заключению о том, что газовый фактор в обеспечении энергетической безопасности ЕС в первой половине XXI века будет играть решающее значение. Для обоснования этого заключения приведем некоторые цифры.

Согласно данным ЕС, показатели импорта газа в Европу к 2030 году могут возрасти в 2,5 раза, а согласно данным Международного Агентства Энергетики (МАЭ), в три раза³⁵⁰. Соответственно к 2030 году, согласно данным МАЭ, доля африканского газа в потреблении ЕС снизится по сравнению с 2000 годом с 33,5% до 28%, норвежского – с 25% до 17%, доля поступающего из России газа может составить не более 33%. Высокий уровень роста потребления газа делает Европу крупнейшим рынком для мировых производителей газа. И рынок этот будет непрерывно расти, в том числе и потому, что газ постепенно будет замещать нефть, запасы которой по сравнению с запасами газа исчерпаемы в недалекой перспективе. В этом свете для ЕС особое значение приобретают два вопроса: откуда и как должно поставляться в Европу необходимое количество энергоносителей, прежде всего газа?

Предполагается, что к 2030 году Россия останется крупнейшим поставщиком газа в Европу. Наряду с Россией газ в Европу будет поставляться из Северной Африки и Норвегии. По данным МАЭ, доля ближневосточного газа, который сегодня в Европу не поставляется, в европейском потреблении к 2030 году должна составить около 17%: данный процентный уровень необходим для покрытия всего потребления. Однако и в случае с Россией, и в случае с Ближним Востоком, прежде всего арабскими монархиями, Европа может столкнуться с некоторыми проблемами, имеющими в первую очередь политический характер. Постараемся обозначить главные из них.

1. *Россия*. Несмотря на имеющее место в течение последних лет значительное улучшение российско-европейских отношений, Европа не склонна допустить, чтобы Россия стала основным поставщиком газа в ЕС, усматривая в этом для себя определенную политико-экономическую опасность. Кроме того, свободных запасов российского газа явно недостаточно для того, чтобы – даже в случае готовности Европы – покрыть большую часть европейского потребления. Данный фактор ос-

ложняется тем, что в ближайшие годы Россия намерена освоить восточные маршруты экспорта своего газа, в том числе и в Китай, рост потребления в котором будет непрерывно расти, даже более быстрыми темпами, нежели в Европе. Не менее сложной является также ситуация с транзитом газа из России в Европу, так как основные газопроводы проходят по территории Украины и Белоруссии, с которыми у России сложились непростые отношения. «Газовые войны» – сначала между Россией и Белоруссией, а затем между Россией и послереволюционной Украиной – свидетельствуют о ненадежности маршрутов поставок российского газа, их зависимости от политических отношений в регионе. Украина, которая является и, даже с учетом строительства Северо-Европейского газопровода, останется основной транзитной страной на пути экспорта российского газа, еще долго будет сохранять свой проблемный транзитный статус. Внутренние противоречия в Украине по поводу внешнеполитической ориентации страны еще долго будут мешать превращению страны в надежного транзитного партнера как России, с которой связывает будущее страны часть украинской элиты, так и Запада, с которым связывает будущее – свое и страны – другая часть украинского политического истеблишмента.

2. *Ближний Восток.* Война в Ираке показала: у США и ведущих стран Европы разное видение актуальных проблем мировой политики, в том числе и политики энергетической. Взятый США курс на решение любыми средствами своих задач, в число которых входит закрепление США на Ближнем Востоке, предполагает дальнейшее одностороннее усиление позиций США в регионе. Установление на Ближнем Востоке американского нефтегазового диктата представляет угрозу для европейской энергетической безопасности, так как США будут использовать свой контроль над ближневосточными нефтью и газом в целях сохранения своего господствующего положения в мире и достижения иных политических целей. Кроме того, арабский восток и прежде всего Саудовская Аравия имеют тенденцию к дальнейшей исламизации, которая может еще больше дестабилизировать регион и отрицательно сказаться на экономиках импортеров ближневосточной нефти и газа (сжиженного). И это еще одна явная проблема для ЕС в ее планах по импорту арабского газа. В то же время сам арабский газ, сугубо по своему географическому положению, не подхо-

дит для экспорта в Европу через трубопроводы. Крупнейшая газовая арабская страна – Катар – находится почти что в закрытом географическом положении, так как ни территория Саудовской Аравии (далее – Сирии), ни территория Ирака не являются безопасными и надежными в плане строительства газопровода на Запад. С этой связи катарский газ в основном будет экспортироваться в сжиженном виде, что потребует от ЕС создания дорогостоящей инфраструктуры по ресжижению. Кроме того, энергетическая безопасность ЕС будет и дальше зависеть от политической ситуации в районе Ормузского и Суэцкого каналов.

По-иному обстоит дело с Ираном. Главные преимущества Ирана, по сравнению с его арабскими соседями, – политическая стабильность и самостоятельность, наличие огромных свободных запасов газа, аналогичное европейскому стремление к независимой глобальной энергетической политике. Иран для Европы является уникальной страной-поставщиком хотя бы потому, что эта страна, обладая вторыми по объемам запасами газа в мире, пока этот газ никуда не экспортирует. Газопровод Иран-Армения еще не сдан в эксплуатацию, а газопровод Иран-Пакистан-Индия имеет определенные шансы не реализоваться в свете особо сильного давления на Пакистан со стороны его стратегического партнера – США, а также начавшегося в июле 2005 года потепления в американо-индийских отношениях³⁵¹.

Политическая обстановка вокруг Ирана для Европы, можно сказать, подходящая, так как доступ американских конкурентов на иранский рынок априори закрыт, а Россия не имеет столько средств и технологий, чтобы наладить полномасштабную добычу иранского газа. Кроме того, сами иранцы не склонны допускать российские газовые компании на свой рынок, о чем можно судить по неудавшимся попыткам «Газпрома» прийти к конструктивному соглашению с Ираном по месторождению Южный Парс.

ЕС, вне всякого сомнения, хочет с Ираном договориться как по проблеме ядерной программы, так и по проблемам торгово-экономического сотрудничества. В отличие от США, которые взяли курс на свержение нынешнего иранского режима, ЕС договорится с любым ведущим независимую энергетическую и внешнюю политику Ираном – теократическим, диктаторским или демократическим. Опыт достижения договоренностей

с «вражескими» странами у Европы есть. Стоит вспомнить хотя бы то, как ФРГ в свое время договорилась с СССР по вопросам импорта советского газа. А СССР для Западной Европы был реальной, а не, как ИРИ, мнимой угрозой. Хотя за примером, может быть, и не надо было так далеко ходить: сам диктаторский и намного более недемократический шахский Иран до революции был одним из основных партнеров Европы в нефтяной сфере.

Абстрагируясь от стереотипов, созданных в основном антииранской пропагандой США, можно констатировать, что из ближневосточных мусульманских стран именно Иран наиболее близок к нормальному неагрессивному восприятию европейских ценностей. И это относится не только к прогрессивной части иранской интеллигенции, но и к высокопоставленным иранским клерикалам, часто по политическим соображениям использующим в своих проповедях и выступлениях антизападные лозунги. Ресурс дальнейшего укрепления ценностей, «понятных» Западу, в Иране огромен, так как эти ценности распространены в основном среди иранской молодежи, которая составляет около 2/3 населения страны.

Наряду с этим Иран, в отличие от его арабских соседей, уже 28 лет тому назад пережил Исламскую революцию и установление теократического режима. Как показала история, радикализма в политике исламского Ирана было не больше, чем в политике его арабских соседей – прежде всего светских саддамовского Ирака и Саудовской Аравии, а также Пакистана. Конечно, этот тезис может показаться достаточно спорным, в особенности с учетом агрессивных заявлений нового иранского президента Махмуда Ахмадинежада. Однако заявления эти надо рассматривать именно в политическом контексте, и делаются они с целью достижения конкретных внутри- и внешнеполитических целей. Антиизраильские и антиамериканские заявления в ИРИ звучали всегда, однако это никогда не мешало проповедующим уничтожение США и Израиля – если не на следующий день, то через какое-то время – вести вполне вменяемые переговоры с американцами и даже с израильтянами.

Иранский шиизм был и останется серьезным противником, препятствующим полномасштабному распространению суннитского исламского фундаментализма в регионе. Сдерживающая и контролирующая роль шиитского Ирана со временем – с дальнейшим усилением позиций исламского фундамента-

лизма и арабского национализма, возможным провалом строительства стабильного светского государства в Ираке – будет возрастать. Иранский светский национализм и религиозный радикализм в идеологическом плане исходят из схожего принципа: избранности и особенности Ирана и его веры. Если в случае с национализмом основой утверждения избранности является великое персидское культурное наследие, то в случае с религиозным радикализмом – особый иранский шиитский ислам. Так или иначе, и националистам, и клерикалам Иран видится в сообществе ведущих государств мира, с которыми иранский народ имеет все права и основания сотрудничать. Эти государства – ведущие страны Запада, а не отсталое и в иранском представлении лишенное исторического и культурного наследия (в представлении клерикалов – исповедующее неправильный ислам) арабское и иное мусульманское окружение Ирана.

Представляется, что Европа в чем-то должна быть заинтересована в сохранении нынешнего иранского режима, так как режим этот продемонстрировал достойную уважения политическую жизнестойкость, а также способность более или менее стабильного развития в тяжелых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях. А чем стабильнее режим, тем стабильнее пойдет ход реализации энергетических проектов в данной стране. Это истина, известная с самого первого дня появления нефтегазового фактора в мировой политике.

Как бы парадоксально это ни звучало, но именно ядерные амбиции Тегерана могут решить для Европы вопрос о том, откуда получить необходимое количество углеводородов. «Уговорив» Иран отказаться от военных ядерных разработок, ЕС выторгует себе моральное право на предоставление Ирану компенсаций в виде налаживания торгово-экономического и политического сотрудничества. Не случайна, безусловно, первоначально довольно спокойная реакция европейских столиц на избрание в Иране нового президента-консерватора. При нем позиция Ирана по переговорам с «евротройкой», а потом и с «шестеркой» стала более жесткой: Иран начал требовать больших уступок от европейской стороны взамен отказа от реализации проектов по созданию замкнутого ядерного топливного цикла. Эти уступки, в совокупности с определенными гарантиями безопасности, ЕС будет предоставлять Ирану с полной готовностью, так как они будут непосредственно касаться проек-

тов сотрудничества в энергетической и политической сферах. Более того, договоренности, достигнутые с новым президентом ИРИ Ахмадинежадом, обладающим доверием духовных властей Ирана и появившимся на посту президента не без соответствующих политических согласований среди консервативных кругов, будут иметь больше шансов на реализацию, не останутся на бумаге. В случае с Хатами, имевшим разногласия с духовным лидером Ирана аятоллой А. Хаменеи, любые договоренности могли не получить одобрения как Хаменеи, так и надпарламентского и надправительственного Наблюдательского совета, состоящего из 12 аятолл, а следовательно, остаться нереализованными.

Очень важной в свете достижения договоренности ЕС с иранским правительством по газовому вопросу является проблема транзита этого газа. Вопрос этот имеет также важнейшее геополитическое значение.

Для России, однако, особую опасность представляет не только то, что в скором времени иранский газ может стать ее конкурентом на европейском рынке. Опасность заключается в том, что возможная газовая труба из Ирана в Европу может внести кардинальные изменения в политическую и экономическую конфигурацию регионов, по которым эта труба может пройти. Тут особую важность представляет проект альтернативного турецкому маршрута строительства газопровода из Ирана в Европу через территорию СНГ.

Транзит иранского газа:

турецкий маршрут и членство Турции в ЕС

Одной из важнейших проблем геополитики энергоносителей является проблема организации их транзита в страны потребления. Данная проблема весьма актуальна для Европы, потому как основная часть нефти сегодня на европейский рынок поступает с территории нестабильного Ближнего Востока. Закрепление США в данном регионе с помощью военной интервенции в Ирак еще больше осложнило положение Европы, потому что начавшиеся процессы в Ираке непосредственно грозят стабильности Ближнего Востока и Персидского залива.

Однако не менее сложно обстоят дела и с проблемой транспортировки иранского газа в Европу. События последних двух лет могут внести серьезные корректировки в проекты га-

зопроводов из Ирана в Европу. Речь идет о «бархатных революциях» в Грузии и Украине, смене внешнеполитического курса Молдовы, а также провале референдумов по принятию европейской конституции во Франции и Нидерландах.

Неутверждение Евроконституции во Франции и Нидерландах поставило под сомнение перспективы дальнейшего расширения Европейского союза. Сегодня находится под вопросом вступление в ЕС государств, членство которых в ЕС казалось довольно реальным на ближайшую перспективу. Однако более всего от «нет» Евроконституции может пострадать Турция, с которой уже год назад начались переговоры об условиях вступления в ЕС. Многие в Европе, в особенности широкие слои общества, высказывают непонимание по поводу необходимости принятия Турции в ЕС. Совокупность возможных отрицательных последствий евроинтеграции 70-миллионной мусульманской Турции поистине велика, так в чем же целесообразность вступления Турции в сообщество европейских государств? Ответ на данный вопрос постараемся найти именно в русле изучения проблем энергетической безопасности Европы.

Турция соседствует со странами, которые обладают 71,8% мировых запасов газа и 72,2% мировых запасов нефти³⁵². Нестабильность в Ираке, курдский вопрос, напряженные отношения с Сирией существенно омрачают преимущества географического расположения Турции. Однако с точки зрения Ирана это преимущество все же кажется неоспоримым. Турция является самыми оптимальными воротами для транзита иранского и туркменского (через Иран) газа в Европу. Более того, Турция обладает огромными возможностями для прокачки каспийских нефти (в том числе и казахской) и газа на средиземноморское побережье, доказательством чего могут служить пуск дорогого нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а также быстрые темпы строительства газопровода Баку-Эрзрум. Положение Турции – в плане ее транзитных возможностей – уникальное, и прежде всего с точки зрения интересов Европы, а не США, для которых по большому счету нет разницы: загружать нефтяные танкеры в средиземноморском порту или же в каком-нибудь ближневосточном. Европа в отличие от США рассматривает Турцию не только с позиций нефтяного транзита, но и транзита газового, для которого маршрут пролегания трубопровода имеет важнейшее значе-

ние. Именно уникальное географическое расположение Турции наряду с необходимостью установления «контроля» над достаточно своеобразной региональной политикой этой страны, а также распространения на нее системы общеевропейских «правил игры», делает необходимым, по представлению европейских стратегов, интегрирование Турции в европейские политические структуры, в том числе и ЕС.

Вступление Турции в ЕС не только приблизит границы Европы к иранским границам, но укрепит позиции самого Ирана в вопросе продажи газа Европе. Иран не склонен рассматривать Турцию в качестве своего независимого посредника в деле продажи газа в Европу, что было продемонстрировано им неоднократно. Стоит вспомнить, например, довольно критическую позицию Ирана по поводу проекта «Набугоданоср», предполагающего организацию перепродажи иранского и туркменского газа Турцией в Европу. Давняя конкуренция между Турцией и Ираном за региональное влияние и иные исторические особенности ирано-турецких отношений склоняют Иран к тому, чтобы он имел дело непосредственно с ЕС. Приближение ЕС к иранским границам сулит ИРИ и другие выгоды, касающиеся широких аспектов торгово-экономического сотрудничества. Сама независимая Турция, подписавшая даже Берлинское соглашение по транзитам, в иранском представлении не может быть достаточно надежным партнером для того, чтобы дать ей в руки ключи от «новой иранской цивилизации»³⁵³.

Неудачи Евроконституции, решение многих европейских столиц вынести вопрос вступления Турции в ЕС на референдум делают перспективы евроинтеграции Турции достаточно сомнительными, что непосредственно бьет по планам ЕС установить прямой энергетический диалог с Ираном. Дальнейшая маргинализация турецкого общества, находящегося вне европейской цивилизации и с каждым годом все более подверженного тенденциям исламизации, может отрицательно сказаться на транзитных перспективах Турции.

«Бархатные революции». Новая транзитная дорога

Однако наряду с уменьшением перспектив вступления Турции в ЕС на протяжении последних двух лет произошло несколько событий, имеющих важнейшее значение для будущего энергетической безопасности Европы, так как они в совокупно-

сти могут открыть новый европейский путь к иранским и туркменским энергоносителям. Перечислим эти события:

1. революция в Грузии и приход к власти прозападного президента;

2. революция на Украине, приведшая к власти прозападного президента и поставившая под вопрос преобразование трубопроводных систем Украины в совместную российско-украинскую собственность;

3. смена политического курса молдавского руководства, по своему значению сравнимая с революциями в Грузии и на Украине.

Революции в Грузии и на Украине, резкая смена внешнеполитического курса, проводимого правительством Молдовы, основательным образом изменили политический расклад сил на территории бывшего Советского Союза. Данные революции имеют, кроме геополитического, еще и важнейшее геоэкономическое значение. Изучение географии имевших место на территории постсоветских государств «революций» приводит к интересным заключениям: благодаря им прорезывается новая европейская нетурецкая магистраль к иранской границе. Магистраль эта состоит из следующих звеньев: Молдова-Украина-Грузия. Недостающими звеньями остаются Армения и/или Азербайджан. Долгожданное соглашение по строительству газопровода Иран-Армения, кажется, дает ответ на вопрос, какое именно звено будет использовано для завершения европейско-иранской магистрали. На это, в частности, указывает и выказанная ЕС готовность участвовать в строительстве газопровода Иран-Армения, в особенности, если стороны согласятся удлинить газопровод – пока что до Грузии. Нельзя сказать, что Иран и ЕС только сейчас оценили возможности нового маршрута экспорта иранского газа в Европу. Однако именно сейчас в свете установления в Грузии и на Украине прозападных и антироссийских режимов стала возможной реализация проекта газопровода Иран-Европа, и Россия в новых региональных политических условиях не вполне состоятельна повлиять на позиции Грузии и Украины по данному вопросу.

Особенно интересна политика новых грузинских и украинских властей по вопросам, касающимся транспортировки и покупки иранского газа. В данном вопросе и грузинский лидер М. Саакашвили, и украинский президент В. Ющенко склонны играть скорее проевропейскую игру, заключающуюся в обосно-

вании целесообразности улучшения отношений с Ираном, нежели игру проамериканскую, направленную на дальнейшую блокаду ИРИ. Иран был одной из первых стран, которую посетил новый грузинский президент, хотя с этой страной у Грузии нет ни сухопутной, ни морской границы, ни сколько-нибудь значимых торгово-экономических отношений. Укажем, что Э. Шеварднадзе ни разу Иран не посетил, несмотря на неоднократные приглашения М. Хатами.

6 июля 2004 г. М. Саакашвили прибыл в Тегеран, где провел переговоры с президентом ИРИ М. Хатами и с духовным лидером Ирана А. Хаменеи. Стороны договорились создать ирано-грузинскую комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству. По итогам визита президента Грузии в Тегеран грузинский министр энергетики Н. Гилаури заявил, что стороны договорились об условиях поставок иранского газа в Грузию. Министр иностранных дел Грузии С. Зурабишвили в сентябре 2004 г. отметила, что Грузии нравится идея строительства газопровода Иран-Армения-Грузия, с перспективой его дальнейшего удлинения.

Особенно интенсивно «окно в Иран» прорубает Украина. 24 февраля 2005 г. президент Украины В. Ющенко на встрече со спецпредставителем Ирана по вопросам Каспия М. Сафари заявляет о своем скором визите в Иран, во время которого будут обсуждаться вопросы, касающиеся проблем нефтегазового сотрудничества между двумя странами, а также перспектив организации транзита иранского газа. Вся вторая половина 2005 года была отмечена частыми встречами иранских и украинских руководителей, а также заявлениями премьер-министра Украины Ю. Тимошенко о необходимости замещения российского газа иранским. И, наконец, в сентябре 2005 г. Ющенко на своей встрече с иранским лидером М. Ахмадинежадом подтвердил желание своей страны начать газовый диалог с Ираном, а также обсудить перспективы транзита этого газа в Европу через Украину. Внутриполитическая нестабильность на Украине, безусловно, замедлит проекты получения иранского газа, если, конечно, работы по налаживанию контактов не будут интенсифицированы европейской стороной.

Итак, пришедшие к власти – в том числе благодаря финансовой и иной поддержке США – новые власти Грузии и Украины в газовом вопросе проводят далеко не проамериканскую политику, очевидно, рассчитывая на финансовую и политиче-

скую поддержку ЕС. Такую политику Грузия и Украина ведут, по всей вероятности, не без подсказок из ведущих европейских столиц, неформально закрепленных в качестве требований для интеграции этих постсоветских государств в ЕС.

Европу, скорее всего, проблема диверсификации поставщиков газа в Грузию и Украину мало волнует. Она рассматривает стремление Грузии и Украины сократить газовую зависимость от России в качестве основы для превращения этих стран в газотранзитные. Примечательно, что ЕС, на протяжении последних 10 лет твердящий о необходимости закрытия АЭС в Армении и налаживания производства электроэнергии на ТЭС и ГЭС, в течение последнего года через свои аналитические и иные структуры высказывает мнение о целесообразности строительства в Армении новой АЭС, в 3 раза мощнее уже действующей (речь идет об установлении французского реактора PRW-1300) и способной покрыть значительную часть потребности Армении и Грузии в электроэнергии. Такая позиция ЕС, скорее всего, обусловлена стремлением прокладки газопровода Иран-Европа с минимальным количеством «дырок» в Армении и Грузии.

В свое время, сменив «Итеру» в качестве основного поставщика газа в Армению, «Газпром» начал вести в республике более активную политику, направив свои усилия на недопущение строительства газопровода Иран-Армения с таким диаметром трубы, который сделал бы газопровод транзитным. Частичный успех «Газпрома» в 2006 году в Армении, результатом которого стало пока еще неофициальное решение Армении о передаче армянского участка газопровода России, вызвало весьма раздраженную реакцию иранской стороны. Однако передача армянского участка газопровода России может лишь частично затормозить проекты строительства более широкого газопровода. Или же просто переориентировать Иран на использование территории Азербайджана для вывода своих газопроводов в Грузию и к Черному морю. А в Азербайджане, как известно, ресурсы российского влияния намного более ограничены, чем в Армении.

Станным образом в газовом вопросе сегодня интересы США и России должны совпадать. Реализация проекта газопровода Иран-Армения-Грузия-Украина-Европа может свести на нет политический вес лоббируемых США трубопроводов Баку-Джейхан и Баку-Эрзрум, стать основой усиления пози-

ций Ирана на постсоветском пространстве и в европейской экономике.

Положение России не менее сложное. Было бы ошибкой считать, что газопровод Иран-Европа ударит прежде всего по экономическим интересам России. Урон от газопровода будет в первую очередь политическим, заключающимся, в частности, в окончательной дезинтеграции Грузии и Украины из постсоветского политического пространства, где они вынуждены оставаться ввиду газовой зависимости от России. Но это не означает, что Россия должна встать в жесткую оппозицию проекту газопровода. Политика России по данному вопросу должна быть выстроена грамотно и тонко и исходить из реальности, согласно которой Россия ни политическим, ни иным путем не в состоянии сколь-либо помешать реализации газопроводного проекта, хотя такие попытки и делаются. Речь идет о давлении на Армению, направленном на отказ последней от участия в данном проекте, которое благодаря американскому информационному сопровождению в армянских СМИ и выступлениям армянской прозападной оппозиции становится причиной всплеска антироссийских настроений в обществе.

Безусловно, существует вероятность того, что строительство газопровода не состоится. Это произойдет в случае, если ИРИ и ЕС не придут к согласию по ядерной проблематике и ряду проблем торгово-экономического сотрудничества.

В июне 2006 года газовый фактор еще один раз стал частью общей проблемы иранской ядерной программы. Вызвано это было тем, что посетивший Саммит ШОС в Шанхае президент Ирана во время переговоров с российским президентом поднял вопрос о более тесном сотрудничестве России и Ирана в газовой сфере. Президентом Ирана, в частности, было заявлено: «Мы (Россия и Иран – С.С.) можем тесно сотрудничать как с точки зрения определения цены на газ, так и основных потоков в интересах глобальной стабильности»³⁵⁴.

То, что иранской стороной переговоры о сотрудничестве в области газовой промышленности были инициированы именно в июне и именно в Шанхае, может говорить о следующем:

1. учитывая почти очевидное стремление России играть одну из главных ролей в мировой энергетике, Ахмадинежад демонстрирует, что: а) Иран России не соперник; б) получив доступ к иранским месторождениям, «Газпром» станет крупным игроком и на Ближнем Востоке; в) Иран может заполнить

межгосударственное сотрудничество с Россией реальным экономическим содержанием;

2. в то же самое время Иран дает понять России и Китаю, что у него есть с чем – в экономическом плане – прийти в ШОС. Речь в данном случае идет о том, что Иран вряд ли станет политическим и проблемным «придатком» в ШОС.

Тонкая иранская «игра в ШОС» инициирована с учетом безусловного осознания иранским руководством того факта, что ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе ИРИ в эту организацию принята не будет. Однако все пакеты предложений, с которыми Иран идет в Шанхайскую организацию, призваны еще больше заинтересовать российские и китайские власти в содействии сохранению Ирана в его нынешнем виде и минимизации возможности введения санкций в отношении ИРИ.

Так или иначе, неоднократные посещения Ирана, участие в конференциях и общение с иранцами – специалистами, чиновниками, простыми гражданами – показало, что большая часть представителей вышеперечисленных слоев населения является сторонниками так называемой «европейской», но не «азиатской» игры. Особо сильно это наблюдается в столице, вне зависимости от возрастного ценза, уровня образованности и даже социального положения. Разница в том, что каждая возрастная или социальная группа имеет свои аргументации дружбы и восстановления отношений с Западом. Иранская молодежь, на манер советской, полусвободно или подпольно приобщается к западной массовой культуре, лица старшего поколения в основном с особой ностальгией вспоминают шахские более благополучные времена, когда Иран был союзником США, значительная часть антирежимно настроенной интеллигенции видит в данном режиме самые отрицательные черты восточной системы управления и любое внутреннее реформирование осмысливает в категориях западного образца политических и экономических преобразований.

Формат переговоров Иран-«евротройка», возникший в 2003 году и трансформировавшийся в Иран-«шестерка» в 2006 году, позволяет Ирану вести политику, ориентированную на достижение взаимовыгодных договоренностей с европейской стороной и даже с США. В самих США немало сторонников установления прямых контактов с Ираном, и эти сторонники не обязательно являются критиками политики администрации Дж. Буша. Сторонников ирано-американского сближения немало в республиканских кругах.

Все это в совокупности говорит о том, что если разрешение иранского ядерного кризиса не состоится с помощью оружия, то в ирано-западных отношениях в скором времени наступит некий качественно новый этап.

Нельзя сказать, что в данном контексте и Россия, и Китай могут пострадать от своей «адвокатской» политики по защите прав Ирана в вопросе развития его ядерной программы и по недопущению реализации военного сценария разрешения иранского ядерного кризиса.

Так или иначе, безусловным является то, что современные российско-иранские отношения переживают один из самых важных периодов. 2006–2007 гг., вне всякого сомнения, внесут свои изменения в региональное и международное положение Ирана. Сценарии развития ситуации вокруг ИРИ и ее ядерной программы весьма ограничены. Этих сценариев, в целом, всего лишь два: война и мир. Нынешнее положение «ни войны, ни мира», которое имеет место в Иране с периода Исламской революции, дальше, безусловно, продолжаться не может.

Об отрицательных последствиях американского вторжения в Иран для России и говорить не приходится. Хотя сторонники вульгарно-прагматичного подхода могут небезосновательно говорить о том, что в случае войны цены на нефть взлетят вверх, доходы России увеличатся, вырастет Стабилизационный фонд и т.д. Проблема тут не в отношении сторонников такого подхода к Ирану. Тут вопрос уже отношения этих людей к России и ее возможному месту в мировой и региональной политике.

Что касается мирного сценария разрешения иранского ядерного кризиса, то те изменения, которые может такое разрешение внести в положение Ирана, будут не менее существенными для национальных интересов России. «Открытие» Ирана внешнему миру, его вступление в ВТО, начало реализации крупных нефтегазовых проектов с европейской стороной, как мы уже указали, могут ударить по интересам России не только в Европе, но и на территории бывшего Советского Союза.

Все это не говорит о том, что России выгодно нынешнее положение ни мира, ни войны. Единственное, что необходимо России, – это определение приоритетности иранского направления в своей внешней политике и увеличение присутствия в экономических и политических процессах вокруг Ирана. Ведь в скором времени России необходимо будет защищать не Иран, а себя и свои собственные национальные интересы.

Приоритетность иранского направления в российской внешней политике на ближневосточном направлении должна исходить из того, что Иран – ключевая страна региона. Можно отчасти согласиться с точкой зрения, согласно которой тот, кто будет контролировать Иран, будет контролировать весь «расширенный» Ближний Восток³⁵⁵. Понятно, что нынешней России не по силам «контролировать» такую страну, как 72-миллионный Иран, да такая постановка вопроса, в принципе, не совсем правильна. Суть вопроса заключается в необходимости «привязывания» процессов вокруг Ирана к целому спектру процессов, касающихся достижения внешнеполитических и внешнеэкономических целей России.

Россия не должна ставить свои отношения с ИРИ в зависимость от проблемы иранского политического режима. Так или иначе, смена режима в Иране (если она вообще будет иметь место) займет определенное время, и на сегодняшний день кажется маловероятным, что в ИРИ установится такой новый строй, который будет придерживаться полноценно удовлетворяющей интересы США политики³⁵⁶. Самое же существенное, чтобы России был отведен один из важных участков иранской дороги в Европу, в особенности в той ее части, которая касается энергоресурсов.

Безусловно, Россия не заинтересована в приобретении Ираном ядерного оружия, так как оно будет угрожать интересам и безопасности России не меньше, чем интересам и безопасности любого другого соседа ИРИ. Необходимо учитывать, что при гипотетической смене политической власти в ИРИ на враждебный России режим угрозы безопасности РФ, с учетом наличия ракетно-ядерного оружия у Ирана, резко возрастает³⁵⁷. Следует также учитывать, что «не в меньшей, чем любая другая политика, а иногда и большей мере, ядерная политика несет на себе отпечаток личности того или иного государственного деятеля. Политико-психологические параметры военно-стратегического баланса в ядерной сфере имеют особое значение. Именно психология как отдельных государственных и военных лидеров, так и психологические особенности тех «малых групп» высших эшелонов власти, в которых могут приниматься решения на применение ядерного оружия, на приведение в боевую готовность соответствующих сил и средств, относительно тех или иных заявлений или других жестов, связанных с ядерным оружием, в определенных ситуациях может

оказаться решающей»³⁵⁸. Понятно, что Россия должна сделать все, чтобы ее безопасность по возможности меньше зависела от психологических и моральных качеств нынешних и будущих руководителей соседних с Россией государств, и недопущение распространения ОМП в соседних с РФ регионах – лучшее средство достижения этой цели.

Директор Второго департамента Азии МИД России Г.А. Ивашенцев считает, что для России стратегически важно то, «чтобы от Ирана не исходило никаких угроз ее национальной безопасности»³⁵⁹. Возможность создания Ираном ядерного оружия надо рассматривать именно в контексте тех угроз, которые это оружие будет иметь для национальной безопасности России. Следует указать, что так же, как ядерное оружие Израиля и Пакистана провоцирует Иран думать о получении своего ядерного арсенала, так и получение Ираном ядерного оружия подведет многих региональных соседей Ирана к мысли о необходимости получения своей атомной бомбы³⁶⁰.

А дальнейшее «расползание» ядерного оружия по Ближнему Востоку представляет для России особую опасность.

Именно осознание такой опасности и должно стать основой российской политики в отношении ядерной программы Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование призвано внести вклад в изучение как самой иранской ядерной программы, так и ядерного фактора в российско-иранских отношениях, ядерной ситуации в сопредельных с Россией и Ираном регионах Ближнего Востока и Южной Азии, проблем действующего международного режима нераспространения.

Ядерная ситуация на Ближнем Востоке и в Южной Азии, в частности наличие ядерного оружия у таких стран, как Израиль, Пакистан и Индия, помимо того, что представляет собой реальную угрозу действующему режиму нераспространения ядерного оружия, коренным образом влияет на безопасность других, неядерных государств данных регионов, в том числе и Ирана, подталкивая их к мысли о необходимости создания собственных видов оружия массового поражения.

В то же время иранская ядерная программа имеет довольно длинную историю, и ее начало обусловлено теплыми отношениями между шахским Ираном и США, которые не только не препятствовали Ирану в начале национальной ядерной программы, но и оказывали ему нужную поддержку, фактически превратившись в основного ядерного партнера Ирана. Ирано-американское сотрудничество в области ядерной энергетики до падения шахского режима по своим масштабам не уступало нынешнему уровню российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере. Оно даже включало возможность создания в Иране ядерного топливного цикла, наличие которого является одним из необходимых факторов в деле самостоятельного создания государством собственного ядерного оружия.

Что касается России, то Иран является важным партнером России в регионе Ближнего Востока и Персидского залива, и сотрудничество в ядерной сфере находится в центре российско-иранского межгосударственного взаимодействия. Однако ядерный фактор породил ряд проблем в российско-иранских отношениях, а также во взаимодействии различных российских государственных структур, имеющих рознящееся видение пре-

делов и целесообразности сотрудничества России с Ираном в ядерной сфере. На протяжении 1990-х гг. Минатом России предпринял ряд попыток в обход действующего российского законодательства, а также международных правовых норм наладить с Ираном сотрудничество в чувствительных областях, могущих иметь военные цели или последствия. Большая часть попыток была пресечена. Избрание В.В. Путина на пост президента РФ, а также последующая централизация российской политической системы, выразившаяся, в частности, в реформировании российского правительства и Минатома, позволили России выработать более конструктивную политику в отношении ядерной программы Ирана.

На ядерный фактор в российско-иранских отношениях на протяжении последних 10 лет влиял другой фактор – отношение США и Израиля к иранской ядерной программе и российско-иранскому сотрудничеству в ядерной сфере. Американский и израильский фактор по большому счету вносил отрицательные элементы в российско-иранские отношения. Вместе с тем позиция США в 1995 году не позволила Минатому России в обход МИД РФ и МО РФ организовать поставки в Иранобогащенных установок, а также наладить там добычу природного урана.

В книге показано, что на современном этапе российско-иранские отношения имеют все шансы перехода на качественно новый уровень. Вызвано это тем, что проблема иранской ядерной программы, помимо военного, имеет и вполне реальный вариант мирного разрешения, что приведет к новым реалиям в отношениях Иран-Запад. Для России, сделавшей энергетическую политику одной из ключевых составляющих внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности, налаживание полномасштабного ирано-европейского экономического взаимодействия чревато появлением крупного конкурента на европейском газовом рынке.

Именно такая перспектива будет служить объективной основой вовлечения России в процессы вокруг Ирана и его ядерной программы.

Примечания

¹ То, что арабские соседи Израиля начали разрабатывать химическое оружие, можно объяснить прежде всего отсутствием необходимой научно-технической и производственной базы для создания намного более сложного в технологическом плане и более наукоемкого ядерного оружия.

² Договор о нераспространении ядерного оружия. – МАГАТЭ. Вена, 01 июня, 1967 г.

³ Idid.

⁴ См.: The Military Balance 2006, IISS. The Oxford University Press.

⁵ Тиммербаев Р.М. Ближний Восток и атомная проблема // Ядерный контроль. – 2004, № 3 (69). Том 9. С. 32.

⁶ Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003. С. 55–56.

⁷ Арабаджян А.З. Сверхдержавы и ИРИ // Иран: Ислам и власть: Сб. науч. тр. /Отв. ред. Н.М. Мамедова, Мехди Санаи. – М., 2001. С. 166.

⁸ См. Pakistan joins US in attacking Iran over support for terror // Daily Telegraph, 24.01.2005.

⁹ Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives/ Ed. by G.Kemp. – Washington, DC., March 2004. С. 54.

¹⁰ Cirincione J., Wolfsthal J., Rajkumar M. Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. – Washington, DC.: CEIP, 2002. С. 264.

¹¹ Братерский М.В. Иран и арабские страны: традиционный конфликт и роль США // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. № 11. С. 81.

¹² Примечательно, что в иранской научно-аналитической литературе высказываются достаточно критические мысли о возможности создания целостного арабского государства, основанного на этническом принципе. Фактическая гражданская война в Ираке показывает, что этнического политического единства порой невозможно достичь даже в отдельно взятой арабской стране, не говоря об арабском мире в целом. Конечно же, разделенность иракских арабов на шиитов и суннитов не может быть основной причиной внутрииракской разобщенности. Как и во многих других арабских странах, внутриэтнические противоречия проявляются здесь также на уровне сектантских, племенных, социальных, региональных различий. Поддержка Ирака со стороны ряда арабских государств во время ирано-иракской войны только в самую последнюю очередь была обусловлена тем, что

Ирак – арабская страна. Поддержка Саддама Хусейна была обусловлена прежде всего необходимостью обеспечения нераспространения теократической Исламской революции на светские и монархические государства мусульманского мира. Так что в будущем, и это довольно четко обосновывается в иранской научно-аналитической литературе, Иран вряд ли может столкнуться с противостоянием единого арабского фронта.

¹³ Мюллер Х. Почему бомба? Ядерные воображалы Иран и Северная Корея // *Internationale Politik*. – 2004. № 1. С. 88.

¹⁴ Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003. – С. 126.

¹⁵ «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения». Открытый доклад СВР РФ. – 1993 г.

¹⁶ Сирионсоне Дж., Уолфстел Дж., Раджкумар М. Израиль // Ядерное распространение. – 2003. – Вып. 47. – С. 94.

¹⁷ Подробнее на тему царившего в кабинете Бен-Гуриона относительно пессимизма по отношению перспектив реализации планов развития ядерных технологий и инфраструктуры см. *Raviv D., Melman Y. Every Spy a Prince*. – Boston.: Houghton Mifflin, 1990. С. 69.

¹⁸ Solingen E. The Domestic Sources of Regional Regimes: The Evolution of Nuclear Ambiguity in the Middle East // *International Studies Quarterly*. – 1994. – Vol. 38, № 2. С. 319.

¹⁹ Тимербаев Р.М. Ближний Восток и атомная проблема // Ядерный контроль. – 2004. № 3 (69). Том 9. – С. 16–17.

²⁰ Впоследствии Франция превратилась в одного из основных критиков политики Израиля на Ближнем Востоке. Более того, уже в 1970-е гг. французы начали активно помогать странам, в политике которых националистические и антиизраильские мотивы, по крайней мере формально, занимали одно из ключевых мест. Именно благодаря интенсивной помощи Франции был создан иракский ядерный центр в Озиреке, впоследствии разрушенный налетом израильской военной авиации.

²¹ См. *Former Official Says France Helped Build Israel's Dimona Complex* // *Nucleonics Week*, 16.10.1986. – С. 6.

²² Cordesman A. Weapons of Mass Destruction in the Middle East. – Washington, DC.: CSIS, 2001. – С. 31.

²³ Cohen A. Israel and the Evolution of US Nonproliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968) // *The Nonproliferation Review*. – Winter 1998. – Vol.5, № 2. – С. 4.

²⁴ Справедливости ради надо сказать, что США не обязаны были давить на Израиль, так как последний развивал свою ядерную программу изначально с помощью Франции, а потом и вполне самостоятельно, а не на основе знаний и технологий, передаваемых со стороны США.

²⁵ Цит. по: Тимербаев Р.М. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы // Национальная и глобальная безопасность. Научные записки ПИР-Центра. – 2004. – № 1 (25). – С. 17.

²⁶ Cohen A. Israel and the Evolution of US Nonproliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968) // *The Nonproliferation Review*. – Winter 1998. – Vol.5, № 2. – С. 7.

²⁷ Cohen A. Israel and the Evolution of US Nonproliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968) // *The Nonproliferation Review*. – Winter 1998. – Vol.5, № 2. – С. 8.

²⁸ Cohen A., Graham T. An NTP for Non-Members // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2004. – Vol. 60, № 3. – С. 40.

²⁹ Новиков И.А. Оружие Массового Поражения Государства Израиль. Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.О. Филоник. – М.: ИИИБВ, 2004. – С.209.

³⁰ Впоследствии неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой сами США организовали хищение 100 кг обогащенного урана со своего же завода с целью его передачи израильской стороне.

³¹ «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения». Открытый доклад СВР РФ. – 1993 г.

³² *The London Sunday Times*, 05.10.1986.

³³ Cordesman A. Weapons of Mass Destruction in the Middle East. – Washington, DC.: CSIS, 2001. – С. 33.

³⁴ Albright D. India's and Pakistan's Fissile Material and Nuclear Weapons Inventories, end of 1999. – ISIS, 11.10.2000. Available on www.isis-online.org.

³⁵ Хмелинец С. М. Ядерная программа Исламской Республики Пакистан. ИИИБВ // www.iimes.ru.

³⁶ См.: Шилин А. Эскалация вооружений в Южной Азии / Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы // Научные записки ПИР-центра. – 2001. – № 17. – С. 36–61.

³⁷ Хмелинец С. М. Ядерная программа Исламской Республики Пакистан. ИИИБВ // www.iimes.ru.

³⁸ Тимербаев Р.М. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность / Проблемы распро-

странения и нераспространения в Южной Азии: Состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 17. – С. 15.

³⁹ Хмелинец С. М. Ядерная программа Исламской Республики Пакистан. ИИИБВ // www.iimes.ru.

⁴⁰ А.К. Хан как ученый сыграл незначительную роль в развитии ядерной науки в Пакистане. Его основная «заслуга» – хищение технологий обогащения урана из Европы (документация технологии обогащения урана была украдена на заводе «Амело» консорциума «УРЕНКО»). С этой точки зрения, вполне обоснованно А.К. Хана можно назвать самопровозглашенным «отцом» пакистанского ядерного оружия.

⁴¹ Новиков В.Е. Пакистан: исламская бомба. Специальное приложение к сборнику Ядерное Распространение. 2000. Выпуск 2. – С. 9.

⁴² Тимербаев Р.М. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность / Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: Состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 17. – С. 15.

⁴³ Новиков В.Е. Утечки ядерных технологий из Пакистана – подтверждение кризиса международного режима нераспространения ядерного оружия // Ядерный контроль. – 2004. № 2 (72). Том 10. – С. 95.

⁴⁴ Блинов А. Блэру понравился ливийский нефтегаз // Независимая газета, 26.03.2004.

⁴⁵ Мушарраф готовится решать судьбу доктора Хана // www.iranatom.ru – 28.01.2004.

⁴⁶ REN-TV. – 02.02.2004.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Так, например, было обнаружено, что общая сумма махинационных сделок Хана только с одной Ливией составила более 100 млн. долларов.

⁴⁹ Создатель пакистанской атомной бомбы сознался в передаче технологий другим странам // Известия, 02.02.2004.

⁵⁰ Hersh S. The Iran Game // The New Yorker, 03.12.2001. – P. 43–45.

⁵¹ См. Kampani G. Second Tier Proliferation. The Case of Pakistan and North Korea // The Non-Proliferation Review. – Fall-Winter 2002. – Vol. 9, № 3. – С. 107–116.

⁵² Ситуация с передачей ядерных секретов учеными Пакистана третьим странам // РИА «Новости». 08.02.2004.

⁵³ Сатановский Е.Я. Мир после иракской войны // Ядерный контроль. – 2003. № 3 (69). Том 9. – С. 89.

⁵⁴ См.: Новиков В.Е. Утечки ядерных технологий из Пакистана – подтверждение кризиса международного режима нераспространения

ядерного оружия // Ядерный контроль. – 2004. № 2 (72). Том 10. – С. 101.

⁵⁵ Тот же источник сообщил, что после испытания пакистанского ядерного оружия в 1998 году, доктор Хан стал самым охраняемым человеком в Пакистане. Кортёж охраны доктора Хана лишь незначительно уступал кортежу президента страны. Дом пакистанского ученого охранялся и охраняется как важнейший стратегический объект. С учетом этого есть все основания полагать, что «лелеющее» доктора Хана государство должно было иметь достоверную информацию о заграничных передвижениях пакистанского ученого, его контактах, беседах и т.д.

⁵⁶ Goheen Robert Problems of Proliferation: US Policy and The Third World // World Politics. – 1983. – Vol.35, № 2. – С. 195.

⁵⁷ В 1963 году было установлено сотрудничество в ядерной сфере между Индией и США, результатом чего явилось подписание индо-американского соглашения о строительстве американцами на территории Индии 2 ядерных реакторов (район Тарапур). Ввиду отсутствия необходимых средств у индийского правительства американское Агентство международного развития выделило Дели грант на 78 млн. долларов для финансирования проекта.

⁵⁸ Тимербаев Р.М. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность / Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: Состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 17. – С. 6.

⁵⁹ Хоми Баба погиб в авиакатастрофе в начале 1966 года.

⁶⁰ Тимербаев Р.М. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность / Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: Состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 17. – С. 8.

⁶¹ Французские ядерщики даже поздравили своих индийских коллег с успешным испытанием ядерного оружия.

⁶² Нынешнюю иранскую угрозу для Израиля хотя и нельзя отнести к арабскому фактору, но вполне можно отнести к общей угрозе радикального исламизма.

⁶³ Cortright David & Mattoo Amitabh Eilte Public Opinion and Nuclear Weapons Policy in India // Asian Survey. – 1996. – Vol.36, № 6. – P. 556

⁶⁴ Тимербаев Р.М. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы // Национальная и глобальная безопасность. Научные записки ПИР-Центра. – 2004. – № 1 (25). – С. 8.

⁶⁵ Свержение Моссадыка было организовано не без участия американского ЦРУ и британского МИ6. Неприязнь к Моссадыку со стороны США и Великобритании была обусловлена двумя факторами, составляющими основу политики правительства Моссадыка: национализация иранской нефтяной промышленности и «заигрывание» с СССР. Причем национализация иранской нефтяной промышленности стала переломным моментом в истории британского доминирования в ближневосточной нефтедобыче. Потерявшая свои позиции в Иране Англо-Иранская Нефтяная Компания вскоре была переименована в British Petroleum. После организованного с помощью американцев свержения Моссадыка британцы вернулись в Иран, однако уже в качестве участника конгломерата, состоящего из целого ряда западных компаний. После Исламской революции в Иране ВР сделала ряд попыток участия в совместных нефтяных проектах на территории Ирана, однако большая их часть окончилась провалом, в том числе и из-за критической позиции США. Хотя история мало когда развивается по одному и тому же сценарию, однако следует ожидать, что ВР, в случае смены нынешнего иранского политического режима, вернется в Иран, как и после свержения правительства Моссадыка, только в тандеме с США и их нефтяными гигантами.

⁶⁶ В выступлениях аятоллы Хомейни и его последователей было неоднократно заявлено, что США хотели превратить Иран в своего «жандарма в регионе».

⁶⁷ *Quillen Ch.* Iranian Nuclear Weapons Policy: Past, Present, and Possible Future // *Middle East Review of International Affairs*. – 2002. – Vol. 6, № 2. – С. 17.

⁶⁸ *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // *Научные записки ПИР-Центра*. – 2001. – № 18. – С. 5, 7.

⁶⁹ Там же. С. 4.

⁷⁰ 93%-я степень обогащения урана – это почти уровень обогащенного урана оружейного качества. После дополнительного незначительного обогащения этот уран может быть использован для создания ядерного оружия. Однако в то время американцев это, видимо, не волновало.

⁷¹ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 127.

⁷² *Блинов А.* Иранский атом придумали Чейни, Рамсфелд и Вулфовиц // *Независимая Газета*. 29.03.2005. № 61 (3457).

⁷³ *Евстафьев Д.* Иранская атомная программа и судьбы ДНЯО // *РИА «Новости»*. 31.03.2005.

⁷⁴ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 127.

⁷⁵ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 132.

⁷⁶ Иранская сторона неоднократно заявляла, что после достройки российской стороной АЭС в Бушере Ахваз станет следующей площадкой, на которой Иран развернет строительство новых энергетических реакторов. В российской, иранской и даже французской прессе в течение 2004–2005 гг. можно было встретить сообщения о готовности иранской стороны вовлечь французов в Ахвазский проект и готовности французов принять иранское предложение.

⁷⁷ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 128.

⁷⁸ *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // *Научные записки ПИР-Центра*. – 2001. – № 18. – С. 5.

⁷⁹ *Sober S.* The US and Iran, an Increasing Partnership. Available on www.sedona.net/pahlavi/us-iran.html.

⁸⁰ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 146.

⁸¹ *Ермаков С. М.* Перспективы развития вооруженных сил Ирана // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 92.

⁸² *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // *Научные записки ПИР-Центра*. – 2001. – № 18. – С. 39.

⁸³ *Cordesman A, Burke A.* The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. – Washington DC.: CSIS, 2004. – С. 74.

⁸⁴ *Ibid.* С. 74.

⁸⁵ *Sahimi M.* Iran's Nuclear Program. Available on <http://www.iranwatch.org>

⁸⁶ *Ibid.*

⁸⁷ *Chubin Sh.* Iran's Security in the 1980s. – *International Security*. – 1973, vol.2, № 3. – С. 72.

⁸⁸ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 129.

⁸⁹ *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // *Научные записки ПИР-Центра*. – 2001. – № 18. – С. 6.

⁹⁰ Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons. – Washington, DC.: CSIS, 2000. – С. 5.

⁹¹ Там же. С. 7.

⁹² Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 18. – С. 7.

⁹³ Головачев А.В. Ядерная программа Ирана // на сайте Института изучения Израиля и Ближнего Востока www.iimes.ru – 2004.

⁹⁴ Задонский С.М. – Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 5–6.

⁹⁵ Более подробно смотри: Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества// Научные записки ПИР-Центра. – 1998. – № 8. – С. 5.

⁹⁶ Cordesman A, Burke A. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. – Washington DC.: CSIS, 2004. – С. 76.

⁹⁷ Ibid. С. 76.

⁹⁸ Бушерская АЭС 6 раз подверглась бомбардировкам иракскими ВВС во время ирано-иракской войны – 24 марта 1984, 12 февраля и 5 марта 1985, 12 июля 1986 и дважды в ноябре 1987. Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Facilities: a Profile. – CNS, Monterey, 1998. – С. 1.

⁹⁹ Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 18. – С. 7.

¹⁰⁰ Задонский С. М. – Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 71.

¹⁰¹ Речь не идет об А.К. Хане и его возможных пособниках из государственных структур.

¹⁰² *Iran's Nuclear Weapons Options: Issues and Analysis*/ Ed. by Kemp G. – Washington, DC.: The Nixon Center, January 2001. – С. 11.

¹⁰³ *Iran's Nuclear Weapons Options: Issues and Analysis*/ Ed. by Kemp G. – Washington, DC.: The Nixon Center, January 2001. – С. 28.

¹⁰⁴ Perkovich G. Dealing with Iran's Nuclear Challenge. – Washington, DC.: CEIP, 2003. – С. 5.

¹⁰⁵ Симптоматично, что уже к 2004 году, когда было обнаружено наличие засекреченной программы по обогащению урана в Иране, многие европейские страны высказались за свободное сотрудничество с Ираном в ядерной сфере, если последний частично ограничит себя в своих ядерных исследованиях. Готовность европейцев начать сотрудничество с Ираном была обусловлена прежде всего тем, что США «завязли» в иракской войне и это существенно ограничило возможности американской политики давления на европей-

ские страны с целью пресечения ирано-европейских ядерных контактов. Говорит это, к сожалению, об обусловленности европейской политики научно-технического сотрудничества с иностранными государствами в ядерной сфере не соображениями предотвращения распространения ядерного оружия, а конкретной политической конъюнктурой.

¹⁰⁶ Задонский С. М. – Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 84–85.

¹⁰⁷ Лата В., Хлопков А. Иран: ракетно-ядерная загадка для России // Ядерный контроль. – 2003. № 2 (68). Том 9. – С. 41.

¹⁰⁸ Bill J. The Politics of Hegemony: The United States and Iran // Middle East Policy. – 2001. – Vol. VIII, № 3. – С. 94.

¹⁰⁹ Katzman K. Iran: Arms and Weapons of Mass Destruction Suppliers // US Congress report RL30551. – 2003. – С. 14.

¹¹⁰ Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 18. – С. 7.

¹¹¹ Kan Sh. China and Proliferation of Weapons of Mass Destruction and Missiles: Policy Issues// US Congress report RL31555. – 2003. – С. 7.

¹¹² Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons. – Washington, DC.: CSIS, 2000. – С. 8.

¹¹³ Посещение нами Исфаханского центра по исследованию и производству ядерного топлива, деятельность которого МАГАТЭ просит Иран приостановить, показало, что значительная часть оборудования Центра – китайского происхождения. Работу конкретных установок контролируют молодые иранские специалисты, которые легко и профессионально разбираются в инструкциях установок, написанных на китайском языке. Наличие владеющих китайским иранских молодых физиков и механиков может говорить о том, что иранские кадры имели возможность пройти определенную, пусть даже краткосрочную подготовку в КНР.

¹¹⁴ Ермаков С. М. Перспективы развития вооруженных сил Ирана // Иран в современном мире. – М.: РИСИ, 2003. – С. 94.

¹¹⁵ Иранская сторона объявила, что основной причиной того, что ИРИ не включила информацию о наличии центрифуг П2 в доклад о ядерной деятельности, представленный МАГАТЭ в 2003 году, было ограниченное время для подготовки доклада. Этот аргумент иранская сторона представила также и в середине 2004 года, когда были обнаружены мощности по конверсии урана в Исфахане.

¹¹⁶ Group: Iran's Nuke Program Growing // The Associated Press. 15.08.2002.

¹¹⁷ Есть мнение, что это не мешает правительству США активно использовать данную террористическую группу в борьбе с нынешним исламским режимом в Иране. Активные контакты с данной группой имел также и Саддам Хусейн во время ирано-иракской войны, когда обеими сторонами широко использовалась практика организации диверсий на территории противника.

¹¹⁸ *Iran confirms building new nuclear facilities*// Iran Press Service, 14.12.2002.

¹¹⁹ *Khatami says Iran mines uranium for nuclear plant* // Reuters, 09.02.2003.

¹²⁰ *IAEA cuts short inspections of Iran's nukes*// World Tribune, 24.02.2003.

¹²¹ *Iran Uranium Facility Seen Onstream in Few Weeks*// Reuters, 04.03.2003.

¹²² *No Pakistan support to Iran's N-plan: US*// Dawn, 12.03.2003.

¹²³ *The Future Security Environment in the Middle East. Conflict, Stability, and Political Change* / Ed. by Bensahel N., Byman D. – Santa Monica.: RAND Corporation, 2004. – С. 39.

¹²⁴ Положительное значение иранской системы «сдержек и противовесов» особо наглядно продемонстрировали события, последовавшие за победой Махмуда Ахмадинежада в президентских выборах 2005 года. Несмотря на все его старания, ему не было позволено самостоятельно сформировать состав иранского правительства, на ключевые посты которого при поддержке Ахмадинежада стремились попасть некоторые иранские ультраправые. Заявлений антисемитского характера самого Ахмадинежада, правда, было достаточно для возрождения негативного образа Ирана во внешнем мире, преодоленного во многом благодаря усилиям достаточно утопической, но все же политкорректной концепции «диалога цивилизаций» М.Хатами. Однако в то же время, и это очевидно для специалистов, занимающихся Ираном, Ахмадинежад в основном проваливает попытки внедрения своих ультраконсервативных взглядов в сферу общественной, политической и экономической жизни ИРИ.

¹²⁵ После избрания Махмуда Ахмадинежада президентом ИРИ при Совете по определению целесообразности принимаемых решений, возглавляемом бывшим иранским президентом и конкурентом Ахмадинежада на президентских выборах 2005 года А.А. Хашеми-Рафсанджани, была создана Контрольная палата, которая призвана ограничить свободу действий экономического блока правительства Ахмадинежада. Созданная для реализации конкретных политических

задач, Контрольная палата тем не менее сделает Совет по определению целесообразности принимаемых решений еще более влиятельной структурой в Иране.

¹²⁶ *Daniel B., Chubin Sh., Ehteshmi A., Greene J. Iran's Security Policy in the Post-Revolutionary Era.* – RAND, 2001. – С. 21–22.

¹²⁷ *Eisenstadt M. Living with a nuclear Iran?* // Survival. – 1999. – Vol. 41, № 3. – С. 131.

¹²⁸ Цитируется по: *Cordesman A. Iran's Military Forces in Transition: Conventional Threats and Weapons of Mass Destruction.* – Westport, CT: Praeger., 1999. – С. 234.

¹²⁹ *Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives*/ Ed. by G.Kemp. – Washington, DC., March 2004. – С. 51–67.

¹³⁰ Н.Хадиян, являясь профессором Тегеранского университета, опубликовал данную статью в США, в которой указывается на наличие в Иране групп, стремящихся к тому, чтобы ИРИ создала ядерное оружие. Н.Хадиян продолжает преподавать в Тегеранском университете, против него правительством не принято никаких санкций. Данное обстоятельство говорит не в пользу США, которые утверждают, что в ИРИ нет свободы слова, а клерикалы терроризируют свой народ. Для сравнения скажем, что до того, как была разоблачена израильская военная ядерная программа, в Израиле действовало неофициальное табу на тему обсуждения национальной ядерной программы, в том числе и на академическом уровне.

¹³¹ Такая точка зрения поддерживается и некоторыми чинами Министерства нефти Ирана. Данное министерство – одно из ключевых иранских государственных учреждений. Оно не только обеспечивает значительную часть иранского валютного дохода, но и является ключевой структурой, влияющей на внутренний политический процесс. Так называемые «новые шахи» в Иране вышли из стен Министерства нефти или организаций, прямо или косвенно делающих бизнес, связанный с работой нефтяного ведомства. Именно за контроль над этим министерством Махмуд Ахмадинежад развернул свою борьбу после победы на выборах. Борьба эта, в общем и целом, закончилась для него незначительным успехом.

¹³² Во время посещений Ирана у нас создалось впечатление, что представители данной группы умышленно стараются выглядеть популистами и маргиналами. То, что к выходу из ДНЯО и к созданию ядерного оружия призывают в основном представители академических кругов – преподаватели, студенты и т.д., – невольно наводит на мысль об искусственности всех этих призывов, а

также на то, что иранская власть специально инициирует подобного рода призывы с целью представления мировому сообществу «истинных» радикалов, которые призывают стать ядерной державой, голос которых, однако, не слышим миролюбивым иранским правительством.

¹³³ Исследование динамики появления заявлений о необходимости выхода Ирана из ДНЯО показывает, что такие заявления носят отчасти чисто пропагандистский характер и призваны всего-навсего показать внешнему миру, что в Иране есть силы, которые готовы вывести страну из сферы международно-правового регулирования нераспространения ядерного оружия. Иначе говоря, мировое сообщество, занимая «неконструктивную» позицию по иранской ядерной программе, может заставить Иран пойти по корейскому пути развития своих отношений с ДНЯО. Данный подход, и мы вынуждены это отметить, временами оказывал влияние на позицию международного сообщества.

¹³⁴ *Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives/* Ed. by G.Kemp. – Washington, DC., March 2004. – С. 51–67.

¹³⁵ См.: *Iran's Nuclear Options: Issues and Analyzes/* Ed. by Kemp. – Washington, – January 2001. – С. 41.

¹³⁶ Ibid. С. 41–46.

¹³⁷ *Балуджи Г.А.* О ядерном выборе Ирана // *Ядерный контроль.* – 2003. № 4. – С. 56.

¹³⁸ *Iran's Nuclear Options: Issues and Analyzes/* Ed. by Kemp. – Washington, – January 2001. – С. 43.

¹³⁹ *Jame'eh*, 27.04.1998.

¹⁴⁰ *Tarzi A.* The Role of WMD in Iranian Security Calculations: Dangers to Europe // *Middle East Review of International Relations.* – 2004. – Vol. 8, № 3. – С. 99.

¹⁴¹ *Сажин В.И.* 2004. Война против Ирака и проблема нераспространения ядерного оружия. Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке. – М.: ИИИБВ, 2004 – С. 149.

¹⁴² *Takeyh R.* Iran's Nuclear Calculations // *World Policy Journal.* – Summer 2003. – Vol. 20, № 2. – С. 23.

¹⁴³ *Поллак К.* Как сделать Персидский залив безопасным? // *Россия в глобальной политике.* – 2003. № 4. Том 1. – С. 132.

¹⁴⁴ Более подробно см.: Mehdi Khalaji. Miscommunication between Iranian Society and the West on Iran's Nuclear Program // *PolicyWatch* 1078, Washington Institute for Near East Policy. – February 10, 2006.

¹⁴⁵ *Сажин В.И.* 2004. Война против Ирака и проблема нераспространения ядерного оружия. Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке. – М.: ИИИБВ, 2004. – С. 150.

¹⁴⁶ В данном случае не так уж и важно, действовал ли А.К. Хан самостоятельно или нет. Центральный вопрос – утечка технологий обогащения урана из Пакистана в Иран имела место.

¹⁴⁷ *Elaine Sciolino & Katrin Benhold.* Chirac Strays From Assailing a Nuclear Iran // *The New York Times*, 01.02.2007.

¹⁴⁸ *Стенограмма* ответов Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на вопросы российских и зарубежных СМИ по итогам переговоров с министром иностранных дел Ирана К.Харрази в Тегеране 10 октября 2004 г. // Департамент информации и печати МИД РФ. – 11 окт. 2004.

¹⁴⁹ Цитируется по: *Алиев С. М.* Два направления во внешней политике Ирана // *Иран. Очерки новейшей истории: Сб науч. тр. /* Под ред. А.З. Арабаджяна. – М., 1976. – С. 413.

¹⁵⁰ Лидер Исламской революции аятолла Хомейни называл СССР «малым сатаной».

¹⁵¹ *Iran, 25 years later. A GLORIA Center Roundtable Discussion // Middle East Review of International Affairs.* – 2004. – Vol. 8, № 2. – С. 26.

¹⁵² Цитируется по: *Бининашвили А.М.* Влияние внешнего фактора на развитие ситуации в Иране // *Иранская революция. Причины и уроки: Сб. науч. тр. /* Под ред. А.З. Арабаджяна. – М., 1989. – С.151.

¹⁵³ Цитируется по: *Кулагина Л.М.* – Общая оценка внешней политики ИРИ // *Иранская революция. Причины и уроки: Сб. науч. тр. /* Под ред. А.З. Арабаджяна. – М., 1989. – С.447.

¹⁵⁴ *Задонский С. М.* Политическая личность в Исламской Республике Иран // на сайте Института Изучения Израйля и Ближнего Востока www.iimes.ru. – 27 сент. 2002.

¹⁵⁵ *Арабаджян А.З.* ИРИ-СССР // *Иранская революция. Причины и уроки: Сб. науч. тр. /* Под ред. А.З. Арабаджяна. – М., 1989. – С. 441.

¹⁵⁶ *Шебаршин Л.В.* Россия не воюет с исламом. Независимое военное обозрение НГ. – 1999. № 42. – 29 октября 1999.

¹⁵⁷ Эти настроения, впрочем, по своему размаху значительно уступали антиамериканским настроениям.

¹⁵⁸ *Акбари А.Р.* Осмотрительность безопасности и сотрудничество Ирана и России // *Аму-Дарья.* – 2001. № 8. – С. 88.

¹⁵⁹ *Ноурузи Н.* Встреча Ирана и Турции в Средней Азии и на Кавказе // *Аму-Дарья.* – 2000. № 5. – С. 120.

¹⁶⁰ Ноурузи Н. Встреча Ирана и Турции в Средней Азии и на Кавказе // Аму-Дарья. – 2000. № 5. – С. 120–121.

¹⁶¹ Вартамян А.М. Об основах региональной стратегии ИРИ в Закавказье // Ближний Восток и современность. – 2003. – Вып. XX. – М.: ИИИБВ – С. 6.

¹⁶² Freedman R. Russian-Iranian Relations in the 1990s // Middle East Review of International Affairs. – 2000. – Vol. 4, № 2. – С. 66–67.

¹⁶³ Дабы оценка политики А. Козырева не была голословной, приведу выжимку из статьи ведущего американского эксперта, директора «Центра Никсона» Д.Саймса, опубликованную в журнале «Международная жизнь»: «Я помню разговор между Никсоном и Козыревым, на котором я присутствовал. Этот разговор был в 1991 или 1992 году в здании МИД. Когда Никсон попросил Козырева очертить для него национальные интересы новой России. И Козырев ему сказал: вы знаете, господин Президент (он обращался к Никсону, как обращаются в Америке к Президенту, отслужившему свой срок), что одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заикливались на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общенациональных ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен / .../. Когда мы вышли и сели в машину, он спросил меня, что я думаю о Козыреве. Я ему сказал, что, безусловно, он человек, благожелательно относящийся к Соединенным Штатам, но я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет, и что на каком-то этапе это может привести к взаимным проблемам. Последовала пауза, после которой Никсон сказал: «/ .../ этот / .../ когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек». Саймс Д. 1997 год прошел без драматичных потрясений // Международная жизнь. – 1997. № 11–12. – С. 16–17.

¹⁶⁴ Freedman R. Russia and the Middle East: Primakov Era // Middle East Review of International Affairs. – 1998. – Vol. 2, № 2. – С. 1.

¹⁶⁵ Golan G. Russia and Iran. A Strategic Partnership? – London, 1998. – С. 4.

¹⁶⁶ Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Совершенно секретно, 1999. – С. 202–203.

¹⁶⁷ Достаточно вспомнить, что за несколько месяцев до отставки Козырева, 30 июня 1995 года, состоялось подписание Председателем

правительства РФ В.С. Черномырдиным и Вице-президентом США А. Гором секретного соглашения, фактически предусматривающего свертывание продаж российского оружия Ирану.

¹⁶⁸ Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Совершенно секретно, 1999. – С.185.

¹⁶⁹ По меньшей мере о странности некоторых стратегических антиназовских схем говорит то, что довольно часто в едином антиназовском союзном блоке, который рисуется в воображении некоторых российских «стратегов», оказывались и оказываются союзниками такие региональные соперники, как Иран и Ирак, Китай и Индия. В 2005 году очередной возможный антизападный блок общественности был представлен в составе России, Турции, Ирана и Сирии.

¹⁷⁰ Сажин В.И. Россия и Иран: проблемы стратегической перспективы // Ближний Восток и современность. – М.: ИИИБВ, 1997. – Вып. 4. – С. 262.

¹⁷¹ Жириновский В.В. Перспективы развития российско-иранских взаимоотношений. – М.: ЛДПР, 1999. – С. 11.

¹⁷² Очевидно, что размышления о достижениях «иранского политико-экономического реформирования», о снятии противоречий между «русофильством и исламом» благодаря сотрудничеству России и Ирана говорят о незнании автором брошюры как минимум: а) политико-экономической ситуации в Иране и социального положения большей части населения; б) особо непривлекательном положении шиитского ислама в преимущественно суннитском мусульманском мире и, следовательно, невозможности «снятия» каких-либо противоречий между «русофильством и исламом» благодаря сотрудничеству с Ираном.

¹⁷³ Жириновский В.В. Перспективы развития российско-иранских взаимоотношений. – М.: ЛДПР, 1999. – С. 21–22.

¹⁷⁴ Более подробно см.: Зобов А. Безопасность России, Иран и американские санкции // Специальное приложение к сборнику Ядерное распространение. – 2001. – Вып. 1. – С. 15–16.

¹⁷⁵ Последовательное наблюдение за характером американских обвинений в адрес Тегерана показывает, что после американского вторжения в Ирак в 2003 году общий содержательный характер американских обвинений, предъявляемых Ирану, изменился: в выступлениях американских руководителей значительно снизилось количество оценок места и роли Ирана в регионе посредством терминов демократии и защиты прав и свобод граждан. Спровоцированная среди прочего и политикой экспорта демократии гражданская война в Ира-

ке, а также неудачи американской военной кампании в этой стране определенным образом отразились на информационной и пропагандистской работе Америки против Ирана. Определяющими обвинениями, выдвигаемыми против Ирана сегодня, являются: Иран желает создать ядерное оружие, хочет уничтожить Израиль, убивает американских солдат.

¹⁷⁶ *Freedman R.* Putin and the Middle East // *Middle East Review of International Affairs*. – 2002. – Vol. 6, № 2. – С. 2.

¹⁷⁷ Удивительно, но факт: Иран никогда не поддерживал чеченский сепаратизм, в отличие от Турции и Пакистана, по крайней мере, в отличие от определенных групп и организаций Турции и Пакистана. Это, конечно, тема для отдельного исследования, но хотелось бы отметить, что чеченское сепаратистское движение иранской элитой мало когда воспринималось как национально-освободительная война. Более того, многочисленные факты говорят о том, что Иран рассматривал чеченских боевиков как агентов турецкого и американского влияния, направленного на отторжение Северного Кавказа от России, в чем Иран не был заинтересован. Обусловлено это осознанием истины «свято место пусто не бывает», а Иран видел в Турции и США те силы, которые могли бы занять это «святое» и «пустое» место. История показывает, что в иранской политике очень часто принцип исламской солидарности уступает место принципам «real politik». Так было с Чечнёй, так было и с Нагорным Карабахом, где симпатии иранцев были на стороне христиан-армян, а не мусульман-азербайджанцев.

¹⁷⁸ *Арунова М.Р.* РФ-ИРИ. Политический диалог: 1999–2000 гг. // *Иран: Ислам и власть: Сб. науч. тр. /Отв. ред. Н.М. Мамедова, Мехди Санаи.* – М., 2001. – С. 191.

¹⁷⁹ См., например, *Куртов А.А.* Иран и проблема Каспия // *Иран в современном мире: Сб. науч. тр. / РИСИ.* – М.: РИСИ, 2003. – С. 49–87; *Sander Hansen.* Pipeline Politics: The Struggle for Control on Eurasian Energy Resources. – CIEP, Hague, 2003; *A Great Game No More: Oil, Gas and Stability in the Caspian Sea Region:* Ed. by D. Dettke. – Washington, DC, 1999.

¹⁸⁰ Отметим, что после подписания сепаратных соглашений с Азербайджаном и Казахстаном по вопросу раздела дна Каспийского моря России не следует особо настаивать на подписании пятистороннего соглашения. По странному стечению обстоятельств сегодня России должно быть выгодно сохранение нерешенных проблем в формате Азербайджан-Иран-Туркменистан, так как эти проблемы частично

тормозят освоение ряда спорных морских месторождений. А это, в свою очередь, частично уменьшает темпы экономического и военно-политического вовлечения Запада в регион Каспия и даже Центральной Азии.

¹⁸¹ *Cohen A., Phillips J.* Countering Russian-Iranian Military Cooperation // *The Heritage Foundation Backgrounder*. – 2001. – № 1425. – April 5. – С. 4.

¹⁸² *Maleki A., Afrasiabi K.L.* Iran's Foreign Policy After 11 September // *The Brown Journal of World Affairs*. – Winter/Spring 2003. – Vol. IX, Issue 2. – С. 6.

¹⁸³ *Rubin M.* What are Iran's Domestic Priorities? // *Middle East Review of International Affairs*. – 2002. – Vol. 6, № 2. – С. 28.

¹⁸⁴ *Freedman R.* Putin and the Middle East // *Middle East Review of International Affairs*. – 2002. – Vol. 6, № 2. – С. 3.

¹⁸⁵ *Сафранчук И.* Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // *Научные записки ПИР-Центра*. – 1998. – № 8. – С. 9.

¹⁸⁶ *Михайлов В.Н.* Домыслы и факты о сотрудничестве России и Ирана в области мирного использования атомной энергии // <http://www.iss.niit.ru>

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Скорее всего, на решение иранской стороны не строить АЭС на месте Бушерской площадки повлияло и то, что Бушер соседствует с арабонаселенными территориями Ирана. В период ирано-иракской войны Иран был вынужден держать эти территории под особым контролем, так как было известно, что Саддам Хусейн вел активную работу по пробуждению националистических чувств среди иранского арабского населения. После свержения режима Саддама Хусейна в Ираке сепаратистские настроения в арабонаселенных районах Ирана не пошли на убыль. Ряд источников говорит о том, что арабские террористы в течение 2004–2005 гг. организовали до нескольких десятков акций устрашения против местных чиновников, преимущественно персов по национальности. Иранская сторона неоднократно заявляла, что британцы, войска которых расквартированы в районе Басры, ведут активную работу по подрыву стабильности в южных районах Ирана, заселенных арабами.

¹⁸⁹ *Задонский С. М.* – Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 35.

¹⁹⁰ *Новиков В.Е.* Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // *Иран в современном мире*. – М.: РИСИ, 2003. – С. 133.

¹⁹¹ Реакторы типа ВВЭР традиционно строят парными.

¹⁹² Кучеренко В. Как много замыслов в иранском поле // Российская газета, 12.03.2001.

¹⁹³ Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра. – 1998. – № 8. – 10.

¹⁹⁴ Зобов А. Безопасность России, Иран и американские санкции // Специальное приложение к сборнику Ядерное распространение. – 2001. – Вып. 1. – С. 29.

¹⁹⁵ Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? // The Nonproliferation Review. – Fall 1997. – Vol. 5, № 1. – С. 127.

¹⁹⁶ Российской стороной изначально была поставлена задача максимально использовать хранившееся на иранских складах немецкое оборудование. Была проведена большая работа по оценке этого оборудования. Большая его часть находилась в хорошем состоянии, но на него отсутствовала документация, и в дело восстановления нужной документации и инструкций были вовлечены российские заводы и научно-исследовательские учреждения, что, соответственно, отняло определенное (значительное) время.

¹⁹⁷ Более подробно о технических причинах задержек завершения работ см.: Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 18. – С. 13.

¹⁹⁸ Козлов В. Перспективы российского атомного экспорта // Ядерный контроль. – 2003. № 3. – С. 123.

¹⁹⁹ См., например, *Tehran Times*, 24.12.2004.

²⁰⁰ Михайлов В.Н. Минатом и международное сотрудничество // Ядерный контроль. – 1999. № 2, Том 44. – С. 65.

²⁰¹ Стажеров тренируют на настоящей АЭС // <http://www.vesti.ru> 09.01.2004.

²⁰² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // официальный сайт Президента России www.kremlin.ru

²⁰³ В соответствующем параграфе книги мы обратились к вопросу о том, что американцы оказывали помощь в подготовке иранских национальных кадров до Исламской революции 1979 года. Понятно, что даже если бы у шахского Ирана была программа по созданию ядерного оружия, в чем признался первый руководитель ОАЭИ Акбар Этемад, американцы на это, грубо говоря, закрывали глаза. По-

нятно, что это было обусловлено тем, что шахский Иран был надежным союзником США. Однако внимания заслуживает тот факт, что, несмотря на то, что многие специалисты из Ирана после революции уехали, иранским атомуромом сегодня руководят в основном люди, получившие образование в США. С этой точки зрения, можно сказать, что американская помощь по подготовке иранских национальных кадров вышла американцам боком: возможно, что сегодня иранскую бомбу делают дипломированные в США иранские ученые. Все это говорит о том, насколько часто государства, закрывающие глаза на распространение ядерного оружия в лояльных по отношению к ним странах, становятся жертвами своей политики «тонкого расчета».

²⁰⁴ Тимербаев Р.М. Ближний Восток и атомная проблема // Ядерный контроль. – 2004. № 3 (69). Том 9. – С. 24.

²⁰⁵ Михайлов В.Н. Минатом и международное сотрудничество // Ядерный контроль. – 1999. № 2. Том 44. – С. 65.

²⁰⁶ В 1993 году инспекторами МАГАТЭ были осуществлены проверки в трех крупнейших иранских научно-исследовательских ядерных центрах, в которых, по утверждению США и Израиля, осуществлялись отдельные элементы ядерной программы. После соответствующих проверок МАГАТЭ официально заявило, что не обнаружено «никакой деятельности, которая бы противоречила заявлениям Ирана об исключительно мирных целях ядерной программы страны».

²⁰⁷ Фишер Д. Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову // Ядерный контроль. – 1995. № 6. – С. 20–21.

²⁰⁸ Einhorn R., Samore G. Ending Russian Assistance to Iran's Nuclear Bomb // *Survival*. – 2002. – Vol. 44, № 2. – С. 53.

²⁰⁹ Задонский С. М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 34.

²¹⁰ Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире. – М.: РИСИ, 2003. – С. 137.

²¹¹ Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире. – М.: РИСИ, 2003. – С. 134.

²¹² Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра. – 1998. – № 8. – С. 10.

²¹³ Может быть использован для наработок, которые имеют, в том числе, и военный характер.

²¹⁴ К 1995 году Иран не имел работающих АЭС, в которых после соответствующей переработки этот уран мог быть использован. Соответственно, покупка 2000 т. урана могла быть вызвана необходимостью его использования в немирных целях.

²¹⁵ Фундаментальные знания в области ядерной физики могут быть использованы в организации проектов, могущих иметь военный характер.

²¹⁶ Добыча урана и организация его переработки с помощью центрифужного обогащения являются одними из ключевых звеньев замкнутого ЯТЦ, который может служить необходимой базой для создания ядерного боезаряда на основе обогащенного урана.

²¹⁷ Мельников Ю.М., Фролов В.М. Иранский вопрос во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона // *Международная жизнь*. – 1995. № 7. – С. 21.

²¹⁸ Golan G. Russia and Iran. A Strategic Partnership? – London, 1998. – С. 31.

²¹⁹ Ядерное сотрудничество с Ираном. Взгляд с Ордынки // *Природа*. – 1995. № 8. – Интервью доступно на сайте <http://www.iss.niit.ru>

²²⁰ Там же.

²²¹ Golan G. Russia and Iran. A Strategic Partnership? – London, 1998. – С. 32.

²²² *Ibid.*

²²³ Минатом РФ думает о самообеспечении // *Независимая газета*. 24.06.1997.

²²⁴ См. статью: Кто из россиян не давал Западу забыть про себя? // *Комсомольская правда*, 10.03.1998. № 45.

²²⁵ Айнхорн Р., Сеймур Г. Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы // *Ядерный контроль*. – 2002. № 4. – С. 39.

²²⁶ После ареста Е. Адамова в Швейцарии по запросу американской прокуратуры в мае 2005 года в ряде средств массовой информации прозвучала версия, что Адамов был арестован в том числе и из-за организации нелегальных поставок в Иран ядерного оборудования и технологий. Однако в обосновании санкции на арест ничего про Иран нет и не может быть, так как, если незаконные поставки и имели место, они не могут быть регулируемы американским законодательством, и американский суд российского руководителя за эти поставки не может привлечь к уголовной ответственности.

²²⁷ Издаётся крупнейшей российской негосударственной организацией, занимающейся проблемами ядерного нераспространения – ПИР-Центром. В научный совет журнала входят ведущие российские специалисты, ученые и политики, занимающиеся проблемами атомной энергетики, вооружений и ядерного нераспространения.

²²⁸ Суриков А.В., Сутягин И.В. Россия должна попытаться привязать к себе Иран // *Ядерный контроль*. – 1995. № 7. – С. 15.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Открытый доклад СВР РФ. – 1993 г.

²³¹ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Открытый доклад СВР РФ. 1995 г.

²³² Цитируется по: Freedman R. Russian-Iranian Relations in the 1990s // *Middle East Review of International Affairs*. – 2000. – Vol. 4, № 2. – С. 66–67.

²³³ ИНТЕРФАКС, 9.08.2004.

²³⁴ Кириенко заявил, что Росатом начал «воротить рожу от зарубежных контрактов» // *Новая Газета*, 25.04.2007.

²³⁵ Айнхорн Р., Сеймур Г. Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы // *Ядерный контроль*. – 2002. № 4. – С. 35.

²³⁶ PPNN Newsbrief. – 2000. № 52, Third Quarter. – С. 22.

²³⁷ Перкович Дж. Ядерная революция Буша // *Россия в глобальной политике*. – 2003. № 2. Том 1. – С. 66–67.

²³⁸ Зведре Е.К. Анализ: Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля // *Ядерный контроль*. – 2001. № 1. С. 40.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ По своим техническим характеристикам российский реактор ВВЭР-1000, который будет поставлен в Иран, не в состоянии вырабатывать оружейный плутоний. Он может быть выделен только из отработанного на АЭС ядерного топлива. Однако по соответствующему соглашению, подписанному Россией и ИРИ в начале 2005 г., это топливо будет вывезено обратно в Россию, которая сама будет распоряжаться его дальнейшей судьбой.

²⁴¹ Если исходить из такой постановки вопроса, то любая ядерная держава, развивающая сотрудничество с неядерной державой в области мирного использования ядерной энергии, «способствует развитию ее военной ядерной программы». Данный постулат не только

неверный, но и не подкреплен практикой сотрудничества в ядерной сфере тех же США с иностранными государствами.

²⁴² Американцами часто приводится довод, что Иран нередко нарушал свои международные договоренности и ему ничего не будет стоить сделать это еще раз и даже прибегнуть к хищению ядерного (свежего или отработанного) топлива. Однако с момента первой поставки ядерного топлива на Бушерскую АЭС эта станция сразу же подпадает под систему гарантий МАГАТЭ и будет находиться под постоянным контролем этого агентства, что минимизирует возможность хищений. Более того, даже если хищение будет иметь место, то украденное свежее или отработанное топливо до того, как быть использованным в военных целях, должно пройти долгую переработку (в случае свежего топлива – дополнительное обогащение) на соответствующих мощностях, которых у ИРИ пока нет.

²⁴³ *Михайлов В.Н.* Домыслы и факты о сотрудничестве России и Ирана в области мирного использования атомной энергии //

<http://www.iss.niit.ru>

²⁴⁴ Einhorn R. Assistant secretary of State for Nonproliferation, Testimony Before the Senate Foreign Relations, Committee, Washington, DC. 2000. – 5 October / <http://www.state.gov>

²⁴⁵ *Iranian Weapons Program. The Russian Connection.* Hearing and Public Meeting Before the Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs and The Subcommittee on European Affairs of The Committee on Foreign Relations. US Senate, October 5, 2000. – Washington, DC, 2001. – С. 6.

²⁴⁶ *Katzman K.* Iran: Arms and Weapons of Mass Destruction Suppliers // US Congress report RL30551. – 2003. – С. 6.

²⁴⁷ *Горностаев Д., Коротченко И.* Сделка Гор-Черномырдин: Ущерб России – четыре миллиарда? // Независимая газета, 19.10.2000.

²⁴⁸ Цитируется по сайту www.iran.de

²⁴⁹ *Wehling F.* Russian nuclear and missile exports to Iran // *The Nonproliferation Review.* – Winter 1999. – Vol. 6, № 2. – С. 136.

²⁵⁰ Американские спортсмены впервые за много лет прибыли в Иран для участия в международных соревнованиях. Ранее они игнорировали все мероприятия, организованные на иранской территории. Очевидно, что без поддержки и разрешения со стороны американских властей поездка спортсменов в Иран не состоялась бы. После избрания М. Хатами на пост президента в 1997 г. разговоры о скором улучшении ирано-американских отношений участились, и в за-

падных аналитических журналах даже появились тезисы о положительных последствиях ирано-американского сближения (см., например: *Kemp G.* The Persian Gulf Remains the Strategic Prize // *Survival.* – Winter 1998–1999. – Vol. 40, № 4. – С. 132–149).

²⁵¹ *Сафранчук И.* Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра. – 1998. – № 8. – С. 12.

²⁵² *Сафранчук И.* Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра. – 1998. – № 8. – С. 12.

²⁵³ Главкосмос, Балтийский государственный технический университет, ГосНИИ приборостроения им. Тихомирова, Завод им. Коминтерна, Научно-производственный центр ИНОР, Комуания МОСО, НИИ Графит, НИИ Полус, Комуания Европалас-2000, ОКБ Факел.

²⁵⁴ *Zvedre Y.* US Perception of Russia-Iran Relations: Instrumental Distortions // *The Monitor.* – Winter 2001. – Vol. 7, № 1. – С. 3.

²⁵⁵ Согласно введенным санкциям: запрещалось министерствам и агентствам США заключать контракты на поставку товаров, технологий и услуг, произведенных или предоставленных организациями, в отношении которых введены санкции; запрещалось министерствам и агентствам США осуществлять помощь указанным организациям, также эти организации не могут участвовать в совместных программах США; запрещалось экспортировать в США товары, технологии и услуги, произведенные или предоставленные организациями, в отношении которых введены санкции.

²⁵⁶ Цитируется по: *Задонский С. М.* Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 17.

²⁵⁷ Пресс-служба МИД РФ. – 13 янв. 1999.

²⁵⁸ ФСБ России. – 14 янв. 1999.

²⁵⁹ Пресс-служба Государственной Думы. – 20 янв. 1999.

²⁶⁰ Пресс-служба МИД РФ. – 3 апр. 1999.

²⁶¹ *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. – 2001. – № 18. – С. 31.

²⁶² Там же. С. 32.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ *Allison G.* How to Stop the Nuclear Terror // *Foreign Affairs.* – 2004. – Vol. 83. № 1. – С. 71.

²⁶⁵ *Фишер Д.* Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову // *Ядерный контроль.* – 1995. № 6. – С. 20–21.

²⁶⁶ Орлов В.А. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения // Ядерный контроль. – 1998. № 6. – С. 57–58.

²⁶⁷ Далее израильский чиновник продолжает: «Начиная с октября, мы почувствовали, что к выработке тактики подключились Клинтон и Гор. Было решено, что пора положить конец уже известным случаям и принять нормативные документы (наказывающие за утечки ракетных компонентов в Иран). Конгресс стал проявлять нетерпение. В ноябре мы (вновь) решили, что должны действовать самостоятельно, и направили делегацию в Москву во главе со Щаранским. В январе (1998 года) администрация попросила Конгресс попрiderжать законопроект о санкциях. Гор взялся активнее контактировать с правительством России. Мы также исходили из того, что у Конгресса есть выработанная повестка дня и что нельзя давить на него безгранично. Мы сочли, что Израиль все-таки должен уйти в тень и предоставить возможность действовать Соединенным Штатам. В результате (хотя и после проволочек) действия США возымели успех. Частично Россия предприняла меры против своих комуаний, уличенных в незаконной торговле с Ираном». Орлов В.А. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения // Ядерный контроль. – 1998. № 6. – С. 57–58.

²⁶⁸ Орлов В.А. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения // Ядерный контроль. – 1998. № 6. – С. 47.

²⁶⁹ Орлов В.А. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения // Ядерный контроль. – 1998. № 6. – С. 49.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Rice C. Promoting the National Interest // Foreign Affairs. – 2000. – Vol. 79, № 1. – С. 61.

²⁷² Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003. – С. 108.

²⁷³ US Send Data to Russia on Iran // Middle East Newslines 4. – 2004. – May 29.

²⁷⁴ Debt Relief May Wean Russia from Iran, US Official // Reuters. – 2002. – May 14.

²⁷⁵ См. на сайте

http://www.kremlin.ru/appears/2001/09/19/0000_type63379_28636.shtml

²⁷⁶ Mizin V. The Russia-Iran Nuclear Connection and US Policy Options // Middle East Review of International Relations. – 2004. – Vol. 8, № 1. – С. 80.

²⁷⁷ http://www.kremlin.ru/appears/2001/09/19/0000_type63379_28636.shtml

²⁷⁸ Интервью Президента России В.В. Путина американской газете «Нью-Йорк Таймс», Ново-Огарёво, 04 октября 2003 года // Информационный бюллетень МИД РФ. – 7 окт. 2003.

²⁷⁹ Стенограмма выступлений и ответов на вопросы российских СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова и Министра обороны Российской Федерации С. Б.Иванова по итогам саммита Россия – США, Братислава, 24 февраля 2005 г. // Департамент информации и печати МИД РФ. – 25 февр. 2005.

²⁸⁰ Начало поставок ядерного топлива было запланировано на 2001 г., так как к этому времени, как предполагалось, должна была быть сдана в эксплуатацию Бушерская АЭС. Как правило, ядерное топливо поставляется на АЭС за 6 месяцев до ее технического пуска.

²⁸¹ Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? // The Nonproliferation Review. – Fall 1997. – Vol. 5, № 1. – С. 127.

²⁸² О возможности создания ядерного оружия на основе ОЯТ см.: Новиков И.А. Оружие массового поражения на Ближнем Востоке. М.: ИИИБВ, 2004. – С. 20–22.

²⁸³ Единственная страна, которая создала и испытала ядерное оружие на основе выделения плутония из ОЯТ.

²⁸⁴ Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире. – М.: РИСИ, 2003. – С.135.

²⁸⁵ Задонский С. М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 37.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ См.: Checking Iran's Nuclear Ambitions/ Ed. by Sokolski H., Clawson P. – Washington, DC.:SSI, January 2004. – С. 28.

²⁸⁸ Интерфакс, 06.06.2001.

²⁸⁹ Отсутствие у России законодательного права на ввоз ОЯТ ограничивало ее возможности в плане экспорта свежего ядерного топлива. Так что Россия озаботилась вопросом легитимации ввоза отработанного топлива и чтобы поддержать экспортеров, и чтобы иметь возможность строить АЭС за рубежом. Ведь пока Россия не могла увезти обратно отработанное ядерное топливо, она не имела возможности строить атомные станции за границей, так как из стран, не являющихся ядерными, надо обязательно вывозить отработанное топливо, иначе это будет нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, ввоз ОЯТ – дело доходное. За ввоз отработанного топлива для хранения и перера-

ботки во всем мире берут от тысячи до полутора тысяч долларов за килограмм. В мире накопилось более 200 тысяч тонн ОЯТ, и каждый год это количество увеличивается приблизительно на 10 тысяч тонн. По словам руководителя Минатома Румянцева, Россия может рассчитывать на ввоз и захоронение около 10 процентов от этого количества. Выходит 20 тысяч тонн. Помножим эту цифру на 1000 долларов за килограмм и получим 20 миллиардов долларов.

²⁹⁰ *Россия примет иранские ядерные отходы* // <http://www.vesti.ru> 25.06.2002.

²⁹¹ *Иран скрестили с ураном* // Известия, 11.02.2003.

²⁹² О совместной пресс-конференции вице-президента Исламской Республики Иран, руководителя Организации по атомной энергии Ирана Резы Агазаде и Министра РФ по атомной энергии Александра Румянцева (Москва, 2 июля 2003 г.) см. на сайте Минатома РФ www.minatom.ru. – 02.07.2003.

²⁹³ *Румянцев: по вопросу об ОЯТ существует недопонимание* // www.iranatom.ru – 29.02.2004.

²⁹⁴ *Визит Румянцева в Иран перенесен на май 2004 года* // www.iranatom.ru – 22.03.2004.

²⁹⁵ *Сатановский Е.Я. «Иранская Оттепель» Президента Хатами. Тегеран преподносит сюрпризы Москве* // НГ Дипкурьер, 22.03.2004.

²⁹⁶ *Стенограмма ответов Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на вопросы российских и зарубежных СМИ по итогам переговоров с министром иностранных дел Ирана К. Харрази в Тегеране 10 октября 2004 г.* // Департамент информации и печати МИД РФ. – 11.10.2004.

²⁹⁷ *Интервью Президента России В.В. Путина американской газете «Нью-Йорк Таймс», Ново-Огарёво, 04 октября 2003 года* // Информационный бюллетень МИД РФ. – 07.10.2003.

²⁹⁸ *Встреча в Кремле, которая вызвала особый интерес у западных наблюдателей* // сайт Первого канала <http://www.1tv.ru>. – 18.02.2005.

²⁹⁹ *Россия и Иран подписали протокол о возврате отработавшего ядерного топлива с АЭС в Бушере* // Итар-Тасс. – 27.02.2005.

³⁰⁰ *Мамедова Н., Федоров Ю., Федченко В. Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения* // Аналитические записки ИПМИ. 2003. – № 2. Том 2. – С. 10.

³⁰¹ Типовой дополнительный протокол к Соглашению(ям) между государством(ами) и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий. Документ МАГАТЭ INFCIRC/540.

³⁰² *Лама В., Хлопков А. Иран: ракетно-ядерная загадка для России* // Ядерный контроль. – 2003. № 2 (68). Том 9. – С. 39.

³⁰³ *Orlov V., Vinnikov A. The Great Guessing Game: Russia and the Iranian Nuclear Issue* // The Washington Quarterly. – Spring 2005. – Vol. 28, № 2. – С. 54.

³⁰⁴ Ibid.

³⁰⁵ *Chubin Sh., Litwak R. Debating Iran's Nuclear Aspirations* // The Washington Quarterly. – Autumn 2003. – Vol. 26, № 4. – С. 100.

³⁰⁶ Non Proliferation of Weapons of Mass Destruction. G-8 Declaration. Evian, 3 June 2003.

³⁰⁷ *Ответ официального представителя МИД России А.В.Яковенко на вопрос российских и зарубежных СМИ в связи с принятием МАГАТЭ резолюции по вопросу об осуществлении Ираном Соглашения о гарантиях в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия* // Информационный бюллетень МИД РФ. – 13 сент. 2003.

³⁰⁸ *Задонский С. М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения.* – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 35.

³⁰⁹ После Исламской революции стало традицией делать важнейшие политические заявления во время пятничных молитв. Это характерно прежде всего для духовных лидеров страны, к коим и относится аятолла Хашеми-Рафсанджани. На пятничные молитвы, организуемые в Тегеранском университете, часто приглашаются и журналисты, которые должны важнейшие с политической точки зрения слова проповедников донести до иранской и мировой общественности.

³¹⁰ *Четыре условия Хашеми-Рафсанджани* // www.iranatom.ru – 30.11.2003.

³¹¹ *Раджаб Сафаров: Почему Иран упорствует?* // www.iranatom.ru – 29.11.2003.

³¹² BBC-online. – 13.07.2003.

³¹³ *Interview with Ali Akbar Salehi* // Iran Daily. – 27.07.2003.

³¹⁴ *Дубнов А. Ядерное самоограничение Ирана.* – Время Новостей, 11.11.2003, № 210.

³¹⁵ *Джек Э. Иран награждает Путина за роль, сыгранную им в ядерном диспуте* // Financial Times. – 11 ноября 2004. // на сайте www.inopressa.ru.

³¹⁶ В дальнейшем иранская сторона не раз говорила о своем желании отозвать свою подпись из Протокола, хотя в реальности Тегеран этого не сделал. Несмотря на то, что Протокол до сих пор не ратифицирован иранским меджлисом, Тегеран особо не препятствует инспек-

торам МАГАТЭ посещать иранские ядерные объекты именно в том относительно свободном режиме, который и обеспечивается Дополнительным протоколом.

³¹⁷ *Iran's Nuclear Program: A Collection of Documents. Presented to Parliament by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command of Her Majesty.* – January 2005. – С. 152–153.

³¹⁸ Злобин А. Иран сдал уран // *Время Новостей*, 16.11.2004, № 209.

³¹⁹ Путин видит одну проблему с мирной ядерной программой Ирана // *РИА «Новости»*. 18.03.2005.

³²⁰ Такие заявления можно найти практически в каждой стенограмме совместных пресс-конференций руководителей ФААЭ/Росатома и ОАЭИ на официальном сайте ФААЭ.

³²¹ IRNA. 03.04.2007.

³²² *Uranium Enrichment On Industrial Scale* // *Iran Daily*, 10.04.2007. Заявление иранского президента было сделано 9 апреля – в день, когда возобновились переговоры между Росатомом и ОАЭИ о дальнейшей судьбе Бушерского проекта, и за несколько дней после освобождения иранской стороной английских военнопленных. Это может означать, что Ахмадинежад, возможно, сделал скорее декларативное заявление, цель которого – упрочить позиции ИРИ во время переговоров с Россией и с другими странами, которые так или иначе вовлечены в процесс переговоров с Ираном по достройке АЭС, поставкам топлива и урегулированию иранского ядерного кризиса. О декларативности заявления иранского президента говорит также целый ряд оценок специалистов. Так, на следующий день после заявления иранского лидера эксперт российской компании Техснабэкспорт прокомментировал иранское достижение следующим образом: «Вопрос в том, что они сами понимают под промышленными масштабами производства топлива. По предварительным оценкам, мощности их обогащительных центрифуг в несколько тысяч раз меньше, чем в любой другой стране, обладающей ядерно-топливным циклом. Чтобы Ирану на этих мощностях обогатить достаточно топлива для одного атомного реактора, надо минимум от четырех до пяти лет» (*Эксперт: Иран не может самостоятельно производить ядерное топливо* // *РИА «Новости»*, 10.04.2007).

³²³ О характере уже имеющихся предложений мы поговорим в последнем параграфе нашей книги.

³²⁴ Заявление Председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций, 29 марта 2006. – S/PRST/2006/15.

³²⁵ Сергей Лавров. «По Ирану мы не размениваемся» // *Время Новостей*. – 13.03.2006. Такой заголовок интервью был дан из-за того, что в марте 2006 г. в СМИ появилась информация о том, что Россия готова «сдать Иран» в обмен на согласие США по поводу вступления России в ВТО.

³²⁶ Письмо Постоянного представителя Франции при Организации Объединенных Наций от 13 июля 2006 года на имя Председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности. 13 июля 2006. – S/2006/521.

³²⁷ Данный пункт предполагал: поддержка в строительстве реакторов на легкой воде, подписание соглашения между Ираном и «Евроатомом», сотрудничество в сфере обращения с радиоактивными материалами, гарантийное получение Ираном ядерного топлива, участие Ирана в создании на территории России международного центра по обогащению урана, создание буферных запасов ядерного топлива для ИРИ, подписание торгово-экономического соглашения между ИРИ и ЕС, вступление ИРИ в ВТО.

³²⁸ Письмо Постоянного представителя Франции при Организации Объединенных Наций от 25 июля 2006 года на имя Председателя Совета Безопасности ООН // Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, 25 июля 2006 г. – S/2006/573.

³²⁹ Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 года. – S/RES/1696 (2006).

³³⁰ Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, 5500-е заседание. Предварительный отчет. – S/PV.5500. – С. 14.

³³¹ Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова "Российской газете" 22 ноября 2006 года // Министерство иностранных дел России, Департамент информации и печати. 22 ноября 2006 г.

³³² Организация по атомной энергии Ирана (ОАЭИ), Энергетическая компания «Месбах» (поставщик для исследовательского реактора А40 – Арак), «Кала-электрик» (также известна под названием «Калайе электрик») (поставщик для ПФЕП – Натанз), Компания «Парс треш» (принимает участие в центрифужной программе, указывается в докладах МАГАТЭ), «Фараянд техник» (принимает участие в центрифужной программе, указывается в докладах МАГАТЭ), Организация военной промышленности (ОВИП), Промышленная группа «Шахид Хеммат» (ПГШХ) (в подчинении АИО), Промышленная группа «Фаджр» (бывший Инструментальный завод; находится в подчинении АИО) и т.д.

³³³ Поставки российских установок Тор-М завершились в январе 2007 года.

³³⁴ Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, 5612-е заседание. Предварительный отчет. – S/PV/5612. – С. 2.

³³⁵ *Nasser Karimi*. Tehran Vows to defy the U.N. // *The Washington Times*, 24.12.2006.

³³⁶ Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике // Министерство иностранных дел России, Департамент информации и печати. – 17 марта 2007 г.

³³⁷ *Elaine Sciolino*. Russia Gives Iran Ultimatum on Enrichment // *The New York Times*, 20.03.2007.

³³⁸ Стенограмма ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на «правительственном часе» в Государственной Думе Российской Федерации, Москва, 21 марта 2007 года // Министерство иностранных дел России, Департамент информации и печати. – 22.03.2007.

³³⁹ Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 года. – S/RES/1747 (2007).

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ *Aghazadeh R.* Iran's Nuclear Policy (Peaceful, Transparent, Independent). – IAEA Headquarters. Vienna. – 2003. – 6-th May. – С. 1–3.

³⁴² *Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives/* Ed. by G.Kemp. – Washington, DC., March 2004. – С. 5.

³⁴³ *Балуджи Г.А.* О ядерном выборе Ирана // *Ядерный контроль*. – 2003. № 4. – С. 59.

³⁴⁴ *Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives/* Ed. by G.Kemp. – Washington, DC., March 2004. – С. 5.

³⁴⁵ *Иран: десять атомных гигаватт к 2030 году* // www.iranatom.ru – 03.12.2003.

³⁴⁶ *Sahimi M.* Iran's Nuclear Program. Available on <http://www.iranwatch.org>

³⁴⁷ Ibid.

³⁴⁸ *Iran-Daily*, 01.08.2005.

³⁴⁹ «Америка – это национальное государство». Интервью с А. Коэнном. // *Эксперт*. 2005. № 15. С. 96.

³⁵⁰ Muller F. 2003 Why Iran is Key for Europe's Security of Energy Supply – "*Iran and Its Neighbors*". – С. 97.

³⁵¹ Примечательно, что в сентябре 2005 г. в Совете управляющих МАГАТЭ Индия проголосовала за антииранскую резолюцию и тем самым, по мнению многих индийских политиков, таких, например, как бывший министр иностранных дел и лидер «Бханатия джаната партии» Яшвант Синх, полностью перешла в американский лагерь.

³⁵² Roberts J. 2004. The Turkish Gate: Energy Transit And Security Issues. – *Turkish Policy Quarterly*. Vol. 3, № 4. – С. 18.

³⁵³ Так иранцы нередко называют свое газовое месторождение Южный Парс, которое призвано в будущем сыграть в судьбе Ирана важнейшую не только политическую, но и экономическую роль.

³⁵⁴ Президент Ирана предлагает России совместно определять цены на газ. // РИА «Новости», 15.06.2006.

³⁵⁵ *Суслов Д.* Иранский ключ к мировой стабильности // *Россия в глобальной политике*. – 2005. № 1. Том 3. – С. 130.

³⁵⁶ *Beyond Containment: Defending US Interests in the Persian Gulf* // INSS NDU Special Report. – September 2002. – С. 6.

³⁵⁷ *Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В.* Сдерживание во втором ядерном веке. – М.: ИПМБ РАН, 2001. – С. 30.

³⁵⁸ Там же, С. 17–18.

³⁵⁹ *Ивашенцев Г.А.* Россия-Иран. Горизонты партнерства // *Международная жизнь*. – 2004. № 10. – С. 28.

³⁶⁰ *Perkovich G., Mathews J., Cirincione J., Gottemoeller R., Wolfsthal J.* – Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. – Washington, DC.CEIP – 2005. – С. 169.